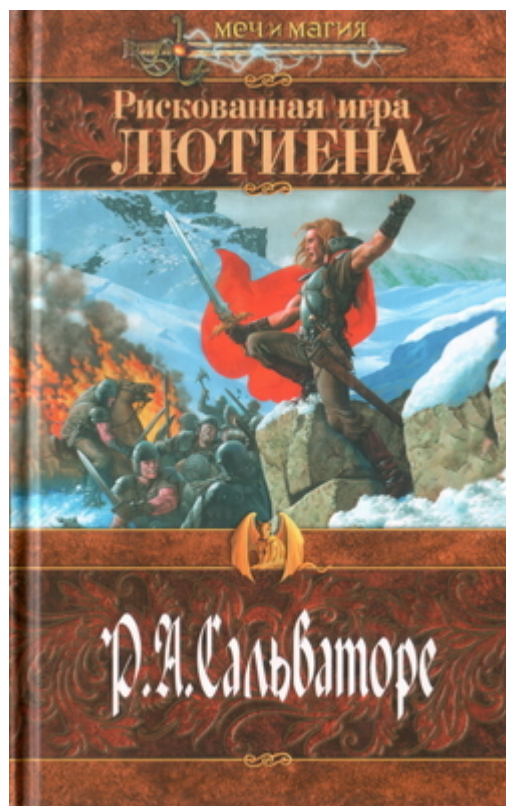

Роберт Сальваторе Рискованная игра Лютиена

Алая тень – 2

, OCR & ReadCheck - Vahmurka <http://oldmaglib.com>
«Р. А. Сальваторе "Рискованная игра Лютиена"»: Эксмо, Домино; Москва, Санкт-Петербург; 2003
ISBN 5-699-04471-X

Аннотация

Надежда не умирает даже в самые темные времена. Ни угрозами, ни магическими заклинаниями жестокий король Эриадора Гринспэрроу и его герцоги-чародеи не подчинят своей воле гордых обитателей бедных домов — люди, гномы и эльфы не желают покорно склонять головы перед палачами и встанут под знамена бесстрашного и благородного мстителя Лютиена Бедвира. Впереди их ждут долгие походы и кровавые битвы, победы и поражения. И не всегда героям сопутствует звезда удачи...

Роберт Сальваторе «Рискованная игра Лютиена»

ПРОЛОГ

Это были темные времена. Эриадор стонал под игом короля Гринспэрроу и его герцогов-чародеев. Преторианская гвардия, состоявшая из диких и злобных циклопов, жестоко угнетала народ. В те времена восемь величайших соборов Эйвонских островов, построенные как дань поклонения высшим силам, использовались для подсчета и сбора налогов.

Но это также были времена надежды, ведь в северо-западной части горного хребта,

называемого Айрон Кросс, в Монфоре, самом большом городе Эриадора, слышались призывы к борьбе за свободу, к открытому сопротивлению. Злобный герцог Моркней, оружие в руках Гринспэрроу, был мертв, его обнаженное костлявое тело болталось на самой высокой башне Собора, главной церкви Монфора. Богатых купцов и их охранников-циклопов — главную опору трона — оттеснили и заперли в верхнем районе города. А в это время обитатели бедных домов, гордые эриадорцы, вспомнили королей древности и выкрикивали имя Брюса Макдональда, который привел свой парод к победе в кровопролитной войне с циклопами несколько веков назад.

Конечно, это восстание явилось всего лишь проблеском надежды в море мрака, одинокой звездочкой в темном ночном небе. Чародей-герцог был мертв, но король мог с легкостью заменить его. Монфор сотрясали яростные битвы, повстанцы сражались против правителей и их охранников-циклопов. Однако грозные войска Эйвона еще не появились, им мешала зима. Но никто не сомневался, что, когда Гринспэрроу ураганом обрушится на север, каждый, кто осмелится восстать против короля-чародея, узнает, что такое настоящая тьма.

Повстанцы не думали об этом, они сражались в своей нынешней битве, объединившись и не теряя надежду. Вот так всегда и начинаются революции.

Вот почему маленькая искорка, загоревшаяся в Монфоре, положила начало огромному пожару, охватившему все земли, стонавшие под игом захватчиков с юга. Народ объединяло имя величайшего героя древности, Брюса Макдональда, и призывы нового вождя, победителя самого герцога Моркнея.

Призывы Алой Тени.

1. СОБОР

Восстание началось здесь, в огромном нефе Собора, и до сих пор высохшие пятна крови тех, кто погиб в той первой битве, можно было увидеть на деревянных скамьях и каменном полу, стенах и статуях.

Собор построили прямо у стены, отделявшей район купцов и богачей от простого народа. Таким образом, здание имело важное стратегическое значение. Оно переходило из рук в руки несколько раз с тех пор, как начались бои, но революционеры были настроены столь решительно, что циклопам все еще не удавалось продержаться там настолько долго, чтобы взобраться на башню и снять тело герцога Моркнея.

В этот раз, однако, одноглазые ударили в полную силу и проломили западные ворота Собора, как и меньшие двери со стороны северного трансепта. Циклопы десятками прорывались внутрь, встречая, однако, решительный отпор со стороны повстанцев. И свежие пятна крови появились поверх высохших, забрызгав деревянные скамьи и каменный пол.

За несколько минут Собор превратился в арену ожесточенной схватки, в которой противники не щадили себя, думая лишь об уничтожении ненавистных врагов.

Шум битвы слышали в нижнем районе города, на улицах, принадлежавших повстанцам. Сиоба, полуэльфийка, и ее четыре десятка товарищей-эльфов — более трети всех эльфов Монфора — не замедлили откликнуться на призыв. В стене великого Собора был проделан секретный вход, ведущий из нижней части города. Его прорубили искусные гномы в те редкие моменты, когда бои затихали. Сейчас Сиоба и ее товарищи ринулись из нижнего района, карабкаясь по заранее подготовленным канатам в проход.

Пробираясь по грубому туннелю, они могли слышать шум битвы, доносившийся из нефа. Проход тянулся вдоль массивной стены, разделявшей город, затем поворачивал, следуя очертаниям соборной апсиды. Гномы без труда справились с задачей, поскольку толщина стен в любом месте была не менее десяти футов, а кое-где уже имелись проходы, которые использовались ранее при ремонте старинного здания.

Скоро эльфы повернули на запад. Туннель резко обрывался, переходя в лестницу, которая привела их на следующий уровень. Затем маленький отряд повернул на юг, опять на запад, и, наконец, на север, завершив обход южного трансепта. Здесь Сиоба отодвинула

каменную плиту и выбралась на южный трифорий, открытый выступ в пятидесяти футах над полом, тянувшийся от западных дверей вдоль всего нефа. Она откинула с лица пшеничные локоны и тяжело вздохнула, глядя на разыгрывавшуюся внизу сцену.

— Цельтесь как можно лучше, — велела Сиоба своим товарищам-эльфам, которые проскальзывали позади нее и распределялись по всему выступу.

Впрочем, приказ оказался излишним, эльфы сами все поняли, взглянув на путаницу тел врагов и друзей, сплетавшихся в смертельной схватке. Немногие циклопы были столь любезны, что сами подставляли себя под выстрелы. Однако мало кто на Эйвонских островах мог превзойти эльфов в стрельбе из лука. Зазвенела тетива, стрелы свистнули в воздухе, безошибочно поражая циклопов внизу.

Теперь эльфийский отряд разделился. Примерно четверть отважных повстанцев с Сиобой во главе помчалась вдоль трифория в его западный конец. Здесь находился небольшой туннель, также расположенный высоко над полом и пересекавший неф, выходя на северный трифорий. Эльфы, стараясь держаться в тени статуй, украшавших выступ, пробрались в противоположный конец, к основанию северного трансепта. Именно здесь прорвалась внутрь собора большая часть циклопов, и только горсточка защитников отважно попыталась преградить им путь. Десяток эльфов натянули луки и посылали стрелу за стрелой, поражая одноглазых, заваливая северный трансепт телами врагов.

На мгновение показалось, что атаку удалось отбить. И одноглазые, к которым перестало подходить подкрепление, отхлынули назад. Но затем раздался оглушительный грохот — это рухнули под ударами тяжелого тарана двери в конце южного трансепта, сметая возведенные баррикады. Новая волна циклопов хлынула внутрь, и ни эльфийские лучники в трифории, ни люди, отважно бившиеся в нефе, не смогли остановить ее.

— Похоже, что на нас двинулись все одноглазые Монфора! — воскликнул эльф, стоявший позади Сиобы.

Девушка кивнула, соглашаясь с такой оценкой ситуации. Вероятно, виконт Обри, который, по слухам, теперь возглавил верные королю войска, посчитал, что Собор слишком долго находился в руках противника. Говорили, что Обри был обычным фигляром, одним из многочисленной толпы виконтов и баронов, кичившейся благородством своей крови, лакеев самозваного правителя Эйвона. Однако, вне зависимости от его личных качеств, сейчас Обри подчинялась вся гвардия Монфора. И теперь виконт обрушил все свои силы на повстанцев, засевших в Соборе.

— Лютиен это предвидел, — горестно вздохнула Сиоба. Она говорила о своем возлюбленном, которого сама судьба избрала на роль Алой Тени, освободителя простого народа. Действительно, еще неделю назад Лютиен сказал подруге, что они не смогут удержать Собор до весны.

— Мы не можем остановить их, — заметил один из спутников Сиобы.

Первым побуждением девушки было отругать эльфа за столь мрачный пессимизм. Однако она не могла не признать его правоту. Виконт Обри желал вновь отвоевать Собор, и он это сделает. Повстанцам не под силу защитить огромное здание. Им оставалось надеяться только на то, что удастся вывести отсюда почти всех своих людей. И, разумеется, оставить позади как можно больше трупов врагов.

Сиоба подняла лук и послала стрелу прямо в грудь одноглазому в то мгновение, когда он собирался добить человека, которого свалил на пол предыдущим ударом. Циклоп застыл, глядя единственным огромным глазом на подрагивающее древко, словно не понимая, что произошло. Человек вскочил на ноги и ударил противника дубинкой по голове, превратив лицо умирающей твари в кровавое месиво.

Затем воин развернулся и оглядел трифорий. Взгляд спасенного упал на Сиобу, все еще стоящую с луком в руках. Человек поднял вверх крепко сжатый кулак, выражая таким образом благодарность спасительнице. Мгновение спустя он уже присоединился к новой схватке, закипевшей в центре Собора.

Один из отрядов циклопов выстроился в шеренгу и оттеснял толпу повстанцев с юга.

— Отступаем к южному трифорию, — приказала Сиоба товарищам. Те с недоумением посмотрели на предводительницу. Если они присоединятся к основной части отряда, то потеряют с таким трудом полученное преимущество, лишившись стратегически важного пункта.

— Назад! — крикнула девушка, которая, в отличие от своих товарищей, видела картину в целом и могла предвидеть дальнейшее развитие событий. Скоро неф будет потерян. И тогда все силы одноглазых обрушатся на выступ, обороняемый эльфами. Единственной дорогой, по которой отряд еще мог отступить, оставался тот же проход, который привел их внутрь, потайной ход, соединявший дальнюю западную стену с южным трифорием. Предводительница понимала, что им предстоит проделать немалый путь, но если небольшой туннель над западным входом будет отрезан циклопами, то и северный выступ, и весь ее отряд окажутся в осаде.

— Бегом! — крикнула Сиоба, и ее товарищам, хотя они по-прежнему не понимали смысла приказа, не пришло в голову тратить время на расспросы.

Опытная воительница задержалась у основания северного трифория и оглянулась назад. Она не сомневалась, что эльфы из ее отряда, называвшиеся каттерами, прорвутся. Однако девушка опасалась, что никому из людей, защищавших сейчас неф, не удастся уйти из Собора живыми.

Все остальные эльфы уже проскочили мимо нее и скрылись в туннеле. Сиоба повернулась, собираясь последовать за товарищами, но затем внезапно обернулась и в душе ее вспыхнула надежда.

Прямо на глазах девушки небольшой, абсолютно правильный квадрат стены в дальнем конце Собора, как раз под секретным туннелем, который ее отряд использовал, чтобы проникнуть в здание, наклонился и рухнул. Девушка ожидала, что раздастся страшный грохот, но, к ее удивлению, каменная плита вовсе не упала на пол, а просто повисла в воздухе, поддерживаемая цепями, подобно подъемному мосту. Из открывшегося прохода появился человек в алом плаще, развевавшемся у него за плечами. Он пробежал по платформе, соскочил на пол и в два прыжка оказался возле алтаря, в центре апсиды. Затем человек столь же легко вспрыгнул на алтарь и угрожающе поднял свой великолепный меч. Сиоба невольно улыбнулась, догадавшись, что хитроумные гномы в редкие моменты затишья занимались не только прокладкой потайного туннеля. Они также успели соорудить нечто вроде подъемного моста. Вероятно, эта идея принадлежала самому Лютиену, поскольку мудрый вождь смог предвидеть тот день, когда он непременно понадобится отважным повстанцам.

Защитники Собора продолжали сражаться, но циклопы, почуяв неладное, обернулись и впали в панику.

Появился легендарный герой, прозванный Алой Тенью.

— Дорогой Лютиен, — прошептала Сиоба. Затем ее улыбка стала еще шире, когда вслед за юношей в Соборе появился его верный товарищ — франтоватый хафлинг по имени Оливер де Берроуз. В одной руке он держал огромную шляпу, с которой умудрялся не расставаться даже в самых опасных ситуациях, в другой сжимал длинную рапиру. За плечами отважного коротышки развевался роскошный плащ из малинового бархата. Хафлинг подскочил к алтарю и изо всех сил подпрыгнул, собираясь последовать за товарищем. Его пальцы ухватились за край каменной плиты... Но при всех своих стараниях Оливер, чей рост не превышал трех футов, не мог вскарабкаться на алтарь, если бы не крепкая рука, бесцеремонно ухватившая за штаны и подкинувшая его вверх.

Когда Сиоба узнала третьего спутника вождя, улыбка на ее лице слегка увяла, хотя девушка, безусловно, была рада видеть возлюбленного, столь своевременно пришедшего на выручку. Его третьим спутником оказалась женщина. Она была родом с острова Бедвидрин, родного острова Лютиена, и знала юношу с детства. Высокая и стройная девушка далеко не в первый раз участвовала в битве. К тому же даже Сиоба не могла отрицать, что та отличалась необычайной красотой. По плечам ее разметались спутанные рыжие кудри, а ярко-зеленые

глаза сверкали так же ярко, как и прекрасные очи полуэльфийки.

— Вот мы и опять встретились, Кэтрин О'Хейл, — прошептала Сиоба, пытаясь справиться с мгновенно вспыхнувшей ревностью. Она напомнила себе, что появление этих троих да еще шести десятков воинов, хлынувших в здание с платформы, может спасти жизнь многим защитникам Собора, вступившим в безнадежную схватку с циклопами, прорвавшимися в неф.

Преодолеть туннель в западной стене оказалось нелегкой задачей для эльфов. Страхи Сиобы насчет того, что циклопы постараются отрезать им путь, оправдались — одноглазые ожидали их в небольшом помещении над западным притвором. Однако они не успели организовать сопротивление, и эльфы при помощи своих соплеменников, ударивших со стороны южного туннеля, пробились к южному трифоррию, отделавшись несколькими царапинами.

Выбравшись на открытый выступ, Сиоба обнаружила, что сражавшиеся внизу постепенно отступали к проходу, открытому для них Лютиеном и его отрядом.

— Бьемся до последней стрелы, — приказала девушка товарищам. — И приготовьте веревки, мы должны спуститься в южное крыло и присоединиться к союзникам.

Остальные эльфы кивнули, хотя лица их омрачились, поскольку отважные стрелки не ожидали подобного приказа. Каттеры привыкли к другой тактике: они наносили стремительный удар, издали осыпали противника ливнем стрел и отступали, прежде чем враги успевали организовать сопротивление. Однако сейчас они находились в Соборе, и он был почти потерян, а вместе с ним повстанцы могли потерять многих отважных бойцов. Сиоба торопливо объяснила, что их обычная тактика удара и отступления не подходит, ведь исход этой битвы слишком много значит для восставших.

Лютиен вступил в битву. Его знаменитый меч, «Ослепительный», без устали поражал циклопов, вселяя надежду в сердца повстанцев. Оливер и Кэтрин прикрывали вождя с флангов. Чудовищная шляпа хафлинга давно сползла на затылок, открывая длинные курчавые волосы. Свирепый коротышка пронзал одноглазых острым клинком, добывая раненых кинжалом. Девушка играючи управлялась с легким копьем. Оливер и Кэтрин были грозными бойцами, как и воины, двигавшиеся вслед за ними из полукруглой апсиды, яростный клин, поражающий врагов и прикрывающий отступающих соратников.

Однако все внимание циклопов сконцентрировалось на Лютиене, Алой Тени, убийце Моркнея. Одноглазые прекрасно знали легендарный алый плащ вождя повстанцев. Теперь им предстояло испытать на себе разящую силу его великолепного меча с золотым, украшенным драгоценными камнями эфесом, вырезанным в виде фигурки дракона, поднявшегося на задние лапы. Лютиен был самым опасным из всех, именно он объединил свободолюбивых жителей Эриадора. Если циклопам удастся сразить Алую Тень, восстание в Монфоре подавят за несколько дней. Большинство одноглазых старались побыстрее убраться в сторону, избегая смертоносных ударов Лютиена. Но находились среди них и честолюбцы, стремившиеся подобраться к храброму юноше, желая заслужить благорасположение виконта Обри, который, вероятно, станет следующим правителем города.

— Тебе следовало бы обзавестись кинжалом, — заметил Оливер, глядя, как Лютиен сражается одновременно с двумя циклопами. Словно желая придать убедительности своим словам, Оливер перехватил кинжалом направленное на него копьё. Несмотря на обманчивую легкость движения, наконечник копья обломился, и хафлинг, отскочив чуть в сторону, пронзил рапирой грудь циклопа.

— Видишь ли, левую руку можно использовать не только для сохранения равновесия, — как ни в чем не бывало продолжил Оливер, становясь в позу победителя: наконечник рапиры упирается в пол, левая рука — в бедро. Казалось, хафлинг находится не в гуще яростно кипящей битвы, а на арене, принимая рукоплескания восторженной толпы зрителей. Оливер сохранял эту позу еще несколько мгновений, пока другой циклоп не налетел на него сбоку.

Невзирая на яростные атаки противников, Лютиен не удержался от улыбки. Он ощутил необходимость опровергнуть заявление своего миниатюрного приятеля.

— Но если вторая рука у меня будет занята кинжалом, — начал юноша, нанося удар «Ослепительным», а затем широко им взмахнул, отбросив противников назад, — то как тогда я смогу сделать это?

Лютиен сжал рукоять меча обеими руками, поднял тяжелый клинок над головой и бросился вперед. «Ослепительный» ринулся наискось вниз, мощь этого удара отбросила в сторону копья обоих циклопов, отрубив наконечник одного из них.

Меч снова взметнулся над головой Лютиена и снова упал, отбивая в сторону копья врагов, а юноша сделал шаг вперед.

Яростная атака продолжалась, но на этот раз молодой человек ударил слева. Кончик меча прочертил яркую красную линию на груди ближайшего циклопа. Второй противник решительно двинулся навстречу Лютиену, выставив перед собой копье.

«Ослепительный» с необычайной легкостью одним ударом рассек и копье и крепкие доспехи, глубоко вонзившись в грудь циклопа. Одноглазый пошатнулся и начал падать, но лезвие, пронзившее ему грудь, удержало циклопа на месте.

Его дружок стер ладонью кровь со своей груди и поспешно отскочил, не желая больше связываться с грозным юным воином.

Лютиен выдернул меч, и циклоп рухнул на пол.

Короткое мгновение, отпущенное для передышки, Лютиен потратил на то, чтобы бросить взгляд на приятеля. Ему хотелось узнать, удалось ли стереть с лица Оливера улыбку превосходства.

Не удалось. Рапира хафлинга описывала сияющий круг возле наконечника меча очередного циклопа, приводя в замешательство туповатого противника.

— Великолепно! — фыркнул Оливер, растягивая слово на гасконский манер. — Если бы ты соизволил последовать моему совету и вооружился кинжалом, эти двое уже валялись бы мертвыми. А теперь мне придется найти того, сбежавшего, и доделать твою работу. Уж конечно, мне достался самый уродливый из одноглазых!

Лютиен вздохнул, признавая свое поражение в словесной баталии, и развернулся как раз вовремя, чтобы парировать удар очередного циклопа. Однако прежде, чем юноша успел поднять меч и перейти в атаку, одноглазый дернулся и взревел. Копье Кэтрин О'Хейл вонзилось ему в живот.

— Если ты будешь побольше сражаться и поменьше разговаривать, мы все выберемся отсюда гораздо быстрее, — огрызнулась девушка. Она выдернула копье и развернулась, встречая нового нападающего.

Лютиен давно привык к ее ворчливости. В течение долгих лет он жил и тренировался бок о бок с девушкой и прекрасно знал, что она могла выстоять против лучших бойцов. Юная воительница немедленно прониклась симпатией к хвастливому Оливеру, и эта симпатия была взаимной. И сейчас, несмотря на ужасную битву, несмотря на то, что Собор вот-вот должен был попасть в грязные лапы Обри, Кэтрин, как и Оливер, наслаждалась опасной игрой.

В этот момент Лютиен Бедвир с необычайной ясностью осознал, что лучших друзей нельзя было бы пожелать.

Циклоп взревел и ринулся на него. Юноша пригнулся, встречая атаку. Однако одноглазый неожиданно дернулся и рухнул на пол. Во лбу у него торчала длинная стрела. Лютиен проследил взглядом направление выстрела и обнаружил Сиобу, стоявшую на небольшом выступе в пятидесяти футах над полом. Даже на таком расстоянии Лютиен ощутил раздражение, которое испытывала эльфийская лучница, видя его бок о бок с Кэтрин О'Хейл.

Но юноша прекрасно понимал, что решение этой проблемы придется отложить до лучших дней. Приближалась новая группа циклопов, и Лютиену пора было сконцентрироваться на непосредственной задаче. К этому моменту он и его бойцы уже

вышли из апсиды, пересекли открытый трансепт, но не могли двигаться дальше, потому что теперь враги нападали на них с трех сторон. Многие защитники Собора присоединились к их маленькому отряду, однако группа из полудюжины осажденных все еще находилась вне пределов досягаемости, примерно в тридцати футах от Лютиена.

Всего тридцать футов! Но как минимум дюжина циклопов преграждала юноше дорогу к маленькой группке людей, оказавшихся в весьма затруднительном положении.

— Отступайте к выходу! — крикнул Лютиен Кэтрин, и, оглянувшись назад, девушка мгновенно поняла, что он задумал.

Его решение могло показаться самонадеянным, почти самоубийственным, и Кэтрин, побуждаемая инстинктивным беспокойством за судьбу возлюбленного, уже собиралась ринуться за ним. Однако она была опытным воином, и чувство долга возобладало над велениями сердца. Только трое могли провести основную группу защитников Собора сквозь апсиду, а затем через проем в стене на улицы нижнего района города, где повстанцы могли найти спасение.

— Оливер! — крикнул Лютиен, кидаясь на особенно большого и ретивого циклопа. Услышав свист рапиры позади, юноша понял, что его призыв услышан. Вложив все силы в страшный удар, Лютиен отбил вверх копьё противника. В тот же миг юный воин приподнялся на носки и широко расставил ноги.

Оливер, с ходу сообразивший, что замыслил его друг, ужом проскользнул между ними, нацелившись рапирой в грудь одноглазого гиганта. Правда, из-за низкого роста свирепого воителя острие его оружия не достигло груди циклопа, как было задумано. Зато оно вонзилось в живот одноглазому, прошло насквозь и остановилось, только уткнувшись в позвоночник.

Лютиен отшвырнул тело мертвого врага прочь.

— Ты абсолютно уверен? — спросил хафлинг, указав на преграду между ними и горсткой осажденных защитников Собора. Вопрос был, безусловно, риторическим. Оливер даже не стал дожидаться ответа, а просто ворвался в густую толпу циклопов. Его клинок с привычной легкостью исполнял свой смертоносный танец, полностью приковав внимание двух ближайших противников.

— А, так вы еще не знакомы с моим замечательным другом? — ехидно спросил хафлинг, когда «Ослепительный» обрушился на головы двум зазевавшимся циклопам, сметая их прочь. Оливер сокрушенно покачал головой, поражаясь непроходимой тупости одноглазых. За последнюю пару недель они с Лютиеном не менее двадцати раз проделывали этот фокус, и циклопы неизменно попадались на удочку.

Кэтрин, возглавлявшая основной отряд отступавших повстанцев, также покачала головой. Ее потрясала невероятная слаженность действий, достигнутая обоими друзьями. Каждый из них являлся совершенным дополнением другого, ни один не тратил времени на лишние движения. И даже сейчас, несмотря на явное превосходство сил противника, друзья неуклонно продвигались по среднему проходу Собора.

Стоя на трифории, Сиоба и ее отряд поняли, что пытались проделать Лютиен с Оливером. Эльфийская воительница осознала, что отважные воины смогут пробиться к осажденным повстанцам, только получив поддержку лучников. К тому же Кэтрин, которая возглавляла отступление основной группы, явно нуждалась в поддержке гораздо меньше. Отряд уже пересекал открытое пространство трансепта и быстро приближался к апсиде. Поэтому Сиоба и ее друзья принялись осыпать ливнем стрел циклопов, находившихся впереди и позади отважной парочки.

К этому моменту Лютиен с Оливером наконец добрались до скамей, за которыми продолжалась схватка. Из шести повстанцев на ногах оставалось только четверо. Они бешено отбивались, хотя и понимали, что положение их практически безнадежно. Еще один защитник Собора погиб, другой же пытался заползти под скамью, издавая жалобные стоны и прижимая руку к страшной ране на животе.

Огромный циклоп перегнулся через высокую деревянную спинку скамьи, уже нацелив

копье, собираясь завершить начатое. Однако Лютиен успел первым, и «Ослепительный» в очередной раз подтвердил свое прозвище, данное ему много лет назад, обрушившись на лицо одноглазого.

— Бегом! К пролому! — заорал хафлинг, и трое из оставшихся повстанцев радостно подчинились команде. Они проскользнули за спиной Оливера, который размахивал своей рапирой, удерживая в отдалении циклопов, вовсе не желавших поближе познакомиться с этим грозным оружием. Четвертый повстанец повернулся и попытался последовать за товарищами, но в спину ему вонзилось копье, и несчастный, помедлив мгновение, тяжело рухнул на пол.

— Оставь его! — крикнул Оливер Лютиену, глядя на наседающих со всех сторон циклопов. — Но, разумеется, ты не можешь этого сделать, — пробормотал хафлинг, прекрасно зная своего друга. Оливер тяжело вздохнул. Впрочем, ему нередко приходилось испускать тяжелые вздохи, отдавая дань дружбе. А тем временем Лютиен отбросил прочь очередного циклопа, опустился на колени и взвалил раненого на левое плечо.

Оба друга достаточно легко выбрались из-за ряда скамей, но здесь им пришлось остановиться. Отряд циклопов, перекрывший им путь, был так велик, что товарищи даже не смогли разглядеть среди них тех троих, ушедших вперед.

— Что ж, как минимум он сможет послужить нам щитом, — заметил Оливер, указывая на раненого, бессильно повисшего на плече Лютиена.

Однако юноша не оценил мрачного юмора приятеля. Он взревел и ринулся на ближайшего циклопа столь свирепо, что прикончил его, к собственному изумлению, одним прямым ударом.

Впрочем, Лютиен прекрасно понимал, что это была всего лишь мимолетная удача, поскольку место павшего немедленно занял другой одноглазый. Юноша, обремененный тяжелой ношей, не мог оказать ему достойный прием. Лютиену пришлось уйти в глухую защиту, парируя каждый удар свирепого противника. Юный Бедвир понимал всю опасность ситуации, понимал и то, что время работает против них. Все новые и новые циклопы выскакивали из-за спинок деревянных скамей, со свежими силами обрушиваясь на отступавших. Лютиен внезапно понял, что спасение раненого повстанца, вполне вероятно, будет стоить ему жизни. Однако благородный юноша не изменил своего решения. Более того, вновь оказавшись перед выбором, Лютиен, безусловно, поступил бы так же.

Раненый, обвисший на плече юного Бедвира, закрывал ему обзор, он почти не видел циклопа, отскочившего влево. Будь тот достаточно сообразителен, чтобы напасть на Лютиена с этой стороны, он наверняка прикончил бы юношу. Однако одноглазый снова двинулся вправо. Лютиен, в отличие от циклопа, успел заметить стальной блеск изящного клинка рапиры, метнувшейся ему навстречу. Циклоп остановился и кинулся влево, напорвшись на смертоносное оружие хафлинга.

Затем клинок почему-то опустился вниз, Лютиен оглянулся и увидел, что приятель балансирует на спинке деревянной скамьи.

— Следуй за мной! — закричал Оливер, перепрыгивая на следующую спинку и взмахом рапиры вынуждая ближайшего циклопа отступить в сторону.

— За тобой?! — воскликнул Лютиен, но Оливер уже совершал следующий прыжок, не дождавшись окончания фразы. Хафлинг невероятным образом извернулся, продолжая сохранять равновесие на узкой спинке, перепрыгнул через меч следующего противника, и его рапира вонзилась прямо в глаз нападавшего.

Циклоп отбросил меч и рухнул на спину, прижимая обе руки к месту, где еще мгновение назад находился его единственный глаз.

— Тысяча извинений, но у меня нет времени прикончить тебя, — крикнул хафлинг и взмахнул рукой, призывая Лютиена последовать за ним.

Юноша собирался проделать именно это, но новая орда циклопов преградила ему путь, а позади он чувствовал горячее дыхание разъяренных преследователей. Лютиен принялся бешено отмахиваться мечом, в любую минуту ожидая смертоносного удара копья.

Шум, неожиданно наполнивший воздух вокруг него, напоминал гудение роя потревоженных пчел. Лютиен отчаянно вскрикнул и взмахнул мечом, почти вслепую прокладывая путь сквозь окружавший его кошмар.

И вдруг все стихло, так же неожиданно, как и началось. Все циклопы валялись либо мертвыми, либо умирающими, сраженные эльфийскими стрелами. У Лютиена не было времени оглянуться на трифорий, он проскользнул между рядами скамей и устремился за Оливером.

Продвигаясь вдоль северной стены, друзья с облегчением обнаружили, что трое повстанцев, ради спасения которых они рисковали жизнью, находились возле алтаря, карабкаясь на платформу, открывавшую путь из Собора, где их поджидали Кэтрин и другие воины ее отряда. Отважная воительница отчаянно отбивалась от орды циклопов, прикрывая путь к спасительной брешу.

Несколько одноглазых блокировали путь к апсиде. Один из них рухнул, пронзенный стрелой Сиобы.

Возле алтаря столпился большой отряд циклопов, и воины, прикрывавшие проход к брешу, вынуждены были отступить под натиском превосходящих сил противника.

— Нам отсюда не выйти, — заметил Оливер.

Лютиен взревел от ярости и бросился вслед за другом к основанию апсиды, затем одним прыжком преодолел несколько ступеней, ведущих к полукруглой площадке. Вблизи алтаря он неожиданно свернул влево, по направлению к северной стене.

— Закрывайте проход! — крикнул Лютиен, обращаясь к друзьям на платформе.

Оливер на мгновение застыл в ужасе, но затем постарался собраться с мыслями и понял замысел приятеля. Хафлинг торопливо просчитывал путь, который мог привести к спасению. Он подскочил к стене и рванул грубо сотканный гобелен, прикрывавший потайную деревянную дверь.

Новый ливень стрел из трифория задержал преследователей всего на мгновение, но за это время хафлинг успел нырнуть вслед за Лютиеном в узкий проход, ведущий к главной башне Собора. Именно по этой лестнице оба друга преследовали герцога Моркнея перед их роковой схваткой. Оливер захлопнул за собой дверь, но циклопы вскоре снесли ее с некрепких петель и устремились в погоню.

Первое, что заметил Лютиен, поднимаясь по темной лестнице, — это страшный холод, царивший внутри башни. Поднявшись ступенек на двадцать, он понял, почему циклопы не сняли тело герцога за те короткие промежутки времени, на которые им удавалось вновь овладеть Собором. Ступени, даже в обычное время крутые и ненадежные, сейчас были покрыты толстым слоем льда. Снег и вода, превратившаяся затем в лед, безусловно, попали внутрь башни через открытую площадку наверху.

Вокруг царил кромешный мрак, и Лютиену приходилось ощупью находить дорогу. Он старался передвигаться как можно быстрее, но приходилось постоянно останавливаться и опираться о ледяную стенку.

Затем он все-таки поскользнулся и рухнул на колени, больно ударившись о твердый камень. Лютиен заметил сбоку какое-то движение и схватился было за меч, но тут же узнал хафлинга, чей силуэт выделялся на фоне обледеневшей стены. Оливер передвигался почти ползком, используя кинжал в качестве ледоруба. Сначала он втыкал его в толстый слой льда на ступеньке, затем подтягивался и отталкивался изо всех сил, медленно, но верно продвигаясь вперед.

— Вот тебе и еще одна причина, по которой обе руки должны быть заняты оружием, — тоном превосходства заметил он.

Лютиен вцепился в плащ Оливера, пытаясь восстановить равновесие. Он слышал, как циклопы позади скользили, падали, но упорно продолжали преследование.

— Осторожней! — крикнул хафлинг, когда от ступеньки откололась глыба льда и покатилась вниз, чуть не прихватив с собой Лютиена. Юноша услышал шорох за ближайшим поворотом и понял, что преследователи приближаются.

— Кинь мне конец веревки, — попросил Лютиен, и верный друг немедленно размотал шелковый шнур, прикрепленный к поясу. Юноша поднялся на ступеньку, свободную ото льда, и подхватил конец шнура. Оливер со всей возможной скоростью пополз вверх по лестнице.

Лютиен не осмелился положить потерявшего сознание человека на пол, опасаясь, что тот соскользнет вниз, навстречу роковой кончине. Он развернулся на ступеньке, более или менее свободной ото льда, привязал себя к выступу и поднял меч.

Юноша не успел увидеть, как лицо ближайшего циклопа, выскочившего из-за поворота лестницы, искажилось от ужаса, но хорошо мог себе это представить. Одноглазый на полной скорости выскочил на ступеньку, находившуюся как раз под Лютиеном, только для того, чтобы обнаружить, что добыча больше не убегает.

«Ослепительный», как обычно, разил без промаха, и циклоп с воплем покатился вниз. Юноша содрогнулся, услышав исполненный смертной муки стон раненого.

Умиравший циклоп сбил следующего одноглазого, спешившего наверх, тот, в свою очередь, — еще одного. Вскоре преследователи сплелись в один вопящий клубок тел, катившийся вниз по винтовой лестнице.

Лютиен понадежнее перехватил потерявшего сознание раненого у себя на плечах, отвязал веревку и подождал, пока Оливер крепко обмотает ее вокруг дальнего выступа неровной стены. Затем юноша вновь принялся упорно карабкаться наверх. Другим понадобилось не менее получаса, чтобы преодолеть оставшиеся триста ступеней и выбраться на небольшую площадку у самой вершины башни. Здесь путь им преградила стена снега. Позади слышался топот вновь приближавшихся циклопов.

Оливер поспешно выхватил свой любимый кинжал. Его прочное лезвие вгрызалось в снежную баррикаду, круша и кромсая слежавшиеся пласты. Преграда казалась бесконечной, руки друзей онемели от усталости и холода, но, наконец, впереди все же забрезжил свет. Над Монфором поднималась бледная зимняя заря.

— Ну, и что теперь? — с трудом выговорил Оливер, стуча зубами от холода и пронизывающего ветра, когда они поднялись на вершину башни.

Лютиен опустил свою ношу на снег и попытался перевязать рваную рану, зиявшую на животе несчастного повстанца.

— Прежде всего мы избавимся от этих назойливых одноглазых, — ответил Оливер на свой собственный вопрос. Хафлинг огляделся, отыскивая самую большую и крепкую глыбу льда. Затем он подкатил ее к брешу, проделанной в снежной баррикаде, и изо всех сил толкнул плечом, так что она полетела вниз, скрывшись за поворотом лестницы.

Мгновение спустя усилия хафлинга были вознаграждены дружным воплем ошеломленных циклопов. Впрочем, вопль вскоре затих в отдалении.

— Они вернутся, — мрачно заметил Лютиен.

— Мой столь юный и столь неопытный друг, — ответил хафлинг. — Мы успеем замерзнуть до смерти задолго до их возвращения!

Эта возможность казалась вполне вероятной. Зимы в Монфоре, располагавшемся возле самого подножия гор, всегда были холодными, а здесь, на вершине покрытой снегом башни высотой не менее трех сотен футов, практически незащищенной от пронизывающего северного ветра, мороз казался невыносимым.

Лютиен подошел к краю башни, с которого все еще свисала замерзшая веревка, обвязанная Оливером несколько недель назад вокруг одного из зубцов. Юноша прикрыл ладонью глаза, защищаясь от яростных порывов ветра, и перегнулся вниз, вглядываясь в обнаженное тело герцога Моркнея. Мертвеца все еще можно было разглядеть, хотя за это время его тело покрылось снегом и примерзло к каменной стене башни.

— Липучка при тебе? — неожиданно спросил Лютиен, имея в виду необычайное приспособление, некогда подаренное хафлингу чародеем Бринд Амором. Это был сморщенный черный шар, который когда-то прикреплялся к этой самой веревке.

— Я не мог оставить ее здесь, — огрызнулся Оливер. — Хотя я вынужден был оставить

здесь мою замечательную веревку, привязанную к труп у этого проклятого герцога. Вереку можно найти другую, а вот моя прекрасная липучка...

— Доставай ее, — крикнул Лютиен, у которого не хватило терпения дослушать до конца одну из легендарных тирад приятеля.

Оливер замолчал и уставился на юношу, иронически приподняв бровь.

— У меня нет достаточно длинной веревки, чтобы спуститься с башни, — ответил он наконец. — Всей ее длины не хватит даже до середины пути.

С лестницы послышалось пыхтение циклопов.

— Приготовь ее, — скомандовал Лютиен. С этими словами он начал очищать уходящую через край парапета веревку.

— Ты, наверное, шутишь, пробормотал Оливер.

Юноша торопливо вернулся назад и осторожно поднял раненого. С лестницы снова донесся яростный рев циклопов.

Оливер пожал плечами:

— Впрочем, я мог и ошибиться.

Хафлинг первым схватился за замерзшую веревку. Предварительно он снял свои добротные зеленые краги и подул на ладони, сложив их ковшиком. Затем Оливер схватил в одну руку свой любимый кинжал, а в другую веревку и без колебаний шагнул вниз. Он постарался спускаться вниз как можно быстрее, по дороге очищая веревку ото льда кинжалом. Хафлинг понимал, что его другу, обремененному тяжелой ношей, необходимо хоть немного облегчить спуск.

Достигнув конца веревки, хафлинг поморщился и осторожно ступил на окаменевшую от холода голову мертвого герцога Моркнея. Утвердившись на ней, Оливер огляделся вокруг, чтобы отыскать место, куда двигаться дальше.

Далеко внизу виднелось лишь одно крохотное окошко. К сожалению, друзья спускались по северной стене Собора. Внутренний двор под ними находился на вражеской стороне стены да к тому же был переполнен циклопами. Одноглазые вопили и указывали вверх.

— Я бывал в местах и похуже, — легкомысленно заметил Оливер, когда Лютиен со своей нелегкой ношей присоединился к приятелю. Раненый то приходил в себя, то терял сознание, издавая душераздирающие стоны каждый раз, когда его подбрасывало на плечах у юноши.

Лютиен, преодолев отвращение, ступил одной ногой на плечо Моркнея, затем он повернулся так, чтобы держаться за веревку той же рукой, которой он придерживал раненого повстанца, освободив при этом другую.

— Помнишь, как мы вот так же болтались над озером, — продолжил Оливер. — Эта огромная черепаха находилась под нами, слева бесновался огнедышащий дракон, а справа — разъяренный чародей...

Оливер внезапно замолк и издал сочувственный возглас, когда Лютиен поднял руку и продемонстрировал ему кровавый след, оставленный веревкой. За время спуска шелковый шнур успел разрезать не только довольно прочную перчатку юноши, но и его кожу. Однако крови вытекло немного — на таком морозе она моментально темнела и застывала на ладони, закрывая порез плотной коркой.

Циклопы наконец добрались до вершины башни, перегнулись через парапет и издевательски ухмылялись, глядя на Лютиена с Оливером.

— Нам некуда деваться! — крикнул отчаявшийся хафлинг.

Лютиен был несколько другого мнения.

— Кидай липучку за угол, на восток, — скомандовал юноша.

Оливер понял его: восточный угол приводил их за разделительную стену Монфора, на занятой повстанцами территорию. И все же этот совет казался невыполнимым. Даже если им удастся завернуть за угол, друзья окажутся на высоте более двухсот футов над улицей, не имея возможности спуститься вниз.

Оливер покачал головой, оба друга взглянули вверх и увидели свесившееся копьё, пущенное с вершины башни и тут же устремившееся в их направлении.

Лютиен поднял «Ослепительный» (и это усилие едва не стоило ему жизни, поскольку юноша чуть было не выпустил из рук веревку), и прочное лезвие в последний момент отбило в сторону смертоносное копьё.

Циклопы, находившиеся под ними и на вершине башни, одновременно взревели. Лютиен понимал, что ему просто повезло вовремя парировать удар, но рано или поздно очередное копьё достигнет цели.

Юноша обернулся к Оливеру, собираясь прикрикнуть на него и повторить приказание, но обнаружил, что хафлинг уже извлек волшебную липучку. Отважный боец встал поустойчивее, размахнулся веревкой и изо всех сил швырнул липучку на восток, за угол башни. Друзья затаили дыхание, стараясь мысленно проследить путь волшебной липучки, их последней надежды на спасение.

Веревка не упала.

Оливер со страхом подергал за оставшийся у него конец шнура, выясняя, насколько надёжно закрепилась липучка. Другого способа проверить это у них не было. Попытка довериться загадочному подарку волшебника и перебраться на другую сторону Собора могла привести их либо к свободе, либо к смерти.

Ещё одно копьё пролетело мимо, едва не задев кончик носа Лютиена.

— Ты идёшь? — спросил хафлинг, перехватывая веревку, чтобы юноша тоже мог взяться за нее.

Лютиен изо всех оставшихся сил вцепился в спасительный шнур, прижимая к себе раненого повстанца. Оба сделали глубокий вдох и невольно затаили дыхание.

— Ты еще никогда не был в худшем месте, — заметил Лютиен.

Оливер открыл было рот для ответа, но отчаянно заорал, когда юноша соскользнул с головы мертвого герцога, увлекая за собой и хафлинга.

Мгновение спустя копьё циклопа, которому удалось прицелиться лучше, чем другим, глубоко вошло в промерзший череп покойника.

Друзья заскользили по веревке вниз вдоль обледеневшей стены здания и обогнули угол. Затем последовал неожиданный рывок, и спуск прекратился. Друзья застыли в сорока футах под волшебной липучкой.

Им не удалось нащупать здесь точку опоры, и оставалось только беспомощно смотреть вниз на новую толпу, состоявшую на этот раз из друзей. Как раз в этот момент последний из каттеров прошел через потайную дверь в восточной стене и соскользнул по веревке, преодолев оставшиеся до земли двадцать футов. Плита, открывшая спасительный для повстанцев проход, со скрипом встала на место. Товарищи ничем не могли помочь юноше и хафлингу. Ни Кэтрин, ни даже проворным и ловким эльфам не удалось бы добраться до них по обледеневшей стене.

— Здесь намного лучше! — саркастически заметил Оливер. — Хоть погибнем на глазах у друзей!

— Не сейчас, Оливер, — хмуро прервал язвительную тираду Лютиен.

— По крайней мере, нам на головы не падают копьё, — продолжал хафлинг. — Возможно, этим одноглазым тупицам понадобится не меньше часа, чтобы определить, куда мы делись.

— Не сейчас, Оливер, — вновь рявкнул Лютиен, отчаянно пытаясь сосредоточиться на поисках выхода из почти безнадежного положения.

Впрочем, ему не удавалось отыскать даже призрачную возможность спасения.

Сломленный отчаянием, он уже почти решил отпустить веревку и ускорить неизбежное.

Мимо них просвистело копьё, и, когда парочка подняла глаза, они заметили на вершине башни группу циклопов. Одноглазые радостно орали и указывали вниз.

— Ты мог ошибаться, — сказал Лютиен, имитируя акцент хафлинга, прежде чем тот

успел открыть рот.

— Если дернуть три раза, липучка отцепится, — припомнил Оливер. — Если бы мне удалось проявить достаточное проворство — а обычно мне удается, — я мог бы прикрепить ее на много футов ниже.

Лютиен уставился на приятеля в немом изумлении. Даже самонадеянный хафлинг должен понимать, что его сумасшедший план невозможно выполнить. Как только липучка отцепится от стены, и он сам, и юный Бедвир, и раненый повстанец полетят вниз и вдребезги разобьются о булыжную мостовую темной улицы в двухстах футах под ними.

Ни Оливер, ни Лютиен больше не произнесли ни слова, да и что они могли сказать в этой ситуации? По всей видимости, легенде об Алой Тени суждено обрести печальный конец.

Подарок Бринд Амора был воистину чудесной вещью. Сморщенный шар мог прилипнуть к любой стене, вне зависимости от того, насколько отвесной она была. Кроме того, волшебная липучка никогда не отрывалась самопроизвольно, только после того, как ее хозяин три раза дернет за веревку.

Но вдруг липучка медленно поползла вниз по стене. Друзья продолжали отчаянно цепляться за веревку, однако неожиданный спуск продолжался, шар плавно скользил по покрытой льдом стене башни.

Лютиен закричал, хафлинг тоже не удержался от вопля ужаса. Но все-таки Оливер сохранил достаточно здравого смысла, чтобы воткнуть в толстый слой льда свой кинжал и хоть немного притормозить. Ледяные крошки полетели в разные стороны, кинжал оставлял за собой глубокий след.

Сверху слышались торжествующие вопли циклопов, мимо летело еще одно копье, которое хафлинг в последний момент успел отбить своим кинжалом. Снизу слышались отчаянные крики друзей: «Ловите их!»

Лютиен попытался зацепиться за обледеневшую стену каблуками, чтобы хоть как-то приостановить падение. Теперь он не мог сказать, на какой высоте они находились и сколько проехали по стене. Иногда липучка достигала места, свободного ото льда, и скорость спуска замедлялась. И все же они продолжали скользить вниз, иногда быстро, иногда чуть помедленнее. У самой земли чьи-то руки поймали Лютиена за ноги; немного замедлив падение, он рухнул в снег и на секунду потерял сознание.

Оливер упал прямо ему на грудь, но тут же вскочил на ноги и весело прищелкнул пальцами.

— Я же говорил тебе, что мне случалось попадать и в худшие переделки, — заметил он и тремя рывками освободил волшебную липучку.

Однако Лютиену было не до споров. Со стороны плиты, закрывшей потайной проход в стене Собора, донесся глухой грохот. Циклопы, осознав, что ценная добыча вновь ускользнула от них, пришли в неопишемую ярость. Одноглазые использовали в качестве тарана одну из статуй, украшавших старинное здание изнутри; от каменной плиты начали отваливаться куски.

Лютиену помогли подняться на ноги, раненого осторожно подхватили на руки и унесли прочь.

— Пора уходить, — заметила Кэтрин, подхватывая под локоть юного Бедвира, еще не вполне пришедшего в себя.

Юноша растерянно взглянул на подругу юности и на Сиобу, стоявшую рядом с ней, и позвони себя увести.

Не успели циклопы моргнуть глазом, как эриадорцы растворились в переплетении узких улочек нижнего района Монфора. Одноглазые, которые, наконец, выбрались из Собора через потайной проход, остановились в полной растерянности, бестолково размахивая копьями. Они так и не решились последовать за ускользающей добычей и углубиться в лабиринт улиц, где из-за каждого угла мог выскочить отряд повстанцев.

Когда беглецы удалились на некоторое расстояние, Оливер замедлил шаг и потянул

Лютиена за рукав. Юноша оглянулся и проследил за взглядом хафлинга, устремленным на главную башню Собора. Лед, покрывавший стену, ослепительно блестел в лучах утреннего солнца, но то пятно, на которое указывал потрясенный хафлинг, невозможно было ни с чем перепутать.

В двухстах футах над землей на стене башни виднелся красный силуэт, алая тень. Волшебная накидка Лютиена вновь проявила свои необычные качества, запечатлев на камне легендарный силуэт, послание от Алой Тени ко всему простому народу Монфора.

2. ТЯЖЕЛЫЙ ВЫБОР

— Тебе не следует находиться здесь, — заметил Оливер, при этом с его губ сорвалось облачко пара.

Хафлинг уцепился за край плоской крыши и ловко вскарабкался наверх. Затем он вскочил на ноги и похлопал в ладоши, чтобы восстановить кровообращение.

Уже стоявший на крыше Лютиен ничего не ответил, только молча кивнул в направлении Собора. Оливер подошел к нему и остановился рядом с другом, поразившись огонькам, сверкавшим в карих глазах юноши. Хафлинг повернулся к юго-западу и устремил взгляд на величественное здание, чей силуэт ярко выделялся на фоне серого зимнего неба. Оливер смог разглядеть тело герцога Моркнея, все еще примерзшее к стене, и даже копье, торчавшее в его голове. Однако веревка, обмотанная вокруг шеи мертвеца, теперь свисала вниз, ее противоположный конец больше не обвивался вокруг башенного зубца.

— Они перерезали веревку, — воскликнул хафлинг, моментально впадая в ярость при виде этой возмутительной сцены. — Но мертвый герцог все еще держится!

Действительно, циклопы обрезали веревку, надеясь освободить тело своего бывшего предводителя. Однако ниже по стене башни веревка так крепко примерзла, что одноглазые ничего больше не могли поделать. Копье, предназначавшееся Лютиену, вонзилось в голову герцога и торчало оттуда, словно чудовищный усик насекомого; и теперь Моркней напоминал огромного жука, припечатанного к стене метким ударом сказочного великана.

Лютиен вздернул подбородок, указав на вершину башни. Оливер перевел глаза в том направлении и заметил небольшую группку циклопов. Одноглазые что-то кричали и бестолково сустились. Как раз под ними на стене виднелись блестящие подтеки, а кое-где лед подтаял и отвалился. Хафлинг понял, что должно случиться, мгновением позже, когда циклопы подтащили к краю огромный котел и выплеснули его содержимое за край зубчатого парапета. Кипящая вода потекла по стене башни.

Один из циклопов поскользнулся, взревел от боли и отскочил, а горячий котел свалился вниз и полетел вслед за струей кипятка. Во время падения он вращался, но все равно держался возле стены, так что пустой сосуд наделся аккуратно на древко копья, торчавшее в черепе герцога. Копье с надетым на него котлом закачалось, и циклопы на крыше закричали от ужаса, когда голова герцога наклонилась вперед. На мгновение показалось, что череп вот-вот отделится от тела мертвеца. Копье не выдержало дополнительного груза и полетело вниз, а вслед за ним во внутренний двор башни свалился и пустой котел. Падение сопровождалось яростными воплями одноглазых и торжествующими возгласами простых эриадорцев, наблюдавших за неожиданным спектаклем из нижнего района города.

Спор на вершине башни перерос в настоящую схватку, и провинившийся циклоп, все еще воюющий от боли в обожженных руках, полетел через парапет. Он успел только один раз вскрикнуть, но радостные возгласы из нижнего района Монфора зазвучали еще громче.

— Ну до чего мне нравится, как они хоронят своих мертвецов! — воскликнул Оливер, не в силах сдержать переполнявшего его восторга.

Однако Лютиен не разделял радости хафлинга. Собор опять попал в руки Обри, и именно Лютиен настоял на том, чтобы виконту хотя бы на время позволили завладеть зданием. Если повстанцы все же решат выбить циклопов из Собора, их ряды могут значительно поредеть. Юный предводитель полагал, что они не могут платить столь

высокую цену.

И все же Лютиен сомневался в правильности своего решения. И вовсе не потому, что Собор был необходим ему в качестве важного стратегического пункта. Да, огромное здание хорошо приспособлено для обороны, но открытое пространство вокруг делало его неподходящей базой для дальнейших военных операций. Однако именно это творение древних зодчих, воздвигнутое во славу Господа, принадлежало простым людям, которые его построили, а не самозваному королю Эйвона и его одноглазым приспешникам. В старинном Соболе сосредоточилась душа Монфора, да и всего Эриадора. В каждой самой крохотной или дальней деревушке находилась как минимум одна семья, которая могла похвастаться своим предком, принимавшим участие в грандиозном строительстве.

Вскоре еще один котел кипятка опрокинули через парапет, и на этот раз циклопы сумели не уронить сосуд. Кипящая жидкость потекла по стене и достигла тела герцога; освобожденная ото льда веревка отстала от стены и свесилась вниз. Верхняя половина примерзшего туловища отделилась от стены, и покойник почти перегнулся пополам.

Разумеется, оба друга не могли видеть всего, что творилось на верхушке башни, но так как она надолго опустела, они поняли, что у циклопов кончилась горячая вода.

— Да уж, представляю, каково тащить на самый верх полный котел, — фыркнул хафлинг, припоминая крутую лестницу, ведущую на вершину, и толстый слой льда, покрывавший ступени и сами стены.

— Обри считает, что результат стоит затраченных усилий, — заметил Лютиен. Его мрачный тон показал Оливеру, как он расстроен. Хафлинг погладил заиндеветшую бородку и снова взглянул на башню.

— Мы можем отбить у них Собор, — сказал он, пытаясь угадать, что тревожит друга.

— Это не стоит потерь, которые мы понесем, — покачал головой Лютиен.

— Мы выиграем битву, — горячо воскликнул хафлинг. — Разжиревшие купчики заперты у себя в домах, а здесь осталось не так уж много циклопов. Оливер припомнил сцену, недавно разыгравшуюся на вершине башни, и насмешливо фыркнул: — А несколько минут назад их стало на одного меньше.

Лютиен даже не стал спорить, хотя его мысли приняли печальный оборот. Эриадорцы почти отвоевали свой город, издавна носивший имя Кэр Макдональд, у приспешников Гринспэрроу. Но как долго они смогут удерживать его? Уже были сообщения о том, что из Эйвона выступила армия на подавление мятежа. И хотя эти сведения пока не подтвердились и могли оказаться всего-навсего паническими слухами, Лютиен не исключал такой возможности. Король Гринспэрроу не потерпит неповиновения. Он не откажется так легко от Эриадора, хотя он никогда по-настоящему не владел этими землями.

Лютиен вспомнил эпидемию чумы, обрушившуюся на его родной край около двадцати лет назад, в тот год, когда юноша появился на свет. Его собственная мать пала жертвой эпидемии, как и многие другие. Погибла почти треть всего населения Эриадора. Гордый народ больше не мог сопротивляться войскам короля-чародея, почти целиком состоявшим из циклопов, и вскоре был вынужден покориться.

А затем новое бедствие обрушилось на несчастные земли: безнадежное отчаяние. Лютиен видел его в своем отце, одном из самых стойких и отважных воинов Эриадора. Юноше приходилось встречаться и с виконтом Обри, который всем сердцем принял правление короля Гринспэрроу, пренебрегая страданиями собственного народа.

Так чему же на самом деле положили начало Оливер с Лютиеном в тот день, когда они убили герцога Моргкея? Юный Бедвир вспомнил эту битву; когда Моргкей отдал свое тело в распоряжение демона — еще одно подтверждение злобности Гринспэрроу и его приспешников. При одной мысли о кошмарном создании по имени Преотек по телу юноши пробежала дрожь отвращения и ужаса. Тогда Лютиен не смог бы одержать победу, не смог бы вонзить рапиру Оливера в костлявую грудь герцога, чье тело стало временным обиталищем посланца ада, если бы Моргкей не посчитал юношу обессиленным и не пожелал прикончить его собственноручно. Герцог совершил ошибку, отослав своего ужасного

союзника обратно в ад.

Оглядываясь назад, на события минувших недель, на короткие мгновения удачи и хитросплетения судьбы, Лютиен, сокрушаясь, задавался вопросом: сколько еще невинных людей погибнут от руки короля-чародея только потому, что они поверили в легенду об Алой Тени? Возможно, на несчастные земли обрушится новая эпидемия чумы. Или же армии циклопов войдут в Монфор и уничтожат всех повстанцев?

К тому же Лютиен понимал, что Гринспэрроу не ограничится усмирением Монфора. Кэтрин прибыла с острова Бедвидрин, родины Лютиена. Она передала юному предводителю повстанцев прославленный меч, издавна хранившийся у них в роду. Девушка рассказала юному Бедвиру, что Гахриз Бедвир, его отец, правитель острова, вдохновился успехами сына. Он возглавил восстание, охватившее весь остров. Отважные бедвидринцы истребили всех циклопов, а Гахриз заключил в темницу навязанную ему в жены Авонезу, бывшую сожительницу Обри.

При мысли об этой напыщенной, накрашенной особе в горле Лютиена поднялся комок желчи. На самом деле именно Авонеза положила начало длинной цепи невероятных событий, появившись на острове Бедвидрин. Случилось так, что Лютиен согласился повязать ее шарф на время боя на арене, тем самым признав, что является ее бойцом. В тот раз юноша сражался со своим старым другом, Гартм Рогаром, и после долгой битвы победил его. И тогда жестокая Авонеза потребовала смерти побежденного.

Гарт Рогар погиб, сраженный стрелой циклопа, которого Лютиен убил несколькими днями позже. По старинным правилам, установленным на арене, Авонеза имело право распоряжаться жизнью побежденного, однако простейшая мораль этого не допускала.

Таким образом, Авонеза, опустив вниз палец и подав знак смерти, сама толкнула Лютиена на этот путь. По иронии судьбы именно виконт Обри, который привез на Бедвидрин эту развратницу, сейчас стал смертельным врагом Лютиена в борьбе за Монфор.

Юноша жаждал заполучить голову Обри и надеялся, что это ему удастся. Однако он опасался, что его собственная голова, как и головы многих его сторонников, покатится с плеч, когда король Гринспэрроу нанесет ответный удар.

— Итак, почему же ты так печален, мой друг? — осведомился Оливер, чье терпение наконец истощилось под ударами свирепого ветра. Циклоны убрались с вершины башни, и хафлинг догадывался, что им понадобится не менее часа, чтобы спуститься вниз, вновь наполнить котел и поднять его наверх. Оливер, превыше всего ценивший собственный комфорт, не имел ни малейшего желания ждать целый час на ледяном зимнем ветру.

Лютиен поднялся на ноги, потирая закованные руки.

— Идем, — наконец сказал он, к немалому облегчению хафлинга. — Я должен встретиться с Сиобой в «Гнэльфе». Ее разведчики вернулись и принесли вести с востока и запада.

Оливер бросился следом за Лютиеном, но при этих словах его шаги замедлились. Разведчики вернулись?

Хафлинг моментально догадался о причине беспокойства, терзавшего его юного друга.

Таверна, которую называли «Гнэльф», поскольку она обслуживала не только людей, но и представителей других племен, в частности гномов и эльфов, в эти дни гудела от слухов. Было слишком холодно, поэтому в ближайшее время не ожидалось серьезных схваток. Повстанцы воспользовались коротким затишьем, чтобы пополнить собственные запасы и немного отдохнуть. Таверна, расположенная в самом бедном районе Монфора, обычно не могла похвастаться обилием посетителей. Однако теперь, когда именно она стала любимым местом легендарной Алой Тени, героя и вождя революции, она почти всегда была переполнена.

Трактирщик, худощавый, но крепкий мужчина (казавшийся еще более грозным, чем обычно, благодаря густой недельной щетине), поспешно вытер руки о залитое пивом полотенце и остановился перед друзьями, как только они заняли свои привычные места возле стойки.

— Мы ищем Сиобу, — немедленно заявил Лютиен.

Прежде чем Тасман успел ответить, юноша почувствовал легкое прикосновение к мочке уха. Он прикрыл глаза, а нежные пальчики, которые могли принадлежать только Сиобе, оставили в покое ухо юноши, спустившись на шею.

— У нас деловой разговор, — пояснил Оливер Тасману, затем оглянулся на парочку. — Впрочем, я не вполне уверен, какое дело больше всего занимает моего юного друга сейчас.

Карие глаза Лютиена широко распахнулись от изумления. Он повернулся и поспешно снял руку девушки со своей шеи. Лютиен смущенно прокашлялся и тут же увидел, что эльфийская воительница пришла не одна, более того, среди ее спутников есть и Кэтрин О'Хейл. Теперь юноша понял, что нежные ласки, которыми дарила его Сиоба, были рассчитаны именно на Кэтрин.

Оливер тоже это понял.

— Полагаю, что нам грозит оказаться в самом центре военных действий, — шепнул он трактирщику.

Тасман фыркнул, затем подвинул к друзьям полные кружки эля и демонстративно отошел в сторону. Он обладал достаточно хорошим слухом, позволявшим быть в курсе любых сплетен, обсуждавшихся в самом дальнем уголке его трактира. Однако Тасман предпочитал, чтобы посетители об этом не догадывались.

Лютиен некоторое время не сводил глаз с Кэтрин, затем еще раз прочистил горло и повернулся к Сиобе.

— Какие новости из Эйвона? — деловито спросил он.

Лучница обернулась через левое плечо к другому своему спутнику, эльфу, закутанному в меха до самого кончика носа. На его покрасневших щеках и длинных ресницах поблескивали еще не растаявшие снежинки.

— Ничего хорошего, достопочтенный сэр, — вежливо сказал эльф.

Лютиен слегка поморщился, все еще не в силах привыкнуть к подобному обращению. Он был вождем повстанцев, прославленным героем Эриадора, и не очень близкие к нему люди неизменно именовали юношу «достопочтенный сэр» или «мой господин».

— Сообщения о выходе армии из Эйвона подтвердились, — продолжал эльф. — Ходят слухи о большом скоплении циклопов — полагаю, преторианской гвардии — в районе Принстауна.

Это было похоже на правду. Принстаун находился по другую сторону Айрон Кросса, к юго-востоку от Монфора. Он располагался довольно далеко, зато был ближайшим к Мальпьюсантовой стене. А только там находился перевал, через который армия могла пройти хотя бы летом. Однако попытка преодолеть его суровой зимой была заранее обречена на неудачу.

И все же переход в зимнее время от Принстауна до Монфора через крепость Дун Карит, которая прикрывала путь к Мальпьюсантовой стене, займет много недель и к тому же сильно измотает армию. Лютиен почувствовал некоторое облегчение при мысли, что король Гринспэрроу вряд ли двинется в путь, до того как весна войдет в полную силу, а основная масса снега растает.

— Есть и другой вариант, — хмуро произнес эльф, заметив блеск надежды в глазах Лютиена.

— Порт-Чарлей, — догадалась Кэтрин, имея в виду морской порт, находившийся к западу от Монфора.

Эльф кивнул.

— Что породило эти слухи — факты или страх? — спросил Оливер.

— Я не знаю, ходят ли вообще такие слухи, — ответил эльф.

— Страх, — уверенно сказал хафлинг. — И страх вполне обоснованный, — добавил он про себя.

С тех пор как бои в Монфоре слегка поутихли, повстанцы стали больше задумываться о том, что происходит вокруг взбунтовавшегося города, и тут же поползли слухи об огромном

флоте, скопившемся в Порт-Чарлее. Казалось вполне вероятным, что Гринспэрроу остановится именно на этом варианте. Зимой пролив между Эйвоном и Барандуином считался очень опасным, к тому же там часто встречались айсберги. Но расстояние было не так уж велико, а огромные корабли Эйвона могли перевезти очень много циклопов.

— А что союзники... — начал было Лютиен, но эльф перебил его, угадав смысл вопроса.

— Люди из Порт-Чарлея не питают особой любви к циклопам, — сказал он. — Без сомнения, они очень рады, что столько одноглазых полегло в Монфоре, а сам герцог Моркней убит.

— Но... — начал Оливер, догадываясь, к чему клонит эльф.

— Но они не объявили себя нашими союзниками, — закончил эльф.

— И никогда не объявят, — вмешалась Кэтрин. Все глаза обратились на нее, в некоторых читался немой вопрос. Лютиен, однако, прекрасно понял, что хотела сказать девушка. Ему часто приходилось бывать в Хейле, на родине Кэтрин, и он прекрасно знал, что независимый, отрезанный от большого мира городок мало отличался от Порт-Чарлея. И все же он не был уверен, что Кэтрин права. Имя величайшего героя древности, Брюса Макдональда, было священным для всех эриадорцев, включая жителей Порт-Чарлея.

— Если флот все же отчалит, его нужно остановить у побережья, — решительно произнес юный вождь.

Кэтрин покачала головой.

— Если ты приведешь армию в Порт-Чарлей, тебе придется сражаться. Но не с союзниками Гринспэрроу.

— Позволят ли они пройти циклопам? — спросил Оливер.

— Если они не присоединятся к нам, то уж точно не станут противостоять Гринспэрроу, — вмешалась Сиоба.

Ум Лютиена разрывался между возможностями. Может ли он вовлечь в восстание Порт-Чарлей? А если нет, то есть ли у них надежда выстоять против армии Эйвона?

— Возможно, нам следует еще раз обсудить нашу тактику, — предложил Оливер мгновение спустя.

— Обсудить нашу тактику? — хором переспросили Кэтрин и Сиоба.

— Уйти в подполье, — пояснил хафлинг. — Зима не лучшее время для сражений. Поэтому мы перестанем сражаться. А ты и я, — обратился он к Лютиену, подталкивая друга локтем, — упорхнем прочь, как это делают маленькие мудрые птички.

Открытое признание того, что восстание, возможно, слегка вышло из-под контроля, отрезвило всех, кто слышал предложение хафлинга, включая любопытных посетителей трактира, которые не участвовали напрямую в разговоре. Оливер напомнил всем, какова цена возможной неудачи.

Сиоба оглянулась на своего товарища-эльфа, но тот только беспомощно пожал плечами.

— Не так уж мы плохо жили раньше, — заметил Тасман, проходя мимо Оливера и Лютиена.

— Тут есть возможность для переговоров, — задумчиво произнесла Сиоба. — Даже сейчас. Обри понимает, что он не сможет подавить восстание без помощи Эйвона, а он отчаянно жаждет стать следующим герцогом. Он может поверить, что, если ему удастся взять в свои руки Монфор, Гринспэрроу наградит его желанным титулом.

Лютиен отвел взгляд от эльфийской лучницы и внимательно посмотрел в глаза Кэтрин, в которых уже засверкали яростные зеленые молнии. Разговоры о дипломатии и сдаче явно претили гордой воительнице.

Внезапно позади девушки возникла какая-то суматоха, и несколько клиентов трактира разлетелись в разные стороны. Какая-то личность, обросшая пышной, иссиня-черной бородой, остановилась перед Лютиеном.

— Что это за дурацкие разговоры? — спросил гном Шаглин, сжимая внушительные

кулаки так, словно он в любой момент был готов броситься на юного Бедвира.

— Мы обсуждаем тактику, — примирительно вмешался Оливер, заметив ярость в глазах гнома. Шаглин не раз утверждал во всеуслышание, что сейчас, когда он изведal вкус свободы и обрел надежду, он предпочитает пасть в бою — лишь бы не жить в неволе.

Шаглин насмешливо фыркнул.

— Вы выбрали тактику в тот день, в Соборе. Неужели вы всерьез думаете, что теперь можете пойти на попятную?

— Ни я, ни Лютиен, — пояснил хафлинг. — Но остальные...

Шаглин не слушал. Он протиснулся между Лютиеном и Оливером, ухватился за край стойки, подпрыгнул и оказался стоящим над толпой.

— Эй, — взревел он, и в «Гнэльфе» мгновенно воцарилась тишина. Даже Тасман, хотя его явно не приводили в восторг тяжелые ботинки гнома, царапавшие полированное дерево, отступил назад.

— Кто здесь за то, чтобы сдаться на милость врагам?! — крикнул Шаглин.

Посетители таверны ответили гробовым молчанием.

— Шаглин, — начал Лютиен, надеясь успокоить своего вошедшего в раж приятеля. Однако гном просто проигнорировал юношу.

— А кто за то, чтобы прикончить кровопийцу Обри и поднять знамя Кэр Макдональда?

Толпа разразилась криками восторга. Мечи вырвались из ножен и засверкали над головами взбудораженных горожан. Из каждого угла трактира звучали возгласы, требующие голову Обри.

Шаглин спрыгнул со стойки и приземлился между обоими друзьями.

— Вы получили ответ, — рявкнул он. Гном двинулся вперед, остановился между Сиобой и Кэтрин, не сводя глаз с Лютиена, и скрестил руки на груди.

Лютиен не пропустил ни улыбки, которой Кэтрин наградила отважного гнома, ни дружеского похлопывания по плечу.

Из всего, что сказал Шаглин, самым важным было древнее имя Монфора, Кэр Макдональд, дань памяти величайшего героя Эриадора.

— Хорошо сказано, мой друг, — начал хафлинг. — Но...

Больше ему не дали произнести ни слова.

— Брюс Макдональд — это не просто имя, — объявил Лютиен.

— Как и Алая Тень, — неожиданно добавила Сиоба.

Лютиен помедлил мгновение, не сводя с девушки изумленных глаз.

— Брюс Макдональд — это идеал, — продолжил он наконец. — Символ для всего народа Эриадора. А знаете ли вы, что значит для нас его имя?

— Уничтожение циклопов? — предположил Оливер, который большую часть жизни провел не в Эриадоре, а в Гаскони.

— Свободу, — поправила Кэтрин. — Свободу для каждого мужчины и для каждой женщины, — она взглянула на Сиобу и Шаглина. — Для каждого эльфа и гнома. И для каждого хафлинга, Оливер, — продолжила она, пристально взглянув на отважного соратника. — Свободу для Эриадора и для каждого, кто живет на этой земле.

— Как мы можем говорить о прекращении сопротивления, если при всем желании нам не удастся остановиться? — продолжил Лютиен. — Сколько циклопов и купцов было убито? Сколько преторианских гвардейцев? А как насчет самого герцога Моркнея? Неужели выдумаете, что король Гринспэрроу так легко простит нам все это?

Юноша поднялся со своего места и устремил горящий взгляд в толпу.

— Мы здесь начали нечто слишком важное, чтобы его можно было остановить из-за простой трусости. Мы начали освобождение Эриадора.

— Давайте не будем слишком горячиться, — внезапно вмешался хафлинг. — А то нас быстренько остудят... в гробах.

Лютиен обратил взгляд на своего миниатюрного приятеля и понял, насколько далеко и Оливер, и многие другие — если верить слухам, достигавшим его ушей, — отошли от

первоначальных гордых замыслов.

— Именно ты посоветовал мне открыться тогда, в Соборе, — напомнил он хафлингу. — И именно ты посоветовал мне поднять восстание.

— Я? — искренне изумился Оливер. — Я просто хотел вытащить тебя оттуда живым, после того как ты сдуру выскочил на выступ и пустил стрелу в герцога Моркнея.

— Я был там, чтобы спасти Сиобу! — воскликнул юноша.

— А я был там, чтобы спасти тебя! — огрызнулся Оливер. Хафлинг тяжело вздохнул и, мгновенно успокоившись, похлопал друга по плечу.

— И все же не будем горячиться, — произнес он. — Чтобы нас не остудили.

Лютиен ничуть не успокоился. Его мысли пребывали в прошлом, он думал о Брюсе Макдональде и том примере, который отважный герой подал последующим поколениям. Он знал, что на его стороне и Кэтрин, и Шаглин, и его отец, восставший во имя свободы острова Бедвидрин. Юноша взглянул на Сиобу, но ничего не смог прочесть в ее загадочно поблескивавших глазах. Он ожидал от нее какого-то знака, поскольку за последние несколько недель девушка незаметно превратилась в одного из ближайших его советников.

— Происходящее нельзя остановить, — объявил юноша достаточно громко, чтобы каждый в «Гнэльфе» мог услышать его слова. — Мы начали войну, и мы обязаны ее выиграть.

— Из Эйвона придут корабли, — предостерег хафлинг.

— Значит, мы остановим их, — резко оборвал его Лютиен, и его карие глаза гневно блеснули. — В Порт-Чарлее.

Юный вождь оглянулся на толпу и вновь отыскал взглядом Сиобу. Ему показалось, что глаза девушки заблестели еще ярче, словно он выдержал некую проверку.

— Жители города присоединятся к нам, — продолжил Лютиен, собравшись с силами. — И так же поступит весь остальной народ Эриадора. — Лютиен умолк, но недобрая улыбка, заигравшая на его губах, говорила не хуже слов.

— Они присоединятся к нам, когда знамя Кэр Макдональда будет реять над Монфором, — продолжал он. — Когда они поймут, что мы пойдем до конца.

Оливер хотел было добавить, что этот конец может оказаться весьма горьким, однако вовремя прикусил язык. Хафлинг никогда не боялся смерти, а саму жизнь воспринимал как забавное и увлекательное приключение. Теперь же Лютиен, этот наивный юноша, которого он некогда подобрал на дороге, раскрыл ему глаза.

Шаглин ударил по воздуху мощным кулаком.

— Дайте мне добраться до рудников! — взревел он. — И я приведу вам целую армию!

Лютиен хорошо понимал чувства своего бородатого друга. Шаглин уже давно настаивал на атаке на рудники Монфора, находившиеся за чертой города, где томилась большая часть его племени. Да и Сиоба не раз требовала того же. Теперь, когда народ осознал, что они не просто подняли восстание против герцога и его циклопов, а объявили настоящую войну королю-чародею Гринспэрроу, Лютиен понял, что этот поход следует начать немедленно.

Он взглянул прямо в глаза гнома.

— На рудники, — согласился юноша, и Шаглин, взревев от избытка чувств, вновь затряс в воздухе крепко сжатыми кулаками.

Многие немедленно покинули «Гнэльф», желая первыми разнести небывалые вести по всему городу. Оливер подумал, что кое-кто может оказаться шпионом виконта Обри и поспешит к своему хозяину, чтобы раскрыть планы повстанцев. Впрочем, по здравом размышлении, хафлинг махнул рукой на эту возможность. С тех пор как в беднейшем районе вспыхнуло восстание, Обри и вся его армия оказались запертыми в верхней части Монфора. Так что они никак не могли предупредить циклопов, охранявших рудники.

— Ты сумасшедший, — шепнула Сиоба на ухо Лютиену, однако в тоне девушки явно слышалось восхищение. Она придвинулась к нему поближе и прикоснулась губами к уху юноши.

— Но это так возбуждает, — прошептала она, на этот раз гораздо громче. Эльфийка слегка прикусила мочку его уха и издала слабый стон.

Глядя через плечо девушки, Лютиен заметил грозные взгляды, которые метала на них Кэтрин. Юноша понял, что это выступление, как, впрочем, и предыдущее, было рассчитано именно на то, чтобы уязвить соперницу. Юный Бедвир не имел ни малейшего желания причинять боль Кэтрин. Некогда она была его возлюбленной и, что еще важнее, с детских лет, еще на острове Бедвидрин, оставалась ему верным другом.

Сиоба и ее товарищ-эльф покинули трактир, но сперва она многозначительно подмигнула Лютиену, а проходя мимо Кэтрин, окинула ее снисходительным взглядом.

Кэтрин, казалось, не обратила на это никакого внимания.

Юноша чувствовал себя крайне неудобно.

Вскоре Лютиен, Оливер и Кэтрин стояли возле наружной двери «Гнэльфа». Снег пошел снова, да еще такой густой, что многие посетители разошлись по домам, чтобы подкинуть дров в собственные очаги.

Все трое оживленно беседовали, и все же в воздухе витало некое напряжение. Оливер раз за разом переводил разговор на предстоящую атаку на шахты.

Напряжение между Лютиеном и Кэтрин не ослабло, и, наконец, юноша решил, что он обязан что-нибудь с этим сделать.

— Это не то, что кажется, — пробормотал он, на середине фразы прервав разглагольствования хафлинга.

Кэтрин изумленно уставилась на него.

— Я имею в виду Сиобу, — пояснил юноша. — Мы некоторое время были близкими друзьями, я хочу сказать...

Лютиен понятия не имел, что говорить дальше. Он понимал, как глупо прозвучали его слова. Уж конечно, Кэтрин, как и все вокруг, прекрасно знала, что они с Сиобой давно стали любовниками.

— Тебя здесь не было, — упавшим голосом пробормотал юноша. — Я хочу сказать...

Оливер мученически застонал, и Лютиен понял, что его речь позорно провалилась, а ситуация, возможно, только ухудшилась. Однако юноша никак не мог заставить себя замолчать, не мог не попытаться прояснить свои отношения с Кэтрин.

— Это не то, что ты думаешь, — вновь произнес Лютиен, и Оливер, заметив, что девушка начинает закипать от ярости, снова застонал.

— Сиоба и я... мы дружили, — наконец выдавил из себя юноша. Он понимал, что окончательно упал в глазах Кэтрин, особенно потому, что перевел разговор на столь щекотливую тему, прервав предыдущий, деловой разговор. Но чувства Лютиена взяли верх над здравым смыслом, и он не смог вовремя остановиться.

— В общем-то, не только дружили, — продолжал он. — Мы с ней...

— Ты абсолютно уверен, что твоя персона для меня важнее, чем свобода Эриадора? — холодно осведомилась Кэтрин.

— Я понимаю, что тебе больно, — ответил Лютиен, прежде чем осознал глупость своих слов.

Кэтрин быстро шагнула вперед, положила руки на плечи юноше и неожиданно заехала бывшему любовнику коленом в пах, заставив его согнуться пополам. Казалось, она хотела еще что-то сказать, но затем передумала и, резко развернувшись, быстро пошла прочь.

Оливер заметил, что зеленые глаза девушки заблестели от слез, которые она с трудом сдерживала. Хафлинг понял, насколько уязвили ее слова Лютиена.

— Никогда не повторяй со мной этой ошибки, — неожиданно обернувшись, процедила Кэтрин сквозь сжатые зубы.

Лютиен медленно выпрямился, лицо его побледнело от боли. Он не мог оторвать глаз от уходящей девушки. Когда Кэтрин скрылась во тьме ночи, юноша беспомощно обернулся к Оливеру.

Хафлинг только покачал головой, с трудом удерживаясь от смеха.

— Мне кажется, я влюблен в нее, — еле слышно прошептал Лютиен, с трудом выговаривая это признание.

— В нее? — переспросил Оливер, указывая в сторону, куда удалилась Кэтрин.

— В нее, — со вздохом подтвердил юный Бедвир.

Оливер задумчиво погладил свою бородку.

— Дай разобраться, — начал он медленно и задумчиво. — Одна женщина бьет тебя коленом в пах, а другая ласкает языком твое ухо. А ты предпочитаешь ту, что ударила тебя?

Лютиен пожал плечами, на самом деле не зная, что ответить.

Оливер покачал головой.

— Ты меня беспокоишь.

Лютиен тоже за себя беспокоился. Юноша не мог разобраться в чувствах, которые он питал к обеим девушкам. Ему нравилась и та, и другая. Ни один мужчина не мог пожелать лучшего друга, чем любая из этих девушек, и это лишь больше запутывало дело. Он был всего лишь неопытным юношей, испытывавшим чувства, которые он не мог объяснить. И в то же время он был Алой Тенью, вождем повстанцев, и тысячи, десятки тысяч жизней зависели от его решений.

Оливер шагнул к двери и поманил за собой Лютиена. Тот глубоко вздохнул и с готовностью подчинился.

Как хорошо хотя бы на время позволить руководить происходящим кому-то другому.

3. АТАКА НА РУДНИКИ

С полдюжины циклопов — надсмотрщики монфорских шахт — ошеломленно уставились на дверь караульного помещения. Она внезапно распахнулась, и в комнату неторопливо и спокойно вступили высокий, стройный мужчина и пышно разряженный хафлинг. На лицах их играли широкие улыбки, словно парочка ожидала самого радужного приема. Они даже заботливо прикрыли за собой дверь, а хафлинг обернулся, ткнул в замок острием рапиры и удовлетворенно кивнул, услышав ожидаемый щелчок.

Первым опомнился ближайший циклоп и кинулся к оружейной стойке, где находились копья стражников, однако юноша мгновенно выхватил из ножен необычайной красоты меч и рубанул по древку его копья. Циклоп двинулся вперед, собираясь расправиться с нахалом голыми руками. Правда, его смущало странное поведение незваного гостя: молодой человек стоял совершенно спокойно, словно не собирался сражаться.

Прежде чем одноглазые сообразили, что им делать дальше, хафлинг проскользнул между двумя скамьями и одним прыжком взлетел на стол, сжимая в руке сверкающую рапиру. Он тоже не проявлял враждебных намерений, а просто принял величественную позу.

Один из стульев отлетел в сторону, и самый большой и грозный циклоп решительно, угрожающе поднялся. Лютиен и Оливер одновременно взмахнули руками, словно призывая одноглазых к спокойствию.

— Приветствую вас, — спокойно произнес хафлинг. — Я — Оливер де Берроуз, хафлинг с большой дороги. А это мой друг, Лютиен Бедвир, сын почтенного эрла Бедвидрина Гахриза.

Циклопы явно не знали, как реагировать, и абсолютно не понимали, что происходит. Шахты находились на немалом расстоянии к югу от самого города, далеко в горах. Место было отрезано от всего мира, и одноглазые даже не подозревали, что в Монфоре кипит яростная битва. Они не получали никаких вестей с тех пор, как выпал первый снег, а ближайший караван с осужденными каторжниками должен был появиться не раньше весны.

— Конечно, этот молодой человек гораздо лучше известен вам как Алая Тень, — продолжил тем временем хафлинг.

Единственный глаз огромного циклопа возле стола налился кровью. За несколько месяцев до описываемых событий двое неизвестных совершили налет на рудник, перебили уйму циклопов и освободили троих гномов. По слухам, нападавшими были юноша в алом

плаще и некий пышно одетый хафлинг. Так случилось, что этот отряд циклопов находился тогда глубоко под землей. Но, разумеется, все охранники, служившие в рудниках, получили подробное описание преступников. Однако циклопы все еще колебались, не зная, на что решиться. Уж больно неожиданным и странным оказалось вторжение обоих незнакомцев.

— Лично я планировал, что мы с другом, — объявил Оливер, — а также пара сотен наших людей снаружи, — при этих словах головы всех циклопов как по команде повернулись к двери, — всех вас здесь прикончим. Однако мой благородный юный друг пожелал сперва дать вам возможность сдаться без боя.

Еще пару мгновений циклопы переваривали витиеватую речь хафлинга, затем послышался грозный рев, и самый большой стражник одним движением перевернул стол.

Оливер, для которого это движение не явилось неожиданностью, ловко развернулся, издал боевой клич, подпрыгнул и полоснул клинком рапиры по лицам двух ближайших циклопов. Один из них лишился при этом своего глаза. Он вскочил, но тут же зацепился ногой о свой стул и рухнул на пол, слепо размахивая руками.

— Ну что ж, нет так нет, — сухо заметил хафлинг.

Циклоп, находившийся возле Лютиена, взревел и бросился на Оливера.

— Осторожно! — крикнул Лютиен.

Не блещущий умом одноглазый поспешно обернулся, но успел заметить лишь серебряную молнию, когда «Ослепительный» обрушился прямо ему на голову.

Юноша перепрыгнул через обмякшее тело.

— Я говорил тебе, что они не пожелают сдаться! — крикнул Оливер, на которого напали сразу два циклопа, в том числе один из получивших рапирой по лицу.

Лютиен выставил вперед плечо и бросился к столу, словно намереваясь использовать его в качестве тарана. Один из одноглазых, ощутимо превосходивший юношу размерами, с готовностью пригнулся и бросился к столу с противоположной стороны. Но в последний момент Лютиен отскочил, а циклоп ударился о стол, потерял равновесие и упал. Прежде чем одноглазый успел прийти в себя, лезвие «Ослепительного» воткнулось ему между ребер.

Юный Бедвир встал попрочнее, готовясь отразить нападение самого большого циклопа, который успел вооружиться огромной секирой.

— Один на один, — пробормотал юноша. Хотя, вообще-то, этот циклоп, достигавший не менее семи футов роста, стоил полутора противников.

Оба циклопа, напавшие на Оливера, не имели никакого оружия. Они скакали и метались из стороны в сторону, не теряя надежды поймать этого наглого недомерка.

Хафлинг небрежно уворачивался, нанося удары сверкающей рапирой по тянущимся к нему рукам циклопов. Казалось, все это искренне его забавляет.

— А я ведь даже не пользуюсь вторым клинком, — издевался Оливер. Одному из циклопов почти удалось схватить верткого противника, но хафлинг глубоко вонзил рапиру прямо в ладонь нападавшего.

Циклоп взревел, схватился за кисть и упал от боли на колени. Хафлинг не смог высвободить рапиру из тела врага и поспешно выхватил кинжал. Однако тут он заметил, что второй циклоп метнулся в сторону, чтобы поднять огромную секиру своего павшего товарища.

Оливер одним прыжком вскочил на плечи одноглазого, стоявшего на коленях, чтобы отразить атаку, находясь на одном уровне с новым противником.

Но все-таки хафлингу пришлось отскочить в сторону, когда стоявший на коленях циклоп попытался схватить его за ноги. Вот тут второй одноглазый и нанес сокрушительный удар секирой. Впрочем, он промахнулся, вернее, промахнулся по хафлингу и обрушил секиру на голову своего же товарища. Нападавший циклоп даже застонал в бессильной ярости, когда его приятель рухнул на пол с разрубленным почти до основания черепом.

— Ведь больно же ему, — язвительно заметил Оливер.

Тем временем Лютиен уворачивался от сыпавшихся на него ударов. Он припал на одно колено и зацепил лезвием своего меча бедро нападавшего циклопа. Однако удар оказался

скользящим и не смог остановить атаку гигантского охранника. Лютиену пришлось нырнуть вперед и перекувырнуться, чтобы уклониться от следующего замаха.

Юноша вскочил на ноги, метнулся в сторону и на этот раз зацепил противника по спине. Чудовище взревело и поспешно развернулось, обрушив лезвие огромной секиры на «Ослепительный».

«Только не парировать», — напомнил себе Лютиен, чья рука онемела от сокрушительной силы удара.

— Уж лучше бы вы сразу сдались, — издевался юноша. И действительно, оглянись циклоп вокруг — он бы понял, что ему следовало прислушаться к доброму совету. Трое его товарищей были мертвы или доживали последние минуты. Четвертый, потерявший свой единственный глаз, бестолково размахивал руками и пытался подняться на ноги. В довершение всего Оливер огрел ослепленного противника по спине.

Тот развернулся и попал под ноги одноглазому, преследовавшему хафлинга. Гигант споткнулся о своего же приятеля, едва не упал и снова рванулся вперед.

Оливер отскочил в сторону, и лезвие секиры вонзилось глубоко в перевернутый стол.

Стоя на коленях, да еще из-за слепца, намертво в него вцепившегося, гигант не имел ни малейшего шанса извлечь свое застрявшее оружие.

— Позволь, я помогу тебе, — предложил хафлинг, кидаясь вперед и возвращая свой кинжал в ножны. Он потянулся было к секире, но вместо этого глубоко вогнал лезвие рапиры в горло циклопу.

— Я передумал, — пояснил Оливер противнику, медленно сползавшему на пол.

Клинок Лютиена поднялся навстречу топору гигантского охранника. Юноша понимал, что должен двигаться очень быстро, иначе циклоп возьмет верх, хотя бы благодаря своим немалым размерам. Лютиен ринулся на противника, обрушив удар «Ослепительного» на рукоятку топора. Чудесный клинок отмахнул палец с правой руки циклопа, и атака захлебнулась, так и не успев толком начаться.

Схватив меч обеими руками, Лютиен начал разворачиваться направо и тут же получил удар коленом в бедро. Он продолжал поворачиваться к противнику спиной, прекрасно понимая, что такая тактика принесет либо победу, либо смерть, без всяких промежуточных вариантов. Он пригнулся и с разворота выбросил меч вверх.

«Ослепительный» с легкостью разрубил плоть и кость руки противника, почти отделив от тела его левую конечность.

Топор со звоном упал на каменный пол, а его хозяин постоял еще мгновение, потрясенно переводя взгляд с удачливого противника на собственную страшную рану. Затем он пошатнулся, отступил на шаг назад и медленно сполз по стене, заливая все вокруг потоками крови.

Лютиен обернулся и заметил хафлинга, издевавшегося над ослепленным циклопом. Безжалостный воин с разных сторон подсакивал к беспомощному стражнику, нанося легкие уколы своим гибким клинком.

— Оливер! — рявкнул Лютиен.

— Что ж, очень хорошо, — отозвался хафлинг. Он подскочил к циклопу, подождал, пока его бестолково размахивающие руки откроют дорогу, затем нанес сразу два удара. Острые рапиры вонзилось между ребер противника, а кинжал в тот же миг пронзил горло врага.

— На самом деле тебе стоило отрастить второй глаз, — заметил Оливер, отскакивая в сторону, когда циклоп тяжело рухнул вперед, испустив дух еще до того, как достиг пола.

Оливер оглянулся на Лютиена и, почти извиняясь, пояснил:

— Нет, ну им и вправду не помешал бы лишний глаз!

В сотне футов к востоку от пещеры, в которую зашли Лютиен с Оливером, из туннеля выскочила Кэтрин О'Хейл. Почти вплотную за ней мчались десятка полтора разъяренных циклопов.

С обнаженного меча девушки еще стекали капли крови первого врага, убитого внутри. Она сделала вид, что собирается броситься по дороге, ведущей назад, к Монфору, но вместо этого развернулась и устремилась к заваленной снегом обочине.

Очередное копье, брошенное ей вслед, чуть не задело беглянку и глубоко вонзилось в снег. Кэтрин порадовалась, что одноглазые не отличались особой меткостью. Эльфы — другое дело.

Она перескочила через снежную грядку и побежала дальше; циклопы завывали всего в паре дюжин футов позади.

Как же они задержались, когда из-за снежной гряды поднялись Сиоба и все ее каттеры с натянутыми луками! Эльфийские стрелы устремились к циклопам подобно рою разъяренных пчел. Из мощной груди одного охранника торчало целых восемь! Часть одноглазых попыталась развернуться и броситься назад, к входу в шахту, но стрелы настигали их и там.

Только одному циклопу удалось добраться до пещеры, да и то из его груди и ноги торчало несколько стрел. Последняя вонзилась в плечо охранника возле самого входа, но он успел все-таки нырнуть внутрь.

Шаглин и остальные повстанцы, среди которых было еще несколько гномов, хотя основную массу составляли люди, следовали за ним по пятам. Вскоре после того, как чернобородый гном ворвался в пещеру, оттуда донесся последний, предсмертный вопль циклопа.

Позади снежной гряды Кэтрин прищурилась — сверкавший на солнце снег слепил глаза — и взглянула на запад. Дверь караульного помещения слегка приоткрылась, и оттуда высунулась рука хафлинга, в которой была зажата его знаменитая шляпа.

— Не стоит беспокоиться об этой парочке, когда они вместе, — заметила Сиоба, останавливаясь рядом с Кэтрин.

Кэтрин искоса взглянула на соперницу. Полуэльфийка, безусловно, была прекрасна. Ее пышные кудри цвета спелой пшеницы заставляли юную воительницу стыдиться своей растрепанной рыжей гривы.

— И мастерство сочетается с необыкновенной удачливостью, — закончила Сиоба, сверкнув обезоруживающей улыбкой. Внезапно Кэтрин подумала, что в предводительнице эльфийских лучников была какая-то холодность и отстраненность. Но девушка не чувствовала никакой снисходительности по отношению к себе. В общем-то, все эльфы и полуэльфы держались слегка свысока, и в этом Сиоба не отличалась от прочих. Даже их соперничество из-за Лютиена казалось менее жестким и напряженным, чем могло бы, принадлежи Сиоба целиком к человеческому роду.

Сиоба и ее спутники легко соскользнули с заваленной снегом обочины и последовали за остальными к главному входу в рудник. Полуэльфийка слегка замедлила шаги и оглянулась на Кэтрин.

— Прекрасная работа, — заметила она, указав на неподвижные тела мертвых циклопов. Кэтрин вздрогнула, поспешно возвращаясь к реальности из глубины раздумий.

— Ты здорово уменьшила количество одноглазых.

Рыжеволосая девушка кивнула и также скатилась на другую сторону насыпи. Ей ужасно не хотелось признавать этот факт, но, честно говоря, Сиоба начинала ей нравиться.

Соперницы бок о бок вошли в пещеру.

В глубине туннеля Шаглин и его отряд столкнулись с серьезным препятствием. Посреди прохода возвышалась наспех сложенная баррикада с проемами для стрельбы из лука. Конечно, циклопы не могли похвастаться особой меткостью, но в данном случае, учитывая низкий и узкий коридор, ее и не требовалось.

Шаглин и его товарищи укрылись за ближайшим поворотом в ярости на неожиданную помеху.

— Лучше подождать эльфийских лучников, — предостерег один из людей.

Шаглин только пожал плечами. Что могли поделать стрелки из отряда Сиобы в этой ситуации? Даже если несколько стрел достигнут цели, они вряд ли причинят циклопам

серьезный вред.

— Нужно идти на штурм, — проворчал гном, ответом ему был хор протестующих голосов.

Шаглин осторожно выглянул из-за угла и чуть не лишился носа, когда мимо просвистела стрела. Судя по граду стрел, летевшему из-за баррикады, там находилось не менее дюжины циклопов. У него было в три раза больше бойцов. Однако мысль о том, что они потеряют хоть несколько человек из отряда еще до начала основного сражения, приводила его в ярость.

Шаглин вернулся к своим спутникам и подошел к человеку, державшему большой щит.

— Дай его мне, — коротко скомандовал гном. Человек с любопытством на него посмотрел и молча подчинился.

Щит закрыл гнома от макушки до пяток. Шаглин двинулся к повороту, намереваясь поднять свой отряд в атаку.

За баррикадой послышался сдавленный вопль, перешедший в затихающий стон, затем еще один.

Шаглин и его соратники в недоумении посмотрели друг на друга.

Затем они услышали слабый щелчок тетивы, и еще один циклоп за баррикадой издал предсмертный стон.

Гном больше не мог ждать. Ноги сами вынесли его из-за угла. Отряд, издав дружный боевой клич, последовал за предводителем.

— Одноглазые тупицы, — послышался из-за баррикады знакомый голос с сильным гасконским акцентом. — Всего один удар моей прекрасной рапирой — и вы лишаетесь зрения!

Стрела воткнулась в щит, за которым скрывался Шаглин. Сбоку от него человек, раненный в ногу, вскрикнул и свалился на пол.

Заслышав звон мечей, гном больше не стал тратить время на раздумья. Он выставил вперед плечо и с разбега врезался в баррикаду. Отважному предводителю не удалось с ходу пробить столь серьезную преграду, но его спутники, воспользовавшись спиной товарища как ступенькой, мигом пробили проход. К тому времени, как полурастоптанный гном пришел в себя и тоже перебрался на другую сторону, бой уже закончился. Повстанцы не потеряли ни одного человека из отряда. Никто даже не был ранен.

Лютиен указал товарищам на разветвление туннеля, видневшееся вдали, как раз там, где кончалась линия фонарей.

— Свернув налево, вы попадете на нижний уровень, где томятся в неволе ваши друзья.

Лютиен знал, куда стремится воинственный гном. Некогда Шаглин сам попал в каменоломни, после того как помог Лютиену и Оливеру уйти от погони во время одного из их воровских предприятий. Затем его вместе с двумя другими гномами приговорили к каторжному труду в рудниках. Однако они так и не успели попасть на нижний уровень: друзья при помощи каттеров вытащили их оттуда в последний момент, перебив немало циклопов.

— А вы куда? — поинтересовался Шаглин, когда заметил, что Оливер с Лютиеном не собираются следовать за основным отрядом.

Юноша пожал плечами и улыбнулся. Оливер слегка приподнял шляпу.

— Здесь много боковых туннелей, — пояснил хафлинг. — Так что мы появимся именно тогда, когда в нас возникнет самая большая нужда.

Закончив свою напыщенную фразу, Оливер развернулся и поспешил вслед за уходящим другом. Они вернулись в узкий проход, который привел их сюда из караульного помещения. Они действительно обнаружили в нем несколько ответвлений, часть из которых плавно уходила вниз. Главный спуск на нижний уровень, где и томились несчастные рабы, находился слева от развилки, как Лютиен и сообщил остальным. Однако юноша думал, что туда можно пройти и другой дорогой. Товарищи надеялись незаметно спуститься вниз, освободить рабов и ударить на циклопов с тыла.

Они осторожно спустились вниз и обнаружили в одном из узких боковых туннелей множество истощенных, грязных, почти умирающих от голода гномов. Несчастных охраняла небольшая горстка циклопов, так как никто не предполагал, что умирающие рабы способны на какое-либо сопротивление. Однако появление Оливера с Лютиеном настолько вдохновило измученных узников, что они без колебаний набросились на жестоких тюремщиков, а кирки и лопаты в их руках превратились в грозное оружие.

Тем временем группа Шаглина соединилась с остальными повстанцами, включая Кэтрин и каттеров. Вскоре отряду пришлось столкнуться с серьезным сопротивлением. Возле главного спуска на нижний уровень их встретила большая группа циклопов. К тому же одноглазые успели разрушить подъемное устройство.

Используя блоки, тали и дюжину веревок, Шаглин и другие гномы на скорую руку соорудили новый механизм. Из-за отчаянного сопротивления циклопов отряд понес немалые потери во время спуска, несмотря на слаженные действия эльфийских лучников. После захвата нижней камеры повстанцам пришлось брать штурмом множество помещений, охранявшихся хорошо вооруженными и едва ли не превосходившими их по численности врагами.

К счастью, в самый опасный момент подоспели Лютиен с Оливером во главе армии освобожденных узников и ударили на циклопов сзади, что и решило исход сражения.

Той же ночью гномы выбрались из рудников Монфора. Многие из них увидели свет звезд впервые за десять лет. Несчастные рухнули на колени, призывая проклятия на голову короля Гринспэрроу, и со слезами на глазах восхваляли отважного героя, Алуию Тень.

Шаглин опустил могучую руку на плечо Лютиена.

— Ну вот, ты и получил свою армию, — констатировал он.

Окруженный пятью сотнями крепких гномов, Лютиен ничуть не сомневался в силе этой армии.

А вот Оливера продолжали мучить сомнения. Он еще раньше предлагал Лютиену отправить освобожденных гномов в горы, где до них не смогут добраться сторонники Гринспэрроу. А ему с юношей и, возможно, еще несколькими особенно известными повстанцам, по мнению хафлинга, следовало отправиться в отдаленные районы Эриадора и затеряться там, стать неприметными в этом краю бродяг. Несмотря на блестящую победу и всеобщее ликование, последовавшее за ней, Оливер не отказался от своей идеи. Бывалый хафлинг повидал в своей жизни множество стран, не исключая и Эйвона, и сейчас он не мог выкинуть из головы образ армии Гринспэрроу, идущей на подавление повстанцев. Много раз за последние недели хафлинг предавался размышлениям о том, предпочитают в Эйвоне гильотину или довольствуются обычной виселицей.

Оливер всю жизнь промышлял на большой дороге, и все же еще ни разу за ним по пятам не гонялась целая армия!

— Мы не можем отступить, — обратился к нему Лютиен, правильно поняв потерянное выражение, появившееся на лице приятеля. — Настал час падения Монфора.

— И возрождения Кэр Макдональда, — быстро добавила Кэтрин О'Хейл.

4. ГЛАЗА МУДРЕЦА

Тяжесть прожитых лет давила на широкие плечи старого волшебника Бринд Амора, а морщины, избородившие его лицо, являлись следствием множества часов ученых занятий и тревог. И сейчас он тоже тревожился, поскольку для его родины, Эриадора, наступил критический момент. Однако его плечи не выглядели сутулыми, а любой, посмотревший на лицо старого мага, вероятно, даже не заметил бы глубоких морщин, замороженный ярким светом мудрых синих глаз.

Сейчас эти глаза сверкали еще ярче. Волшебник сидел в кресле с высокой спинкой возле письменного стола, находившегося в округлой пещере с грубыми стенами. Только тщательно выровненный пол свидетельствовал о том, что это помещение не было целиком

творением природы. Единственным источником света в пещере являлись лучи, исходявшие из хрустального шара, стоявшего на столе между человеческим черепом и древовидным канделябром.

Когда свет начал медленно тускнеть, волшебник откинулся на спинку кресла, желая осмыслить образы, увиденные при помощи магического предмета.

Гномы из рудников Монфора обрели свободу и вошли в город вместе с Оливером и Лютиеном.

Гномы обрели свободу!

Бринд Амор погладил белоснежную бороду и провел рукой по гриве седых волос, зачесанных назад наподобие конского хвоста. Чародей напомнил себе, что увиденному можно доверять, поскольку он наблюдал те события, которые уже произошли, а не те, которые могли бы случиться.

Раньше ему приходилось заглядывать в будущее. Весьма рискованное, да к тому же изматывающее занятие. Из всех магических действий пророчество было, пожалуй, самым хлопотным и опасным. Взгляд в будущее — это не просто обуздание элементарных энергий, таких как удар молнии. И не просто перенос сознания в другое место, как при обычном ясновидении. Для проникновения в будущее требовалось свести все известные элементы настоящего в одно место, в хрустальный шар или зеркало, а затем проявить логические последствия каждого из этих элементов и возникающие между ними конфликты. На самом деле подобное занятие являлось суровым испытанием интеллекта и интуиции мага.

Бринд Амор не часто решался на подобное. Несмотря на свое немалое любопытство, волшебник понимал, что будущее — крайне ненадежная материя. Да, он мог прочесть заклинание над хрустальным шаром, а затем изучить мимолетные образы — а они всегда были именно мимолетными и давали лишь обрывки целых картин. Но чародей никогда не знал наверняка, что произойдет на самом деле, а что является лишь одним из возможных вариантов. И, безусловно, одно уже то, что любопытный чародей заглядывал в будущее, могло неотвратимо изменить естественный ход событий.

Однако сегодня Бринд Амор не смог удержаться от искушения. И один из образов показался ему весьма правдоподобным: человек на вершине высокой башни в Монфоре. Бринд Амор был более или менее в курсе событий, происходящих в городе, ему случалось пару раз мысленно посещать это место, проникнув в сознание полуэльфийки и воспользовавшись ее глазами, однако он не узнал человека на башне. Судя по его богатым одеждам и обилию драгоценностей, незнакомец принадлежал к сторонникам Гринспэрроу.

Волшебник откинулся на спинку кресла и задумался. Человек на башне. Издевается над простым народом. Аристократ, символ всего, что напоминало Монфору о короле Гринспэрроу. С этим что-то следовало сделать. И Бринд Амор подумал, что здесь он, пожалуй, может поработать сам, не затрачивая большого количества усилий и вообще ничем не рискуя. Возможно, это путешествие по просторам того, что еще только должно случиться, стоило затраченных усилий.

Цена... Он припомнил множество предостережений своих наставников, которые предупреждали его век назад о немалом риске, содержащемся в подобной деятельности.

Риск...

Бринд Амор решительно выбросил из головы эти мысли. Здесь особый случай. К тому же на этот раз он изучал события, большая часть которых уже произошла. В Монфоре началось настоящее восстание, которое вполне могло перерасти в революцию во всем Эриадоре. До некоторой степени сам Бринд Амор и начал его. Именно он передал Лютиену Бедвиру алый плащ. И именно он отправил юношу и его спутника на дорогу, ведущую в Монфор. Тогда волшебник надеялся всего лишь на то, что юноша сможет причинить вред противникам. Возможно, возродить передаваемую шепотом легенду об Алой Тени, герое древних времен. Волшебник даже осмелился надеяться, что пройдут годы и при помощи возрожденной легенды удастся подорвать во всем Эриадоре веру в могущество жестокого короля Гринспэрроу.

Однако судьба решила по-своему, и события начали разворачиваться гораздо быстрее, чем предполагал старый волшебник. Но Бринд Амора это вовсе не опечалило. Он был возбужден и полон надежды. Превыше всего благородный маг верил в силы гордого народа Эриадора и самого Лютиена Бедвира.

Его ясновидение показало, что многие поселения, включая родной город Лютиена, Дун Варну, присоединились к восстанию. Как раз в это утро флот, по большей части состоявший из рыбацких лодок, вышел из гавани Дун Варны в холодные и опасные воды Дорсальского моря и направился к острову Марвис. Флот шел на помощь эрлу острова, который, подобно Гахризу Бедвиру, стремился освободить свои земли от ненавистных циклопов.

Бринд Амор пробормотал заклинание и трижды прищелкнул пальцами. На концах многочисленных свечей, укрепленных в древовидном канделябре, затеплились мерцающие огоньки пламени. Маг поднялся из кресла, расправил свою роскошную синюю мантию и подошел к столу, погребенному под горами пергаментов. Он порылся в них и, наконец, извлек карту Эйвонских островов. Пергамент испещряли тысячи разноцветных точек, зеленых, желтых и красных, обозначающих скопления людей и стороны, которые они занимали в конфликте. К югу от гор, в Эйвоне, преобладал зеленый цвет сторонников короля с небольшими вкраплениями желтого, нейтрального. К северу от гор также было довольно много зеленых скоплений, в частности купеческий район Монфора представлял сплошное зеленое пятно, а все остальное оставалось по большей части желтым. Но количество красных точек, обозначающих отряды повстанцев, неуклонно росло.

Бринд Амор поставил карту перед собой, закрыл глаза и начал бормотать заклинание. Он вызывал перед своим мысленным взором то, что показал ему ранее хрустальный шар, — события в Монфоре и передвижения флота на севере. Когда маг вновь открыл глаза, все изменения запечатлелись на карте, которая теперь пестрела красными точками. На остров Марвис накатывалась красная волна, красная стена, окружавшая Монфор, стала толще.

— Что же это я начал? — думал волшебник. Сотню лет назад он никак не предполагал, что нечто подобное может случиться в ближайшее столетие, но искренне верил, что он сам и весь Эриадор встретили происходящее во всеоружии. Лютиену удалось добыть в логове дракона Бальтазара утраченный жезл чародея. Теперь же юноша вместе с верным Оливером и множеством повстанцев добились немалых успехов.

Бринд Амор вернул карту на стол и прижал ее концы пресс-папье, сделанными в виде маленьких горгулий. Он глубоко вздохнул и оглянулся на письменный стол. Пляшущие огоньки свечей в канделябре испускали свет, изрядно превосходивший возможности обычных свечей. Хрустальный шар будоражил его любопытство. На протяжении многих недель Бринд Амору хотелось выйти за пределы Эриадора и исследовать земли, лежащие по южную сторону от границы, выяснить, что происходит в Эйвоне.

Престарелый маг вновь глубоко вздохнул, понимая, что он не готов к столь опасному предприятию. Еще не готов. Ему необходимо отдохнуть, собраться с силами. Тем временем пламя революции должно разгореться в полную силу.

Он иногда сожалел, что позволял себе раньше заглядывать в будущее, теперь же, когда настоящее призывало его к себе, он не мог ответить на призыв. Наблюдение за будущим было и без того достаточно сложным и утомительным занятием. Но для чародея, подобного Бринд Амору, которому приходилось скрываться в самом сердце Айрон Кросса, попытка послать магическую энергию за много миль от своего тайного убежища, чтобы проследить за происходящими в большом мире событиями, могла оказаться просто опасной. Эту энергию могли обнаружить Гринспэрроу и его герцоги, а так как в мире оставалось совсем немного волшебников, то его убежище в тайных пещерах Айрон Кросса могло быть раскрыто.

Маг прошептал заклинание и слегка дунул. Огоньки на свечах вспыхнули ярким светом, затем погасли. Бринд Амор развернулся и направился к двери, затем прошел по узкому коридору, ведущему к спальне. Однако оставалась еще одна вещь, которую необходимо было сделать, прежде чем отдаться желанному покою. Маг вполне доверял своему видению, показавшему события, которые скоро должны произойти в Монфоре, и

приспешника Гринспэрроу, стоявшего на высокой башне. Теперь он знал, что ему делать.

Бринд Амор зашел в свой маленький арсенал, покопался в гряде всякой всячины и извлек оттуда особую, волшебную стрелу. При помощи простого заклинания он отправил ее прямоком в колчан полуэльфийской лучницы, в Монфор, уж эта девушка наверняка окажется в самом центре любых важных событий.

Затем чародей с чувством исполненного долга отправился спать.

Лютиен вздрогнул и проснулся. Ему понадобилось несколько минут, чтобы глаза привыкли к тусклому свету. Юноша оглядел маленькую комнату, проверяя, все ли в порядке. Камин еще тлел — так что сейчас не могло быть слишком поздно, — но пламя погасло, поленья превратились в мерцающие угольки, наполнявшие крохотную комнатку тусклым светом.

Лютиен скатился с кровати, пересек комнату и сел у камина. Его тепло приятно согревало юношу. Он отодвинул в сторону экран, взял кочергу и пошевелил угли, почти не осознавая своих действий; юношу переполняли чувства, не понятные ему самому. Он подкинул пару поленьев в очаг и принялся осторожно дуть на угли, пока пламя не разгорелось вновь.

Некоторое время Лютиен задумчиво наблюдал за его дразнящим танцем, позволив себе унести мыслями в далекое прошлое. На остров Бедвидрин, в Дун Варну, в те времена, когда он еще не выбрал столь неожиданный путь. Лютиен вспомнил первый раз, когда они с Кэтрин остались вдвоем, на холме, высоко над городом и заливом, и любили друг друга.

Улыбка на его лице угасла. Он напомнил себе, что необходимо поспать, наступающий день, как и все предыдущие, принесет с собой множество хлопот. Юному вождю придется принимать решения, от которых будет зависеть жизнь многих людей.

Лютиен отложил кочергу и вернулся к кровати, освещенной теперь разгоревшимся пламенем.

Покрывало откинулось, одеяло сползло на пол, открывая взгляду Сиобу, которая безмятежно спала, лежа на животе, абсолютно нагая. Юноша осторожно сел на край постели, откинул край покрывала и нежно коснулся ноги Сиобы. Рука медленно поползла вверх, ощупывая каждый дюйм шелковистого тела спящей красавицы, пока не добралась до шеи. Затем Лютиен провел рукой по пышным волосам подруги. Девушка пошевелилась, но не проснулась.

Она казалась такой хрупкой и такой прекрасной! Лютиен не мог отрицать, что отважная лучница завладела его сердцем в тот же миг, когда он впервые увидел ее.

Тогда почему он думает о Кэтрин?

И почему, задавался вопросом юноша, забираясь обратно под одеяло и тесно прижимаясь к Сиобе, он чувствовал себя таким виноватым?

За те дни, что Кэтрин находилась в Монфоре, она ни разу не подала вида, что желала бы вновь быть с Лютиеном. Она не произнесла ни единого слова неодобрения по поводу его отношений с Сиобой.

Но она их осуждала. Лютиен это чувствовал. В ее зеленых глазах стояла боль. В тех самых глазах, которые сияли таким ярким светом в ту ночь, когда Лютиен стал мужчиной, на холме в Дун Варне, в том мире, который, казалось, находился за миллион миль и миллион лет отсюда.

Придворные дамы поражали воображение огромным количеством тончайших кружев, оборок и драгоценностей. Взгляд, брошенный Бринд Амором в хрустальный шар, вызвал у старого чародея приступ тошноты, но в то же самое время он ощутил и надежду. В свое время город Карлайл, расположенный на реке Страттон, был построен во время войны и главным образом для военных целей. Гринспэрроу пришел к власти в результате жестокой, кровавой войны. Первые годы его правления затмили по жестокости даже нашествие хьюготов, происшедшее много столетий назад.

Но теперь Карлайл стал совсем иным: сплошь кружева и оборки, яства и напитки.

Магический глаз Бринд Амора пробирался по пышным покоям дворца. Чародей никогда еще не осмеливался на столь неосторожный поступок, как проникновение в самое логово своего смертельного врага. Если только Гринспэрроу почувствует присутствие чужой энергии...

Даже толстые каменные стены горного убежища Бринд Амора не послужат серьезным препятствием для подручных короля-чародея, могущественных демонов из самых глубин ада.

Странная суматоха в дворцовых покоях насторожила мага. Сотни людей перемещались из зала в зал, набивая свои глотки обильной хозяйской пищей, заливая в себя хозяйские напитки. Многие парочки старались незаметно ускользнуть в темные уголки отдаленных залов. Неподвижные ряды дюжих циклопов выстроились вдоль стен. Бринд Амор в очередной раз подивился иронии судьбы: одноглазые стражники стояли перед настенными росписями, изображавшими победы жителей Эйвона над далекими предками циклопов!

Магический глаз скользил дальше, образы в хрустальном шаре менялись. Затем Бринд Амор ощутил чужую энергию. На мгновение волшебник испугался, что это Гринспэрроу почувствовал вторжение чужой магии, и уже собирался резко прервать контакт, когда понял, что это нечто иное, пассивная энергия, возможно, принадлежавшая самому Гринспэрроу.

Бринд Амор откинулся назад и обдумал происходящее. Он припоминал битву между Лютиеном и герцогом-чародеем Моркнеем на вершине башни Собора. Герцог вызвал демона, Преотека, и отдал ему свое тело. Наблюдая за сражением, Бринд Амор ощущал ту же самую силу, как и сейчас, только на этот раз она казалась гораздо более мощной.

Старый волшебник понял, и его переполнило отвращение. С тихим стоном он наклонился вперед и сконцентрировался на хрустальном шаре, посылая свой магический глаз к источнику чуждой энергии. Он поднялся по задней лестнице дворца на второй этаж, где было не так много придворных, зато гораздо больше одноглазых из преторианской гвардии, пробрался по лабиринту увешанных толстыми коврами залов и наконец приблизился к закрытой двери.

Бринд Амор ощутил неожиданный толчок, когда его магический глаз уткнулся в неприметную дверь. Чародей попытался проникнуть внутрь, но натолкнулся на неожиданное сопротивление: дверь была запечатана при помощи могущественного заклинания.

Бринд Амор понимал, что именно в этом помещении находится сам Гринспэрроу, но он также прекрасно знал, что, если попытается преодолеть магическую преграду, воспользовавшись собственными заклинаниями, король-чародей, безусловно, почувствует это.

Внезапно образ в хрустальном шаре потемнел, потому что гигантский циклоп заслонил происходящее от магического глаза. Дверь распахнулась, и чародей поспешно проскользнул внутрь таинственного помещения вслед за стражником.

Комната, в которую проник маг, выглядела сравнительно пустой по сравнению с остальными, роскошно обставленными покоями. В центре зала на небольшом округлом возвышении стоял трон. И хотя необычайное кресло украшали сверкающие зеленые, красные и фиолетовые драгоценные камни, на полу виднелись только узкие красные коврики, ведущие к трону от каждой из четырех дверей зала.

Гринспэрроу отдыхал на троне, задумчиво поигрывая массивным кольцом, надетым на средний палец. Бринд Амор не сомневался, что это был именно он, хотя они со старым негодяем не виделись более ста лет, да и раньше не слишком хорошо знали друг друга. Волосы короля были черными и волнистыми, а лицо — обильно накрашенным. Однако никакой грим не смог скрыть длинную череду лет, проведенных в колдовских занятиях и общении с демонами ада. Бринд Амора не ввела в заблуждение кажущаяся беззаботность правителя Эйвона. Когда Гринспэрроу поднял взгляд на приближавшегося циклопа, в его янтарных глазах засверкали острый ум и кипучая энергия.

Бринд Амор предусмотрительно удерживал магический глаз возле циклопа, надеясь,

что сила дюжего стражника поможет скрыть его собственную энергию.

— Какие новости, Белсен Криг? — скучающим тоном поинтересовался король.

Бринд Амор рискнул двинуть магический глаз от одноглазого, чтобы лучше его рассмотреть. Старому магу редко приходилось видеть столь мощного и свирепого циклопа. Из пасти Белсена Крига торчали огромные подгнившие клыки, его верхняя губа была наполовину рассечена косым рубцом прямо под плоским носом. Над огромным, налитым кровью оком нависала кустистая бровь, напоминавшая толстую балку над дверью. Обе щеки были обезображены шрамами, а его затылок, широкий, как грудь ребенка, был сплошь покрыт рубцовой тканью. Однако серебристо-черная форма преторианской гвардии поражала аккуратностью, даже щеголеватостью. На обоих плечах виднелись нашивки из золотой парчи, а широкая грудь заслуженного воина казалась выставкой разнообразных медалей и орденских лент.

— Мы не получаем никаких вестей из Монфора, мой король, — отрапортовал Белсен Криг. В его речи почти не слышался акцент, свойственный всему племени циклопов, однако речь его была неразборчивой из-за постоянного шмыгания носом.

— Другой Моркнея не может вернуться в город, — пробормотал Гринспэрроу скорее самому себе, чем вытянувшемуся в струнку перед троном циклопу.

— «Другой Моркнея»? — изумился Бринд Амор, находя по меньшей мере странным подобное наименование. Уж не хотел ли король-чародей сказать, что каждый из его герцогов имел связь с собственным демоном?

— Итак, по всей видимости, этот глупый герцог мертв, — продолжал тем временем Гринспэрроу.

— Досадная мелочь, — почтительно заметил циклоп.

— Мой корабль готов к отплытию? — спросил Гринспэрроу, и Бринд Амор затаил дыхание, понимая, что, если король собирается лично отправиться в Эриадор, чтобы подавить восстание, у Лютиена и его друзей не будет ни единого шанса.

— Вода очистилась ото льда на всем пути до порта Чомадор, — четко отрапортовал Белсен Криг.

Гасконь? Сердце Бринд Амора затрепетало от безумной надежды. Гринспэрроу собирается отправиться в Гасконь!

— А северные воды? — спросил король, и старый маг вновь затаил дыхание.

— Не совсем, согласно полученным сообщениям, — ответил циклоп.

— Но вы сможете пробиться, — заметил Гринспэрроу, и эта фраза прозвучала как приказ.

— Да, мой король.

— Что за дурацкая история, — покачал головой Гринспэрроу, словно все происходящее казалось ему недостойным внимания. — Мы обязаны продемонстрировать им, каковы последствия подобной наглости, — продолжил он, поднимаясь с трона и заботливо поправляя богато расшитую пурпурную перевязь и полы своей тяжелой мантии. — Убивайте мужчин, женщин, детей — всех, кого заподозрите в сочувствии к повстанцам. Позаботьтесь, чтобы урок, данный всем им, запомнился Эриадору на много столетий.

Бринд Амора поразила та небрежность, с которой были произнесены эти жестокие слова.

— Да, мой король! — воскликнул одноглазый, явно воодушевившись. Впрочем, ни одному циклопу не придет в голову задавать лишние вопросы, получив приказ убивать людей.

— И я предупреждаю тебя, — добавил Гринспэрроу, перед тем как покинуть тронный зал через заднюю дверь. — Если моя поездка прервется, ты лично ответишь за это.

— Да, мой король, — поспешно ответил гвардеец. Впрочем, он не выглядел особенно встревоженным. Более того, расстроенному старому волшебнику, находившемуся в пяти сотнях миль от королевского дворца, показалось, что циклоп загорелся энтузиазмом.

Бринд Амор прервал контакт и устало откинулся на спинку кресла. Хрустальный шар

потух, и пещера погрузилась во тьму. Однако старик не спешил зажигать волшебный канделябр.

Он продолжал сидеть в темноте, обдумывая связь, существовавшую у его врагов с миром демонов. Эти отношения, по всей видимости, были давними и очень прочными. Бринд Амор подумал о роковой ошибке, совершенной членами братства волшебников много-много лет тому назад. Соборы были построены, островитяне познали вкус мира и покоя, их уже мало интересовали старые волшебники. Братство решило, что его время прошло, удалось покончить даже с засильем гигантских драконов. Многие из них погибли, а некоторых, подобно могущественному Бальтазару, заточили в глубоких пещерах. В той схватке Бринд Амор потерял свой жезл. Старый маг был настолько уверен в нерушимости мира и покоя, что даже не позаботился вернуть себе утрату.

Многие члены братства отошли от дел, одни из них обрели вечный покой. Другие, подобно Бринд Амору, удалились в глубокие пещеры и погрузили себя в магический транс. Все они... кроме Гринспэрроу. В те далекие дни он был всего лишь младшим членом братства, но лишь ему удалось найти способ продлить время чародеев.

Бринд Амор предпочел магический транс вечному покою, поскольку он опасался, что наступят дни, когда его мастерство вновь может понадобится миру. Поэтому, удалившись в пещеру, маг создал заклинание, которое должно было разбудить его, если вновь наступят темные дни. И заклинание сработало несколько лет тому назад. Чародей проснулся и обнаружил, что Гринспэрроу захватил трон Эйвона и вступил в нечестивый союз с демонами.

Бринд Амор продолжал сидеть, не зажигая света, размышляя о своих врагах, людях и бесах. Маг задавался вопросом, прав ли он был, направляя Лютиена и весь Эриадор на борьбу со столь могущественными врагами.

5. ШАГ ЗА ШАГОМ

— Здесь не так уж глубоко, — проворчал Шаглин, конец его роскошной бороды был измазан отвратительной жижей.

— А я не так уж высок, — немедленно огрызнулся Оливер, бросая снизу вверх взгляд на Лютиена, который молча подхватил недовольного хафлинга под мышку и пошел дальше по льду и грязи.

— Оливер де Берроуз прогуливается по сточным трубам! — воскликнул хафлинг. — Если бы я знал, что паду столь низко, связавшись с вашей компанией...

Его ворчание перешло в приглушенный стон, когда Лютиен неожиданно оступился, ударился о стену и выронил Оливера, который тут же вскочил на ноги и с воплями начал отряхивать свои голубые панталоны от вонючей жижи.

— Мы находимся прямо под купцами, — заметил Шаглин. — Вам не мешало бы держаться потише!

Оливер безнадежно посмотрел на Лютиена, однако он прекрасно понимал, что его друг скорее забавляется, нежели сочувствует. А еще он понимал, что все его беды — чистая мелочь рядом с тем, что им предстоит, и ворчал скорее по привычке. Прошла всего неделя с момента нападения на рудники Монфора, а освобожденные гномы уже успели показать, на что они способны. Бывшие узники починили целую гору старого оружия, сконструировали массу полезнейших механизмов, а теперь еще докопались до канализационных труб, проходящих под районом, где укрепились купцы со своими охранниками. Сейчас Лютиен, Оливер, Шаглин и три сотни его бородатых братьев пробирались сразу по нескольким параллельно идущим трубам, чтобы неожиданно появиться в самом центре твердыни противника.

И все же хафлингу не слишком нравился этот поход. Фонари в достаточной степени освещали узкий туннель, однако они ничего не могли поделать с пронизывающим холодом. Лед образовал толстый слой на стенках канализационной трубы и ее закругленном дне, но

над ним имелось еще достаточное количество сточных вод, и требовалось нечто большее, чем мороз, чтобы избавиться от отвратительной вони.

— Они забаррикадировали выходы, — объяснял Шаглин. — Но мы просочились в дюжине мест и прикончили четверых стражников.

— Никто вас не видел? — в десятый раз с момента начала операции обеспокоенно спрашивал Лютиен.

— Никто, — терпеливо отвечал Шаглин, также в десятый раз.

— Вот будет здорово прогуляться по сточной трубе только для того, чтобы попасть в объятия врагов, ожидающих нашего появления, — саркастически добавил Оливер.

Шаглин проигнорировал реплику хафлинга и молча продолжал идти вперед. Спустя несколько мгновений гном остановился и знаком приказал остальным сделать то же самое.

— Нас заметили, — мрачно предположил хафлинг.

Шаглин взял у другого гнома фонарь и поднял его вверх, освещая конец прохода. Он указал на перекресток и поднял вверх узловатый палец.

— Всеу свое время, — заметил гном, подавая остальным знак двигаться дальше.

Повстанцы вошли в небольшое помещение в боковой стене прохода. К стене была прислонена лестница — последнее изделие гномов, — ведущая к деревянному люку в дюжине футов над ними.

Лютиен сделал знак Оливеру. Было решено, что хафлинг, имеющий немалый опыт в подобных делах, вскрыет выход из канализационной трубы. Оливер тут же бросился к лестнице. Он был счастлив выбраться из вонючей клоаки, даже если бы наверху его ожидали все циклопы Монфора. Однако прежде чем хафлинг добрался до верха, крышка люка со скрипом откинулась. Оливер замер на месте, оставшиеся внизу повстанцы затаили дыхание.

— О нет! — простонал хафлинг, когда в отверстии показалась пара обнаженных ягодиц, по всей видимости, принадлежавших циклопу. Оливер уткнул лицо в ладони, отчаянно надеясь, что его широкополая шляпа сможет хоть чуть-чуть защитить от новой напасти.

— Пожалуйста, пристрелите его побыстрее, — взмолился несчастный хафлинг.

Бедняга вздохнул с облегчением, когда звякнула тетива лука Лютиена и мимо него просвистела стрела. Он поднял глаза и увидел, что стрела глубоко вонзилась в мясистый зад циклопа. Одноглазый взревел, завертелся на месте и весьма опрометчиво заглянул в отверстие, немедленно получив прямо в лицо стрелу от самого расторопного из гномов. Даже не успев вскрикнуть, стражник свалился мертвым на пол сортира.

Оливер поправил шляпу и наклонился к друзьям.

— Эй, — негромко заметил он. — Одноглазые выглядят с обоих концов абсолютно одинаково!

— Не болтай, а лезь, — сурово велел Лютиен. Хафлинг пожал плечами и мигом взлетел по лестнице, оказавшись в тесном сортире.

Царивший там аромат не сильно отличался от запахов сточной трубы. Еще один циклоп постучал в дверь.

— Бергус? — позвал он.

Оливер повернулся назад и прижал палец к сомкнутым губам, подавая знак друзьям задержаться. Затем он подкрался к двери. Хлипкое сооружение сотрясилось под ударами циклопа снаружи, а слабенький крючок грозил вот-вот прекратить сопротивление.

— Бергус? — вновь взревел одноглазый, демонстрируя явное нетерпение.

Дверь задрожала, когда циклоп с разбега ударился в нее плечом. Оливер бросил мимолетный взгляд на мертвого врага, выбирая подходящую позицию для предстоящей схватки.

— Ты в порядке? — слышался зов снаружи, и дверь вновь затряслась. Оливер отступил в сторону и выхватил из ножен рапиру.

Послышалось еще три громких удара в дверь.

— Бергус?

— Помоги мне, — провыл Оливер, пытаясь подражать низкому голосу циклопа, который оказался в затруднительном положении.

Произнося эти слова, хафлинг подцепил кончиком рапиры крючок и откинул его. Мгновение спустя циклоп вынес дверь, с размаху ударившись о нее плечом, а Оливер тут же уколол его рапирой под колено и поставил подножку.

Потерявший равновесие циклоп полетел через распростертое на полу тело своего товарища. Оливер метнулся за ним и чуть не сбросил противника в люк. Однако мускулистая рука стражника уцепилась за край люка, так что в дыру свесилась только верхняя половина тела. Оливер отскочил назад и приготовился к новой схватке, но тут вновь послышался звон тетивы, циклоп отчаянно дернулся и затих. Хафлинг метнулся к двери, осторожно выглянул наружу, желая убедиться, что никого вокруг нет, и вновь накинул крючок. Затем он подошел к мертвому циклопу и безглаголиво столкнул тело в дыру.

— Отличный выстрел, мой друг, — заметил он, увидев Лютиена, переступившего через тело поверженного врага и поднимавшегося по лестнице. — А ты обратил внимание, в какую часть тела, верхнюю или нижнюю, ты попал?

Лютиен опустил глаза, пытаясь скрыть невольную усмешку.

Во всех концах верхней части города повстанцы выбирались наружу из уличных и домашних туалетов. В предрассветном морозном воздухе все громче звучал шум схватки, разгоравшейся рядом с Собором.

— Точно по расписанию, — заметил Оливер.

Лютиен мрачно кивнул. Самое время. Пока все шло согласно плану. Глаза юноши привыкли к тусклому свету, и он видел суровые лица бородатых гномов. Многие годы несчастные провели в рудниках, находясь на положении рабов, страдая от тирании Гринспэрроу и его приспешников. Сейчас они неслышно, подобно теням скользили в полумраке. Юноша не сомневался, что оружие не дрогнет в руках бывших узников.

Юный Бедвир в сопровождении верного Оливера возглавил колонну повстанцев. Выстроившись в одну линию, они неслышно скользили в тени домов. Достигнув угла одного из зданий, отряд был вынужден остановиться, заслышав чьи-то шаги.

Из-за угла торопливо вышел циклоп. При виде повстанцев его единственный глаз расширился от изумления.

— Ну, это слишком легко, — заметил хафлинг, вонзая рапиру в грудь не ожидавшего нападения стражника. Секундой позже его череп раскололся под ударом «Ослепительного».

Лютиен уже собирался двинуться дальше, но тут из боковой улочки появился целый отряд циклопов и ринулся в бой. Однако и на этот раз схватка длилась недолго. Два отряда гномов под предводительством Шаглина взяли в клещи одноглазых и быстро овладели улицей.

Теперь бои кипели во всем районе. Поднявшееся солнце осветило своими лучами сражавшихся, прибавив сил отрядам повстанцев. Торопившиеся к Собору Лютиен и Оливер встретили на своем пути всего лишь пару циклопов и покончили с ними в считанные мгновения. У стены другой отряд гномов уже теснил отчаянно оборонявшихся стражников.

— Поглядывай по сторонам! — приказал юноша хафлингу. Сам он сорвал с плеча складной лук и быстро собрал его. Оливер прикрывал спину юного вождя, пока тот поражал своими стрелами одного противника за другим.

На стену полетели кошки, привязанные к тонким, но крепким шнурам. По эту сторону стены отряд гномов не давал циклопам ни секунды передышки. Толпы повстанцев прочесывали улицы верхнего района города, сметая кучки циклопов, пытавшихся оказать сопротивление. Тем временем все больше эльфов и людей преодолевали стену и присоединялись к схватке.

Лютиен заметил человека, рухнувшего под ударом одноглазого. Циклоп поднял меч, собираясь завершить начатое дело. Лютиен выхватил из колчана новую стрелу.

— Проклятье! — воскликнул юноша, понимая, что не успевает выстрелить вовремя.

Неожиданно стражник застыл на месте, выпустив из рук огромный меч. Лютиен не

понял, чем это вызвано, недолго раздумывая натянул тетиву и поспешно пустил стрелу.

Однако циклоп покачнулся и упал лицом вниз на камни мостовой еще до того, как юный Бедвир успел выстрелить. Из спины стражника торчали сразу две стрелы. Проследив взглядом траекторию их полета, юноша обнаружил знакомую стройную фигурку, появившуюся на гребне стены.

— Сиоба, — отметил Оливер, до сих пор прикрывавший спину юного вождя. Хафлинга явно обрадовало появление прекрасной лучницы.

Прежде чем Лютиен вспомнил о собственном луке, Сиоба успела выстрелить снова, и еще один циклоп рухнул замертво.

— Так ты собираешься принять участие в игре? — крикнул Оливер, устремляясь вперед. Лютиен огляделся вокруг. Схватка возле стены кипела в полную силу. Юноша закинул лук за спину, выхватил свой знаменитый меч и бросился следом за другом.

Оба они заметили Кэтрин, соскользнувшую со стены в самую гущу схватки, как раз между двумя циклопами.

Оливер застонал, но Лютиен слишком хорошо знал гордую воительницу из Хейла, чтобы всерьез испугаться за нее.

Кэтрин орудовала копьем с почти невероятной ловкостью, успешно отбиваясь от наседавших на нее одноглазых. Резким движением она вонзила свое оружие в брюхо одного из стражников, затем молниеносно высвободила его, отскочила в сторону и наотмашь хлестнула древком по лицу второго противника. Затем Кэтрин резко повернула копье и вонзила его наконечник в горло одноглазого. Вновь высвободив копье, она молниеносно отскочила назад и добила первого противника, придерживающего руками вывалившиеся из живота внутренности.

Лютиен, явно обрадованный, повернулся к приятелю.

— Два — два, — заметил он.

— Ты опаздываешь с подсчетами, — ответил хафлинг. Он указал приятелю на стену, где Сиоба как раз свалила своей смертоносной стрелой очередного циклопа.

— Один в ее пользу, — весело заметил Оливер; судя по всему, в этом состязании их симпатии разделились.

— А вот и нет! — откликнулся Лютиен. Оливер повернулся и увидел Кэтрин, несущуюся вперед. Девушка пригнулась и метнула копье, поразив очередного циклопа в затылок, так что тот как подкошенный рухнул на камни мостовой.

— Похоже, что они стоят друг друга, — подмигнул Оливер, и Лютиену показалось, что приятель имеет в виду нечто большее, чем схватка с циклопами.

Лютиену не понравился этот намек, что не осталось незамеченным.

— Так ты собираешься принять участие в игре? — крикнул хафлинг и бросился вперед, высоко держа рапиру.

Лютиен откинул в сторону все мысли о прекрасных девушках. Сейчас было некогда предаваться раздумьям. Он догнал Оливера, и они вместе ринулись в бой.

Дома купцов в то знаменательное утро в Монфоре захватывали дюжинами, десятки рабов получили свободу, и большая их часть с восторгом присоединилась к восставшим. Циклопов убивали сотнями.

Однако большинство купцов оставляли в живых, за исключением тех, кто отказывался сдаться и отчаянно сопротивлялся повстанцам. Лютиен приказал своим воинам давать возможность побежденным купцам сдаться. Юноша до сих пор не очень уверенно чувствовал себя в роли вождя, однако здесь он действовал без колебаний, поскольку верил в правосудие. Он знал, что далеко не все купцы Монфора были жестокими людьми и что многие, даже добившись процветания во времена Гринспэрроу, не поддерживали незаконных указов короля-чародея.

Финальная битва за Монфор оказалась долгой и жестокой, но, в конце концов, сопротивление преторианской гвардии и прочих стражников-циклопов удалось сломить, и покорение города завершилось.

Оставался лишь Собор. Повстанцы воздерживались от атак на него до тех пор, пока весь город не оказался у них в руках, так как это здание было слишком трудно захватить. Все пять дверей, включая потайную, прорубленную в восточной стене, а также пролом в той же самой стене забаррикадировали и прекрасно охраняли. Все эти двери теперь могли выдержать удары любого, самого мощного тарана.

Но теперь Собор являлся единственным зданием, остававшимся оплотом верных королю Эйвона войск. А с момента захвата рудников запертым там циклопам неоткуда было ждать помощи.

После обхода покоренных купеческих кварталов Лютиен с Оливером вернулись к Собору. Юноша надеялся отыскать виконта Обри, но не нашел даже следа своего смертельного врага. Впрочем, его это не особенно удивило: такой хитрый лис, как Обри, имел про запас множество уловок, позволявших спасти свою жизнь. Лютиен считал, что знает, где можно его найти.

Оба приятеля присоединились к основной массе своих сторонников, собравшихся на площадке вокруг Собора. Повстанцы осыпали одноглазых, изредка мелькавших в окнах или на малых башенках, градом насмешек, а иногда и стрел, не достигавших, Впрочем, цели.

— Мы можем проникнуть туда! — закричал Шаглин, подбегая и хватая вождя за руку.

— Им некуда скрыться, — успокоил его Лютиен. — Сражение окончено.

— Их там должно быть около пяти сотен, — с сомнением заметила Кэтрин О'Хейл, присоединяясь к собеседникам.

— Еще одна причина оставаться снаружи и ждать, — поспешно ответил Лютиен. — Мы не можем зря терять людей.

Друзья пошли вокруг Собора, помогая раненым и наводя порядок. Сейчас, когда циклопы не представляли больше опасности, немедленно возникло множество новых проблем. Многие жители Монфора, раньше довольствовавшиеся ничтожной малостью, теперь не могли удержаться от грабежей, и не один купеческий дом запылал в то утро, подожженный разъяренными повстанцами. Случались стычки между гномами и людьми, они отвыкли жить бок о бок с тех пор, как герцог Моркней отправил большую часть гномов в рудники. К тому же необходимо было решить судьбу пленных купцов.

Ранним вечером Лютиен наконец встретил Сиобу. Девушка решительно заступила ему дорогу.

— Идем со мной, — потребовала она, и Лютиен уловил нетерпение в ее голосе.

С противоположной стороны двора за ними наблюдали Кэтрин с Оливером.

— У них деловой разговор, и не более того, — поспешно заметил Оливер.

Кэтрин бросила на хафлинга взгляд, полный боли и раздражения.

— А с чего ты взял, что меня это волнует, — огрызнулась девушка и ушла прочь.

Оливер покачал головой, восхищаясь в этот момент Лютиеном более чем когда-либо еще.

— Сейчас наступает самое опасное время, — произнесла Сиоба, увлекая юношу в сторону от толпы. Она заговорила о грабежах и недовольном ропоте среди повстанцев.

Лютиен не понимал хода мысли девушки, но он замечал происходящее вокруг и не мог отрицать, что ее страхи вполне обоснованы. Этот миг должен был стать моментом их торжества, и он, безусловно, стал таковым, но торжество и смятение неожиданно тесно переплелись. С окончанием битвы толпа повстанцев утратила единую цель.

— Стычки будут продолжаться, возможно, еще несколько недель, — сказала Сиоба.

— Вся наша сила в единстве, — ответил Лютиен, начиная понимать ее мысль. Их цель достигнута, а Собор продержится только до тех пор, пока у циклопов есть еда. Одноглазые пойдут на прорыв, и лучники повстанцев перебьют их еще до начала рукопашной схватки.

Итак, Монфор взят, но что это значит? Во время подготовки к штурму Лютиен и его соратники ясно представляли себе, что им предстоит сделать, но они ни разу не задумались, что же последует за этим.

Юный Бедвир посмотрел на запад, в сторону купеческого района, и клубы черного

дыма над подожженными домами развеяли сомнения в том, что действовать необходимо быстро. Наступало действительно опасное время. Да, они освободили город, но их подвиг потеряет всякий смысл, если в Монфоре воцарится анархия.

Лютиен внимательно осмотрел себя, наконец, обратив внимание на грязь, покрывавшую его одежду еще со времени прогулки по канализационной трубе, и на кровь врагов и друзей. Однако волшебный алый плащ остался прежним, словно его магия отталкивала любую грязь.

— Я должен помыться, — обратился юноша к Сиобе.

Девушка кивнула.

— Ванну и чистую одежду уже должны были приготовить.

Лютиену хотелось бы подготовиться к выступлению получше, но время поджимало, ликующие повстанцы становились совершенно неуправляемыми.

Менее часа спустя, потратив еще меньше времени на то, чтобы привести себя в порядок, он вышел на середину главной площади перед Собором. Голова юноши закружилась от множества устремленных на него взглядов: люди, гномы, каттеры и эльфы — все они хотели услышать, что скажет Алая Тень, узнать свою дальнейшую судьбу, словно устами Лютиена вещал сам Господь Бог.

Юноша старался не смотреть на лица своих соратников, в их глаза, полные ожидания. Он не чувствовал себя уверенно в роли вождя и не понимал, как на него свалилась такая ответственность. Нужно было попросить Оливера произнести речь, уж тот-то не растерялся бы в подобной ситуации.

Или Сиобу. Лютиен взглянул на девушку, направляясь к виселицам, которые сооружались для купцов и циклопов, признанных заслуживающими подобного конца. Может, удастся уговорить Сиобу выступить.

Вздыхнув, Лютиен отказался от этой мысли. В конце концов, Сиоба была наполовину эльфийкой и гораздо больше походила на волшебнорожденных, чем на людей. А среди десятка тысяч повстанцев, собравшихся на площади и на подступах к ней, подавляющее большинство составляли чистокровные люди.

Юноша поднялся по ступенькам помоста и остановился рядом с Сиобой. Ему стало чуть-чуть легче при взгляде на лица ближайших соратников — Оливера, Кэтрин, Шаглина, стоявших в первом ряду. Они верили в него.

— Не забудь об истинном имени города, — шепнула Сиоба на ухо юноше, отступая к краю платформы.

Лютиен, Алая Тень, остался в полном одиночестве.

Он еще раньше приготовил короткую речь, но сейчас не мог вспомнить ни слова из нее. Юноша видел циклопов, приникших к окнам Собора. Они глядели на вождя повстанцев с таким же ожиданием, как и воины, собравшиеся на площади. Лютиен осознал, что их судьба, как и судьба всего Эриадора, решается в этот момент.

Нельзя сказать, чтобы эта мысль успокоила юного вождя.

Он взглянул на друзей, стоявших ниже. Оливер теребил свою чудовищную шляпу. Кэтрин подмигнула Лютиену и решительно кивнула. И только Шаглин стоял абсолютно неподвижно, скрестив узловатые руки на широкой груди, и его лицо, обрамленное густой бородой, выглядело почти безразличным. И как ни странно, именно Шаглин помог Лютиену собраться с мыслями и найти недостающие слова. Ведь это его народ так страдал в рабстве под пятой герцога-тирана. Несгибаемый гном, не желавший и слышать о прекращении борьбы, пока дело не будет сделано.

Пока дело не будет сделано!

Карие глаза Лютиена сверкнули. Он больше не пытался вспомнить слова своей заранее подготовленной речи. Ему оставалось только разобраться в собственных чувствах.

— Друзья мои! — крикнул Лютиен. — Мои соратники! Я вижу перед собой не завоеванный город.

Долгую паузу после этих слов не нарушил шепот ни одного из собравшихся.

— Но город освобожденный! — продолжил юный вождь, и ответом ему стали дружные возгласы одобрения.

Ожидая, пока толпа успокоится, юноша посмотрел на Сиобу, которая, похоже, совсем не волновалась.

— Мы вернули себе лишь малую часть своего законного наследства, — продолжил юный Бедвир, постепенно входя в роль народного трибуна. Он поднял руку с чуть-чуть раздвинутыми большим и указательным пальцами и повторил:

— Лишь малую часть!

— Монфор! — выкрикнул кто-то.

— Нет! — откликнулся Лютиен, прежде чем толпа успела подхватить этот крик.

— Нет! — повторил он. — Монфор?! — это просто место на карте, на карте, висящей во дворце короля Гринспэрроу.

Ненавистное имя вызвало недовольный ропот в рядах слушателей.

— Это место вполне можно завоевать, а потом сжечь дотла, — Лютиен указал на густые клубы дыма, все еще поднимавшиеся над сожженными домами.

— Какой смысл в захвате Монфора?! — выкрикнул он, перекрывая смущенный ропот в рядах своих соратников. — Какой смысл завладеть домами, утварью, если Гринспэрроу в любой момент может отобрать их у нас? Никакого, говорю я вам, — продолжил юноша чуть тише. — Получив Монфор, мы не добились ничего!

Толпа зашевелилась. Люди перешептывались и пожимали плечами, а Лютиен молчал, все больше повергая их в недоумение.

— Но это был не Монфор! — выкрикнул он наконец. Перешептывание стихло, но любопытство в глазах собравшихся людей только еще больше разгорелось. — Здесь не было ничего, что король Гринспэрроу — нет, просто Гринспэрроу, потому что я не признаю его своим королем, — может отобрать у нас. Говорю вам, это был не Монфор. Не место, которое можно завоевать и сжечь. Мы вернули себе Кэр Макдональд!

Площадь взорвалась криками. Люди выкрикивали приветствия своему вождю и древнему городу Кэр Макдональду. Лютиен бросил взгляд на сияющее лицо Сиобы. «Не забудь про древнее имя города», — шепнула она ему, и теперь, когда эти слова были произнесены, на ее лице появилась спокойная уверенность. Нет, больше чем уверенность, внезапно осознал Лютиен. Сиоба словно скинула со своих плеч какой-то груз.

Полуэльфийка, рабыня богатого купца, давно уже тайно боровшаяся против господ, первойшая помощница Лютиена, она наконец почувствовала себя свободной.

— Кэр Макдональд! — выкрикнул Лютиен, когда народ на площади чуть-чуть успокоился. — Но что это значит? Брюс Макдональд, победитель циклопов, за что он сражался?

— За свободу! — послышался возглас совсем рядом с помостом, и Лютиен узнал голос Кэтрин О'Хейл.

Крик был подхвачен в каждом углу площади, проник за разделительную стену города и пронесся по самым отдаленным улочкам. Он достиг ушей тех, кто еще занимался грабежами и поджогами купеческих домов, и люди эти устыдились.

— Мы отвоевали не место, но символ, — объяснил Лютиен. — Мы отвоевали то, чем мы были и чем должны стать вновь. Овладев Кэр Макдональдом, мы обрели отвагу нашего величайшего героя древности, но это не более чем крохотный огонек свечи в кромешном мраке. Вновь водрузив над Собором знамя Кэр Макдональда... — он помедлил, давая время собравшимся окинуть взглядом величественное здание, в окнах которого маячили еле различимые фигуры врагов.

— А мы это сделаем! — пообещал Лютиен и еще немного помедлил, пока не затихли взволнованные возгласы в толпе.

— Мы примем на себя ответственность, — продолжил он. — Мы разожгли огонь, а теперь мы должны раздуть это пламя в пожар, который охватит весь Эриадор. Порт-Чарлей, острова Бедвидрин, Марвис, Кейрит, Бронеган в центре страны и Рролуин на крайнем севере,

Чамберс и поля Эрадоха — все они вспыхнут, и спадет с нас иго Гринспэрроу, и не будут больше Айрон Кросс и Мальпьюсантова стена разделять нашу землю. Эриадор снова станет свободным!

Лютиен подумал, что вряд ли смог бы придумать лучшее завершение своей речи. Юноша чувствовал себя абсолютно измученным, но в то же время воодушевленным. Его охватила такая усталость, словно он сражался в одиночку с сотней циклопов, и такое счастье, словно он победил в этой битве.

Речь вождя снова сплотила повстанцев, их охватило чувство полного единения. И Лютиен, и Сиоба поняли, что опасность отступила, хотя бы на время.

Пусть приходят армии Гринспэрроу на Эриадор, но если Лютиен и его друзья сохраняют верность высокой цели, никто их не победит.

Какую бы территорию ни захватил Гринспэрроу, сколько бы жизней ни погубили его войска, все равно он будет разгромлен.

Воодушевление, охватившее собравшихся, не угасло, они были готовы слушать своего вождя весь день и всю ночь, но тут откуда-то сверху раздался громкий насмешливый голос.

— Вы все глупцы! — кричал человек, стоявший на верхушке главной башни Собора, и, даже несмотря на разделявшие их четыре сотни футов, Лютиен не сомневался, что это виконт Обри. — Чего вы добились, захватив этот крохотный клочок земли? Что вы получили, кроме минутного ликования и скорого и страшного возмездия, которое непременно обрушится на ваши головы?

Радость повстанцев заметно увяла.

Лютиен молча изучал этого человека, своего смертельного врага. Невзирая на все случившееся, Обри выглядел все таким же самоуверенным, тщательно одетым и припудренным. Воплощенное величие и сила.

Показная сила. Закаленный в боях Бедвир напомнил себе, что, хотя виконт и носил оружие и знаки отличия воина, он куда больше преуспел в искусстве избегать сражения, чем сражаться.

Лютиен ненавидел его, ненавидел все, чему служил и поклонялся этот человек, но он не мог отрицать его влияния на эту толпу простых и бесхитростных людей.

— Вы думаете, что сможете победить? — презрительно процедил Обри, насмешливо фыркая. — Вы думаете, что король Гринспэрроу, завоевавший столько стран и ведущий сейчас войну на юге Гаскони, король, правивший уже двадцать лет, хоть чуть-чуть обеспокоится? Глупцы! Никакие снега и морозы не смогут вас защитить!

Наслаждайтесь победой, но знайте, что это вещь мимолетная и каждый из вас заплатит за свою наглость душой и телом!

Оливер окликнул Лютиена, привлекая к себе его внимание:

— Скажи им, что они поступили глупо, забыв запереть канализационные люки.

Лютиен понял идею Оливера, но сомневался, что она поможет исправить дело. Обри владел мощным и грозным оружием — вполне реальным страхом повстанцев, что они начали дело, которого не смогут закончить. Монфор — Кэр Макдональд — был свободен, но по-другому обстояло дело со всеми остальными землями, а силы, которые они разгромили в этом городе, являлись всего лишь малой частью той мощи, которую Гринспэрроу мог обрушить на повстанцев.

Все они знали это, и это придавало уверенности Обри, стоявшему на вершине огромной башни в полной недостижимости.

Лютиен все еще молчал, и вместо него ответил Оливер.

— Ты так смело говоришь, — прокричал хафлинг, — и так глупо сражаешься!

В толпе повстанцев раздалось несколько неуверенных смешков, но это не смутило виконта.

— Они даже не закрыли люки, — громко пояснил Оливер. — Если король будет сражаться столь же мудро, осенью мы устроим торжественный обед в Эйвонском дворце!

Это вызвало наконец взрыв смеха среди повстанцев, которого добивался Оливер, но

Обри просто проигнорировал их.

— Этот король завоевал весь Эриадор, — напомнил он собравшимся.

Так не может дальше продолжаться, — понял Лютиен. Они ничего не добьются, переругиваясь с Обри. Его мрачное пророчество было куда убедительнее всех насмешек Оливера. Повстанцы с каждой секундой все больше сомневаются в достижимости поставленной цели.

— Заканчивай свою речь, — сказала неслышно подошедшая Сиоба, доставая из колчана странную стрелу. Эта стрела сильно отличалась от обычных — ее древко было ярко-красного цвета, а оперение сделано из какого-то неизвестного материала. Девушка обнаружила ее утром, и стрела сразу же каким-то образом сообщила о своем назначении. По причинам, которых Сиоба сама не могла понять, голос, прозвучавший у нее в мозгу, показался знакомым.

Благодаря эльфийской крови Сиоба была знакома с проделками волшебников, поэтому ее не удивило появление стрелы и переданное послание. Однако девушка по-прежнему относилась с подозрением к неожиданному подарку. В конце концов, ни один из известных ей волшебников не мог с симпатией относиться к повстанцам.

Однако Сиоба оставила у себя стрелу, и теперь, наблюдая сложившуюся ситуацию, точно соответствующую тому, о чем говорил незримый голос, она полностью поверила неизвестному волшебнику. Его имя прозвучало в голове девушки, имя странное и совершенно незнакомое.

Лютиен осмотрел стрелу. Ее древко было ярко-красным, а оперение — светло-желтым, и в ней ощущалась странная внутренняя дрожь. Юноша взглянул на Сиобу, не отрывавшую глаз от виконта, увидел гнев на ее лице и понял, чего она ждет.

Лютиен внезапно осознал, какое огромное влияние оказывает эта эльфийская девушка и на него, и на происходящие события. Сиоба сражалась против купцов и циклопов, против правления Гринспэрроу гораздо дольше, чем он сам. Вместе с каттерами она создавала подпольную сеть, ставшую потом костяком Лютиеновой армии. Девушка признала его как Алую Тень и направляла во всех его действиях. Именно она рассказала ему, что схватили гнома Шаглина, который помог Лютиену с Оливером ускользнуть от погони. И именно она направила его в Собор, а затем и в шахту выручать гнома, а затем, в самый опасный момент, ее каттеры пришли им на помощь.

И только из-за Сиобы Лютиен появился в Соборе в тот памятный день, когда был убит Моргней, и она последовала за ним на верхушку башни и немало ему помогла.

Сейчас полуэльфийка вручила Лютиену стрелу, которая, он был в этом уверен, непременно найдет свою цель. Сиоба заставила его произнести речь, она же велела ее закончить. Но ведь за плечами прекрасной воительницы висит гораздо более мощный лук, чем у самого Лютиена, да и стреляет она куда лучше.

Это казалось странным, но внезапно Лютиен понял, что дело совсем не в жизни этого дурацкого виконта. Сиоба развивала легенду об Алой Тени. Если этот выстрел достигнет цели, Лютиен окончательно превратится в непобедимого героя битвы за Кэр Макдональд.

Юноша начал понимать, какую огромную роль Сиоба играла во всем происходящем, а заодно осознал и свою собственную, и это его тревожило.

Однако сейчас было некогда выяснять отношения. Лютиен обернулся на толпу и прислушался к перепалке между виконтом и Оливером.

Хафлингу не раз удавалось своими остротами вызвать смех окружающих, но он так и не смог придумать действенного способа развеять страх, вызванный угрозами Обри. Дух повстанцев теперь могла укрепить лишь демонстрация силы.

Лютиен собрал свой лук, подарок Бринд Амора, и наложил необычную стрелу. Он тщательно прицелился и до отказа натянул тетиву.

Впрочем, на что он рассчитывал? Четыреста футов — большое расстояние для стрельбы из лука. Какое нужно делать превышение? А как учесть ветер?

А что, если он промахнется?

— Целься в сердце, — почувствовав его сомнения, прошептала Сиоба. И повторила резким, уверенным тоном. — Прямо в сердце.

Лютиен взглянул на своего врага.

— Обри! — крикнул он, привлекая внимание друзей и врагов. — Кэр Макдональд — это не то место, где приспешники Гринспэрроу могут безнаказанно запугивать и оскорблять людей!

— Мне не страшны твои угрозы, безмозглый сын Гахриза Бедвира! — откликнулся Обри, и Лютиен понял, что верному стороннику Гринспэрроу прекрасно известно его подлинное имя.

На мгновение юношу охватили смешанные чувства, он не понимал, нужно ли убивать этого человека, не понимал, как он сам превратился из Лютиена Бедвира в Алую Тень.

— Я говорю правду! — вновь закричал виконт, обращаясь ко всем собравшимся. — Вы не можете победить, но еще можете выторговать свои жалкие жизни.

Лютиен больше не колебался. Он вспомнил, как этот человек прибыл на остров Бедвидрин вместе с жестокой Авонезой. Именно Обри привез с собой женщину, которая потребовала смерти его лучшего друга, Гарта Рогара, во время выступления на арене. Сразу после этого жизнь наивного юноши столь резко изменилась. А сейчас именно Обри, пешка самозванного короля, не признающего законов, стоит на вершине башни, издеваясь над гордым народом Эриадора.

— Кончай разговоры, — резко потребовала Сиоба, и Лютиен отпустил тетиву.

Стрела понеслась вверх, а виконт лишь небрежно от нее отмахнулся, словно от докучливой мухи.

На полпути к верхушке башни стрела, казалось, заколебалась в воздухе, ее полет замедлился. Заметив это, Обри громко расхохотался и повернулся к стоявшим за его спиной циклопам, чтобы поделиться с ними своим весельем.

Чары Бринд Амора на лету подхватили стрелу.

Обри увидел, как она набирает скорость, устремляясь к намеченной Лютиеном цели.

Глаза виконта расширились от ужаса, он беспомощно выставил перед собой руки.

Стрела ударила его в грудь подобно сверкнувшей молнии и отбросила на несколько шагов назад. Он почувствовал, как грудная клетка треснула от страшного удара, а в сердце будто что-то взорвалось. Собрав последние силы, виконт доковылял до парапета и взглянул на стоявшего рядом с виселицей Лютиена.

Палач.

Обри попытался отринуть неизбежное, отринуть саму возможность подобного выстрела. Слишком поздно: он уже был мертв.

Его тело повисло на кирпичных зубцах.

Все глаза устремились на Лютиена. Никто в толпе не произнес ни слова, слишком сильно поразил всех невероятный выстрел. Молчали даже Оливер и Кэтрин.

— Кэр Макдональд — это не то место, где приспешники Гринспэрроу могут безнаказанно запугивать и оскорблять людей, — повторил Лютиен.

Тишина взорвалась криками. Десять тысяч людей закричали, опьяненные победой, и десять тысяч сжатых кулаков взметнулись в воздух в едином порыве.

Вождь закончил свою речь.

6. УТРО БРИНД АМОРА

— Мы можем обрушить его им на головы, — предложил Шаглин. Гном продолжал изучать пергамент, разложенный на столе, постоянно теребя свою иссиня-черную бороду.

— Обрушить его? — переспросил Оливер, ужаснувшись не менее Лютиена.

— Обрушить здание. — Казалось, гном говорит о какой-то мелочи. — Когда все камни полетят вниз, всех этих проклятых одноглазых расплющит в лепешку.

— Но это же церковь! — заорал Оливер. — Собор!

Шаглин словно не понимал возмущения собеседника.

— Только Бог может разрушить Собор, — настаивал хафлинг.

— Ну, тут я могу поспорить, — саркастически пробормотал Шаглин. Постройка была необыкновенно прочной, но гном не сомневался, что, если вынуть несколько ключевых камней, они справятся с задачей.

— А если бы Господь намеревался разрушить Собор, он бы сделал это во время незаконного правления Моркнея, — добавил Лютиен, и его неожиданное вмешательство в разговор отвлекло Шаглина от мечтаний.

— А мы, значит, лучше всех? — раздался голос от двери, и все трое, обернувшись, увидели Кэтрин, входящую в квартиру Лютиена и Оливера в Крошечном Алькове. Это помещение все еще служило штабом повстанцев, хотя к их услугам были прекрасные особняки и собственный дворец герцога Моркнея. Однако Лютиен решил остаться в одном из беднейших районов города, поскольку считал, что это поднимет дух простого народа. Уж если он стал их вождем, следует и жить вместе с ними.

Лютиен внимательно посмотрел на Кэтрин, неспешно шедшую через комнату. Помещение находилось ниже уровня земли, в него вела узкая лестница с улицы. Честно говоря, Крошечный Альков скорее можно было назвать коридором между домами. Юноша мог видеть потертые ступеньки позади девушки и охранников, выставленных Сиобой. Сейчас они, расслабившись, отдыхали возле стены, радуясь теплоту дню.

Лютиен видел только Кэтрин. Только ее. Она могла еще иронизировать! С того дня, как произошел инцидент в «Гнэльфе», от девушки так и веяло холодом. Она редко встречалась взглядами с Лютиеном, казалось, что она смотрит сквозь него.

— Разумеется! — раздраженно воскликнул Оливер. — Мы же победили.

— Ну не лучше всех, — поправил юный Бедвир, и его голос звучал резче, чем хотелось бы юноше. — Но я не сомневаюсь, что Моркней олицетворял зло так же, как сейчас его олицетворяет Гринспэрроу. Мы не лучше всех, но мы боремся за правое дело. Я не...

На лице девушки появилась кислая гримаса, и она вскинула руку, прерывая его тираду.

Лютиен поморщился. Поведение девушки начинало его раздражать.

— Что бы вы ни решили с Собором, нужно делать это скорее, — неожиданно жестко сказала Кэтрин. — Мы получили известия, что флот отчалил от западного побережья, южнее Айрон Кросса.

— И отправляется на север, — предположил Оливер.

— Ходят такие слухи, — ответила Кэтрин.

Лютиен не удивился. Он уже давно ожидал появления Гринспэрроу с его армией. Но хотя юноша понимал, что война не закончена, что король-чародей обязательно придет, это сообщение явилось для него тяжелым ударом. Кэр Макдональд все еще не был достаточно защищен, и перед юным вождем стояло множество других задач, гораздо более серьезных, чем те, с которыми ему приходилось сталкиваться раньше. Под его началом находились тысячи людей, и все они ожидали от него решения возникавших проблем.

— Предсказатели погоды уверены, что тепло сохранится, — сказала Кэтрин, и, хотя эти слова прозвучали как хорошая новость для уставших от зимы собеседников, ее тон не был радостным.

— На дорогах из Порт-Чарлея еще много недель сохранится непролазная грязь, — заметил Лютиен, считая, что понял причину беспокойства девушки. Снег уже не такой глубокий, но путешествовать ранней весной не намного легче, чем в морозы.

Кэтрин покачала головой. Сейчас она думала совсем о другом.

— Мы должны немедленно похоронить мертвецов, — сказала девушка. — Тысячи мертвецов, людей и циклопов.

— О циклопах позаботятся собаки, — буркнул Шаглин.

— Они уже воняют, ответила Кэтрин. И от них зараза, они могут вызвать болезни. — Впервые за долгое время девушка прямо взглянула в глаза Лютиену. — Ты должен заняться этим.

Она продолжала говорить, но Лютиен откинулся на спинку стула, стоявшего возле небольшого столика, и перестал следить за разговором. Он должен заняться тем. Он должен заняться этим. Сколько раз в течение одного часа он слышал эти слова. Оливер, Сиоба, Кэтрин, Шаглин — все они были неутомимыми и расторопными помощниками, но бремя последнего решения всегда ложилось на плечи Лютиена.

— Ну так что? — раздраженно спросила Кэтрин, возвращая его мысли к текущему разговору. Лютиен растерянно уставился на девушку.

— Если мы не сделаем этого сейчас, потом можем и не успеть, — кивнул Оливер, соглашаясь с Кэтрин. Лютиен понятия не имел, о чем говорят его друзья.

— Мы верим, что они нам сочувствуют, — добавила Кэтрин; судя по ее тону, она говорила об этом минуту назад.

— Так что ты предлагаешь? — наугад спросил юный Бедвир.

Кэтрин умолкла и взглянула на юношу, догадываясь, что он потерял нить разговора.

— Пусть Тасман соберет группу и отправится к ним, — сказала девушка. — Он знает фермеров лучше, чем кто-либо другой. Уж если кто и способен обеспечить Кэр Макдональд провизией, то это безусловно Тасман.

Лютиен облегченно вздохнул, радуясь, что понял, о чем говорили, и что хоть какое-то решение принял кто-то другой.

— Займись этим, — сказал он Кэтрин. Девушка смотрела на него с каким-то странным выражением. Она, казалось, изучала его, и...

И что? Лютиен не знал. В этих глазах, которые он знал так хорошо, было что-то еще. Боль? Гнев? Юноша подозревал, что отношения, продолжавшиеся между ним и Сиобой, больно задевают Кэтрин, хотя она демонстрировала полное безразличие.

Рыжеволосая красавица развернулась и покинула комнату, поднявшись по лестнице и пройдя мимо эльфийской охраны.

Разумеется, гордая Кэтрин О'Хейл не будет выставлять напоказ свою боль, понял Лютиен. Уж во всяком случае, не по столь мелкому поводу, как любовь.

— Мы вряд ли найдем добровольцев, чтобы похоронить циклопов, — заметил Оливер спустя мгновение.

— Этим займусь я со своими родичами, — фыркнул Шаглин. — Мы получим массу удовольствия, заваливая одноглазых грязью.

— Еще большее удовольствие вы получили бы, будь они живы, — ухмыльнулся Оливер.

— Все-таки подумайте насчет разрушения здания, — сказал гном, направляясь к выходу, эта идея явно его вдохновляла. — Если мы это сделаем, циклопы внутри получат отличную могилу, избавив нас от лишних хлопот.

Шаглин остановился у самой двери и обернулся, внезапно просяив.

— Если бы сделать так, что одноглазые скоты забрали бы своих покойников внутрь...

Лютиен нетерпеливо махнул ему рукой, и гном, пожав плечами, удалился.

— Так что же все-таки делать с Собором? — поинтересовался Оливер, прикрыв дверь.

— Мы раздаем людям оружие, — ответил Лютиен. — И проводим дополнительные учения для освобожденных рабов и остальных жителей города. Соплеменники Шаглина придумали несколько приспособлений для обороны Кэр Макдональда, и я собираюсь встретиться с ними, чтобы согласовать планы. Сейчас нам нужно похоронить павших и раздобыть пищу. Необходимо договориться с соседними деревнями о совместных действиях. Потом остается проблема Порт-Чарлея и флота, который, предположительно, придет с юга побережья. Ну и конечно, избавиться от циклопов.

— Ясенько, — сухо сказал Оливер.

— И Собор, — раздраженно продолжил Лютиен. — Я понимаю, насколько важно для нас освободить здание до прихода армии Гринспэрроу. Мы сможем сами использовать его в качестве последней твердыни.

— Давай лучше надеяться, что солдаты Эйвона не пройдут так далеко вглубь города, —

предложил Оливер.

— Их шансы значительно возрастут, если нам придется держать четверть наших бойцов вокруг Собора, — ответил Лютиен. — Я знаю это и понимаю, что должен придумать какой-нибудь план для освобождения здания.

— Но... — продолжил за него Оливер.

— Слишком много дел, — сказал юноша. Он поднял глаза на хафлинга, словно надеясь найти поддержку. — Я кто, военачальник или мэр этого города?

— А кем ты предпочитаешь быть? — поинтересовался Оливер, но он уже знал ответ: Лютиен хотел сражаться с Гринспэрроу при помощи оружия, а не указов.

— Что лучше для Эриадора? — переспросил юноша.

Оливер фыркнул. Хафлинг не сомневался в ответе. Он видел Лютиена, ведущего за собой воинов, видел восхищенные лица тех, кто сражался бок о бок с юным Бедвиром, кто с благоговейным трепетом следил за каждым движением вождя.

Раздался стук в дверь, и появилась Сиоба. Ей хватило всего одного взгляда на дружную парочку, чтобы убедиться в важности их разговора. Девушка извинилась перед своими спутниками, взмахом руки отослала их обратно на улицу и прикрыла дверь. Затем Сиоба подошла к столу и молча присела. В этом не было ничего необычного, полуэльфийка давно уже принимала участие в большинстве разговоров Лютиена и Оливера.

— Не думаю, что Алая Тень останется легендарной фигурой, став мэром города, — ответил хафлинг юноше.

— Кто тогда? — поинтересовался Лютиен.

Неожиданно ответ дал не Оливер, а Сиоба, которая уже разобралась в сути проблемы.

— Бринд Амор, — четко произнесла она.

Как только друзья осознали, какое имя произнесла их боевая подруга, они чуть не упали от удивления. Уж Лютиен точно бы упал, не сиди он в кресле.

— Откуда ты знаешь это имя? — спросил Оливер, первым обретя голос.

Девушка загадочно улыбнулась.

Оливер взглянул на Лютиена, но тот только пожал плечами, он никогда не упоминал о волшебнике во время разговоров с кем-либо в городе.

— Ты знаешь Бринд Амора? — спросил Лютиен. — Ты знаешь, кто он и где он?

— Я знаю о волшебнике, который все еще живет где-то на севере, — ответила Сиоба. — Я знаю, что именно он подарил Лютиену алый плащ и лук.

— Как ты узнала?! — поразился Оливер.

— Именно он передал мне стрелу, которой ты убил виконта Обри, — продолжала Сиоба, и это послужило достаточным объяснением.

— Значит, ты говорила с ним? — предположил Лютиен.

Полуэльфийка покачала головой.

— Он... — девушка помедлила, пытаясь подобрать подходящие слова. — Он наблюдал за мной, — вымолвила она наконец. — И моими глазами.

Сиоба заметила удивление и надежду, появившиеся на лицах своих товарищей.

— Да, Бринд Амор знает обо всем, что происходит в Монфоре.

— В Кэр Макдональде, — поправил Лютиен.

— В Кэр Макдональде, — согласилась Сиоба.

— Но придет ли он? — усомнился Оливер, которому очень понравился этот вариант. Кто лучше старого волшебника позаботится о нуждах города?

Этого Сиоба не знала. Она словно ощущала подле себя присутствие чародея и опасалась этого присутствия, считая, что это Гринспэрроу наблюдает за действиями повстанцев. Затем Бринд Амор явился ей во сне и объяснил, кто он такой. Но это был ее единственный контакт со старым магом, и даже он был каким-то туманным, похожим на сон.

Однако, обнаружив в своем колчане необычную стрелу, а затем услышав разговор Оливера с Лютиеном, она, разумеется, убедилась, что все эти странные вещи происходили отнюдь не во сне.

— Ты знаешь, где он? — спросил ее Лютиен.

— Нет.

— Ты знаешь, как можно поговорить с ним?

— Нет.

Лютиен в растерянности уставился на Оливера.

— Но это замечательный вариант, — произнес хафлинг те самые слова, которые юноша хотел услышать.

Лютиен знал, что пещера волшебника находилась где-то в северных отрогах Айрон Кросса, к северо-востоку от Кэр Макдональда, на южной стороне Просеки Брюса Макдональда. Юный Бедвир был там лишь однажды, вместе с Оливером, но, к несчастью, в той ситуации никто из них ничего толком не видел. Волшебный туннель, который привел их в пещеру, унес друзей прямо с дороги, выдернув из-под носа у своры разъяренных циклопов. Парочка совершила путь при помощи волшебства, и таким же образом Бринд Амор отправил их на дорогу, ведущую в Монфор.

Исходя из того, где подхватил их волшебник и где он их выпустил, Лютиен мог примерно определить, где находится его пещера. К тому же юноша знал, что Бринд Амор умеет видеть и слышать сквозь каменные стены.

Уже через час Лютиен отправил из города дюжину гонцов, велев им ехать к северным отрогам Айрон Кросса и там разделиться. Затем каждый из них должен был выбрать подходящий высокий холм, подняться на него и громко прочитать письмо, которым снабдили каждого из них.

— Он услышит, — уверял Лютиен Оливера, когда оба наблюдали за отъездом дюжины посланцев.

Хафлинг совсем не был в этом уверен, к тому же он сомневался, что привыкший к жизни отшельника маг откликнется на их зов. Но Оливер понимал, что юноша, уставший от бесконечных дел, хочет поверить в скорое облегчение, а потому согласно кивнул.

— Так просит Лютиен Бедвир, повелитель Кэр Макдональда, некогда именовавшегося Монфором, — кричал гонец, стоявший на вершине холма.

На некотором расстоянии от него другой человек соскочил с лошади и развернул точно такой же пергамент.

— К волшебнику Бринд Амору, другу тех, кто не считает себя друзьями короля Гринспэрроу...

И так продолжалось все утро на северном краю Айрон Кросса. Двенадцать посланников, разошедшиеся по двенадцати холмам, тревожили горные склоны подобными криками.

В то утро Бринд Амор проснулся поздно, после освежающего и абсолютно необходимого отдыха: целых двенадцать часов глубокого сна. Он чувствовал в себе необычайную силу, несмотря на недавнее путешествие сквозь магическое пространство, что всегда стоило ему недешево. Волшебник много дней не заглядывал в свой хрустальный шар, а потому еще не знал, что виконт Обри мертв, убит той самой стрелой, которую он отправил в колчан Сиобы.

Старик все еще не был уверен в Лютиене и в исходе мятежа, в том, как долго продержится Монфор против армии Гринспэрроу, которая вскоре высадится на побережье, да и в своей роли в происходящем. Возможно, это все было лишь прелюдией, сказал он себе в предыдущую ночь, перед тем как забраться в постель. Возможно, волнения в Эриадоре вскоре затихнут, но не забудутся, и через несколько десятков лет...

Да, решил старый волшебник. Через несколько десятков лет. Это казалось безопасным и наиболее мудрым выбором. Позволить крохотной революции затихнуть самой. Лютиена, конечно, убьют или принудят к бегству, но он уже сделал свое. О, разумеется, юного воина с острова Бедвидрин будут с любовью вспоминать в течение многих лет. И в следующий раз, когда Эриадор решит испытать силы Эйвона, имя Лютиена поставят в один ряд с именем

Брюса Макдональда. И имя Оливера тоже. И это, возможно, побудит Гасконь помочь будущим повстанцам.

Да, лучше всего подождать.

Сразу после пробуждения, чувствуя легкость на сердце, почти счастье, Бринд Амор сказал себе, что он счастлив потому, что принял, наконец, решение. Мятеж, конечно же, захлебнется. А он выбрал самую верную дорогу и может оправдать свое бездействие заботой о будущем Эриадора. Он хорошо сделал, передав Лютиену алую накидку, а Лютиен хорошо ее использовал. Они все поступили правильно, и, хотя Гринспэрроу вряд ли состарится — этот человек уже прожил не одну сотню лет, — все эти беспокойства могут его утомить. За двадцать лет правления хватка Гринспэрроу слегка ослабла, иначе никто не смог бы поднять восстание в Монфоре, и кто может знать, что принесут последующие десятилетия? Но народ Эриадора уже никогда не забудет эти времена, будет воспринимать их как проблеск надежды, как легенду, укрепляющуюся при каждом новом пересказе.

Старый волшебник отправился готовить себе завтрак, переполненный восторгом, энергией и надеждой. Возможно, ему удастся сделать что-нибудь еще, например, когда начнется битва за Монфор. Что, если он найдет способ помочь Лютиену и тем внесет свою лепту в создание легенды? Конечно же, армия Гринспэрроу захватит город, но возможно, Лютиен доберется до этого жуткого скота, Белсена Крига, и прикончит его.

— Да, — произнес маг, поздравив себя с великолепной идеей. Он взмахнул сковородкой и перевернул лепешку прямо в воздухе.

Волшебник услышал свое имя и застыл на месте. Лепешка зацепилась за край сковородки и упала на пол.

Он услышал его вновь.

Бринд Амор опрометью бросился в свой кабинет. Он вновь и вновь слышал свое имя и каждый раз пытался двигаться быстрее, но только спотыкался и путался в полах своей мантии.

Маг подумал, что его вызывает сам Гринспэрроу, или один из служивших ему колдунов, или, возможно, даже демон. Совершил ли он ошибку, отправившись в ментальное путешествие по дворцу в Карлайле? Неужели Гринспэрроу отложил намеченный отдых в Гаскони, чтобы разобраться с назойливым Бринд Амором?

Наконец старый волшебник добрался до стола, несколько раз вздохнул, чтобы успокоиться, а затем снял с хрустального шара матерчатую крышку и всмотрелся в его глубины.

И испытал огромное облегчение, увидев, что его вызывает не колдун, а самый обычный человек.

Облегчение сменилось гневом, когда Бринд Амор обнаружил, что его вызывает даже не один человек, а несколько.

— Глупец! — проворчал волшебник, осознав, что тут происходит. — Безрассудный глупец.

О чем, спрашивается, думает этот мальчишка? Здесь ему не Монфор, эти земли все еще находятся в руках циклопов и прочих сторонников Гринспэрроу. Никто здесь и не пытается бунтовать, во всяком случае, Бринд Амор ничего не слышал о подобных попытках.

Нет, надо же, выкрикивать его имя настолько громко именно там, где за каждым углом уши короля! Если Гринспэрроу поймет, что Бринд Амор каким-то образом связан с беспорядками в Монфоре, если он узнает хотя бы, что престарелый маг проснулся после своего многовекового сна, то сразу займется Эриадором. Уж конечно, король не поедет в Гасконь. Он бросит все свои силы и внимание на северные земли. И раздавит восстание.

Восстание.

В течение долгого, долгого времени осторожный Бринд Амор пытался убедить себя в том, что происходящее было не таким уж важным, что битва в Монфоре служила всего лишь прелюдией к тому, что может случиться через много десятилетий. Но сейчас, испугавшись того, что повстанцы оказались в опасности, осознав, сколь глубокие чувства захватили его

самого, волшебник задавался вопросом, не дурачил ли он сам себя? Он мог оправдывать себя за то, что позволил восстанию угаснуть, но только короткое время. Когда это случится, когда кровь омоет поля и стены города, Бринд Амор будет горько сожалеть, что возможность обрести свободу сейчас — утеряна.

Однако какой бы путь он ни избрал, Бринд Амор знал, что нужно заставить замолчать этих глупых мальчишек с их глупыми свитками. Сегодня он чувствовал себя очень бодро и не прочь был испытать свои возможности.

Волшебник подошел к письменному столу, открыл ящик, вытащил оттуда огромный, обтянутый черной кожей том и осторожно его открыл.

Затем он принялся читать заклинания, погружаясь в древние руны, начертанные на страницах, уходя в магический мир глубже, чем когда-либо за последние четыреста лет.

Двенадцать человек на двенадцати холмах читали и перечитывали свои свитки более двух часов. Но ведь им было велено делать это от рассвета до заката, день за днем, пока на их зов не ответят.

И ответ пришел, но совсем не такой, на какой рассчитывал Лютиен.

С юга, со скалистых пиков Айрон Кросса, накатилося черное облако. Это было самое черное из всех черных облаков, шар полночной мглы среди ясного голубого неба. Налетел порыв сильного ветра, вырывая из рук гонцов пергаментные свитки.

Но все двенадцать сознавали важность порученного им дела, а потому держались стойко.

Черное облако целиком закрыло солнце, собирая весь его свет в двенадцать концентрированных лучей. Бринд Амор направлял эти лучи, глядя в хрустальный шар, и, яркие, они безошибочно находили цель, проникая сквозь облако и поражая развернутые свитки пергамента.

Хрупкие листы вспыхивали и сгорали. Посланцы роняли обугленные, бесполезные теперь обрывки и бежали к своим скакунам, оставленным неподалеку; один за другим они галопом вылетали на равнину. Некоторым из них удалось собраться в группу, но те, что бежали, неслись вперед не оглядываясь, позабыв о своих товарищах.

Сидевший в потаенной пещере волшебник откинулся на спинку кресла и позволил хрустальному шару погаснуть. Всего несколько минут назад он был полон силы и мощи, но теперь вновь ощутил себя старым и беспомощным.

— Глупый мальчишка, — пробормотал он себе под нос, но внезапно обнаружил, что сам не верит в собственные слова.

Лютиен совершил ошибку, отправив сюда гонцов, но сердце юноши оставалось чистым и правдивым. Мог ли Бринд Амор сказать то же самое о себе? Он вновь подумал о восстании, о его размахе и значении, о своих упорных стараниях убедить самого себя, что оно — лишь прелюдия.

Может статься, он выбрал не самый надежный путь, а всего лишь самый легкий.

7. АЛАЯ ТЕНЬ

— Неужели мы не могли проникнуть сквозь нижнюю дверь? — проворчал Оливер. Он уже насквозь промерз, а лезть оставалось свыше сотни футов.

— Дверь забаррикадирована, — прошептал Лютиен, приблизив губы к уху хафлинга. Полы его алой накидки целиком прикрывали их обоих. — Никто не заставлял тебя идти со мной.

— Я не хотел лишиться своей чудесной веревки, — огрызнулся хафлинг.

Они карабкались по восточной стене Собора. Ночной воздух был не таким уж холодным, но ветер, особенно сильный на такой высоте, все время грозил оторвать их от стены и швырнуть на землю. Лютиен туже обмотал полы своего волшебного плаща. Еще не хватало, чтобы ветер сорвал накидку в самый неподходящий момент, оставив их без всякого прикрытия на середине стены!

С того момента, как началось восстание, юноша постоянно носил этот плащ, ведь именно он служил для простого народа символом свободы. Но этот знаменитый плащ был не просто символом. Он делал своего хозяина невидимым. Лютиену уже приходилось использовать плащ-невидимку в те дни, когда начались бои с циклопами. С его помощью юноша перебирался через стену, чтобы узнать расположение сил противника. Некогда он даже предполагал проникнуть в Собор и прикончить виконта Обри, но Сиоба отговорила его от этой идеи. Она считала, что надменный вельможа столь мало смыслит в военном деле, что его бестолковые приказы, скорее, сыграют на руку повстанцам.

Однако на этот раз Лютиен не дал бы никому себя отговорить; впрочем, о его намерении знал один Оливер.

В результате они очутились здесь, взбираясь под покровом ночи на главную башню Собора. Хотя прямо над ними находились караульные посты циклопов, оба прекрасно знали, что одноглазые, скорее всего, собрались вокруг костра. И в самом деле, зачем им было заглядывать вниз? Они все равно не могли разглядеть передвижения людей на улицах города и уж никак не думали, что кто-то к ним снизу ползет!

Оливеру удалось закинуть липучку на всю длину веревки, но когда они поднялись на пятьдесят футов, то не нашли места, где можно было бы закрепиться. На такой высоте не оказалось ни единого окна, однако в каменной кладке нашлось несколько трещинок.

Лютиен изо всех сил вцепился пальцами в край узкой щели, ноги скользили по гладкой стене.

— Скорее, — поторопил он товарища.

Оливер поднял глаза и вздохнул. Крепко прижатый Лютиеном к стене, он примеривался зашвырнуть липучку на всю длину веревки, чтобы добраться наконец до верхушки башни.

— Скорее, — отчаянно прошептал юноша, и хафлинг понял, что тот держится из последних сил. Бормоча ругательства на родном гасконском языке, Оливер бросил липучку. Она прилипла к стене не более чем в двадцати футах над ними.

Вновь последовал залп цветистых гасконских проклятий, но Лютиен пропустил их мимо ушей, поскольку заметил нечто, не видимое товарищу.

Оливер уgomонился и крепко вцепился в Лютиена. Юноша подтянулся на веревке и встал на выступавший камень несколькими футами выше.

— Постарайся, чтобы следующий бросок оказался последним, — прошептал Лютиен, пристраивая ноги понадежнее.

Хафлинг три раза дернул за веревку, и волшебная липучка послушно отцепилась от стены. Она неслышно соскользнула вниз, и Оливер приготовился к следующему броску. Сейчас, при более надежной опоре, он мог позволить себе тщательно прицелиться.

Отлично! Липучка коснулась стены всего футом ниже края парапета.

Лютиен был уже готов лезть вверх, когда Оливер внезапно тронул его плечо, подавая знак замереть на месте. Впрочем, юноша тоже услышал наверху какое-то движение и сжался под плащом, стараясь полностью прикрыть себя и друга. Спустя некоторое время он рискнул посмотреть вверх и заметил силуэт циклопа, смутно маячивший на краю парапета.

Лютиен подумал было, что игра окончена, но одноглазый, похоже, не заметил ничего подозрительного.

— Тихо, — пробурчал он и исчез из виду.

Друзья облегченно вздохнули и продолжили подъем.

Добравшись до верха, они услышали голоса как минимум трех циклопов, находившихся в дюжине футов от них.

Оливер осторожно выглянул и подтвердил как количество врагов, так и расстояние до них. Удача оставалась на стороне хафлинга, и ему вовремя удалось заметить четвертого циклопа, скучавшего на небольшой площадке, двумя ступенями ниже верхушки башни.

Оливер шепотом сообщил о своих наблюдениях другу, а затем неслышно, словно осторожная лесная ласка, скользнул вдоль парапета.

Лютиен считал про себя: было решено, что он двинется вперед, только сосчитав до пятидесяти. Выждав время, юноша поднял голову над парапетом и увидел трех циклопов, сидевших вокруг огня. Перебравшись через парапет, он осторожно обнажил меч. Необходимо было расправиться с тремя дозорными быстро, а главное, тихо, чтобы не встревожить остальных. Лютиену оставалось только надеяться, что Оливер позаботился о четвертом и на лестнице не было ни пятого, ни шестого.

Однако сейчас не было времени предаваться раздумьям. Они находились в трехстах футах от земли, полностью отрезанные от товарищей, и рассчитывать на чью-либо помощь не приходилось.

Лютиен глубоко вздохнул и бросился вперед.

«Ослепительный» поразил на месте первого циклопа, разрубив его от плеча до окончания позвоночника. Одноглазый рухнул без единого звука, а Лютиен немедленно развернулся, оказавшись лицом к лицу со следующим. Меч поразил противника в грудь, но застрял под ребром и не сразу освободился, несмотря на отчаянный рывок Лютиена.

Третий циклоп развернулся и кинулся к лестнице, но на полпути споткнулся, замер на месте и упал на спину. В груди у него торчал любимый кинжал Оливера.

Хафлинг выступил из тени, небрежно переступил через мертвого циклопа и высвободил свое оружие.

— Интересно, чем они питаются? — поинтересовался отважный воин, подходя к огню. Он поднял палку, на которую был насажен кусок жареной баранины.

— Так, неплохо, — заметил он, с удобством устраиваясь у огня.

Прошло несколько мгновений, прежде чем хафлинг поднял глаза и встретился с негодующим взглядом друга.

— Поторопись, — заметил он небрежно.

— Ты не идешь? — поинтересовался Лютиен.

— Я говорил, что заберусь с тобой на вершину башни, — ответил Оливер, вновь занявшись жареной бараниной.

Лютиен хмыкнул. Он сбросил с плеч небольшой тук и вытащил из него еще одну веревку, гораздо длиннее предыдущей. Ее должно было хватить на всю башню. Лютиен бросил веревку к ногам хафлинга.

— Подготовь спуск, — сказал он хафлингу.

Занятый мясом Оливер махнул рукой.

— Тебе понадобится больше времени, чем мне, — заверил он приятеля.

Лютиен вновь фыркнул и шагнул к лестнице. Конечно, ему не очень хотелось спускаться вниз в одиночестве. С другой стороны, внутри Собора следовало передвигаться быстро, а с Оливером, забравшимся под его плащ, это было довольно сложно сделать.

Он обнаружил четвертого циклопа, убитого ударом рапиры в грудь, на маленькой лестничной площадке. Невольная дрожь пробежала по телу юноши, когда он в очередной раз осознал, насколько стремительно и эффективно умеет Оливер убивать. «Но все это ради благого дела», — напомнил себе Лютиен и направился вниз по длинной, извилистой лестнице. На протяжении всего спуска по тремстам крутым ступеням он не встретил никакого сопротивления и возблагодарил судьбу, обнаружив, что нижняя дверь, находившаяся в стене соборной апсиды, приоткрыта.

Лютиен осторожно заглянул в огромный неф. Там горели факелы и слышался разноголосый храп нескольких дюжин циклопов, спавших на скамейках. Бодрствовало всего несколько одноглазых, да и те больше чесали языками, чем несли стражу.

Осажденные были уверены, что повстанцы вряд ли решатся на штурм, который будет стоить им десятков, а то и сотен жизней. Хороший знак, решил Лютиен.

Юноша проскользнул в дверь и бесшумно двинулся вперед, стараясь не выходить из тени. Он заметил несколько циклопов, засевших на трифории, но и они не проявляли особой бдительности. Юноша повернул вправо и окинул взглядом северный трансепт. Дверь, ведущая наружу, была тщательно забаррикадирована, а перед ней сидела куча одноглазых,

занятых какой-то азартной игрой.

Они соскучились и устали — а скоро еще и ослабеют от голода.

Лютиен собирался обойти трансепт, но передумал и вместо этого вернулся к апсиде, обогнул ее и вышел в южный трансепт.

И здесь он обнаружил то, что искал: огромную гору провизии. На лице юного Бедвира появилась недобрая улыбка. Неслышно подобравшись поближе, он извлек из-под плаща небольшую черную коробочку, изготовленную для него Шаглином, и еще шесть маленьких мешочков, наполненным тем самым черным порошком, который гномы используют в своих шахтах. Юноша некоторое время изучал гору продуктов, выбирая место, где бы лучше разместить мешочки. Два он засунул между тремя бочонками воды, обнаруженными на одной стороне кучи, — возможно, это была единственная питьевая вода, оставшаяся у осажденных.

Затем он вытащил несколько фляжек масла, плотно обернутых в тряпки, чтобы не звякали. Лютиен осторожно вытащил пробки и вылил содержимое фляжек на продукты. Один из циклопов, стоявших у двери трансепта, подозрительно принюхался, но запах масла было не так-то легко различить за запахом горевших внутри Собора факелов.

Когда циклоп вернулся обратно на свой пост, Лютиен укрылся под плащом-невидимкой и занялся черной коробочкой, квадратной и совершенно непримечательной, если не считать маленькой дырки, проделанной в ее крышке. Он осторожно раскрыл коробочку. Там находились два крохотных стеклянных пузырька, между которыми располагались кресало и фитиль.

Лютиен поднял глаза и огляделся вокруг, желая убедиться, что поблизости нет ни одного циклопа. Затем он согнулся за кучей провизии, удостоверившись, что плащ-невидимка и гора еды прикрывают коробочку. Затем он слегка щелкнул по кресалу. Оно ударило по кремню, сверкнула искорка, но фитиль не вспыхнул.

Лютиен вновь огляделся вокруг, затем повторил движение.

На этот раз на кончике фитиля затеплился небольшой ровный огонек. Теперь Лютиен мог рассмотреть изделие Шаглина поподробнее: янтарную жидкость в одном из сосудов, красновато-рыжую в другом и кожаный мешочек, скорее всего с тем самым порошком.

Все это было крайне интересно, но времени на разглядывание не оставалось. Шаглин гарантировал, что фитиль будет гореть не меньше чем до счета двадцать пять, а за дальнейшее не ручался.

Лютиен закрыл коробочку, бесшумно перебежал к апсиде и нырнул в дверь, ведущую в башню. Там он помедлил, наблюдая.

С шипением и треском черная коробочка взорвалась, куча провизии вспыхнула ярким пламенем. Циклопы взвыли и заметались по Собору.

Раздался второй взрыв, затем третий и четвертый, почти одновременно, бочонки с водой разлетелись на куски.

— Насколько я понимаю, мы покончили с делом, — промямлил Оливер набитым бараниной ртом, когда Лютиен, пыхтя и отдуваясь, вывалился на верхнюю площадку башни.

— Нужно предупредить охрану вокруг башни, чтобы они были начеку, — ответил Лютиен. — Скоро циклопы захотят пробиться наружу.

Оливер откусил еще баранины, обтер жирные руки о плащ одного из мертвых циклопов и двинулся к стене, где к прежней веревке была уже привязана новая, спускавшаяся до самой земли.

Внутри Собора циклопы обнаружили, что лишились провизии и почти всех запасов питьевой воды. Они переругались и передрались между собой, каждый обвинял в случившемся другого. Однако вскоре осажденные нашли объяснение случившемуся — один из них обнаружил на стене апсиды силуэт человека в алом плаще, навсегда запечатленный на камне.

Волшебная накидка Лютиена вновь оставила свой знак.

Вести прокатились по западному побережью Эйвона, перелетели через горы в Эриадор и двинулись дальше, от деревни к деревне, пока не достигли Кэр Макдональда. На север отправился огромный флот, как минимум пятьдесят кораблей, — вполне достаточно, чтобы перевезти более десяти тысяч солдат преторианской гвардии. И эти корабли глубоко сидели в воде, до краев переполненные людьми.

В «Гнэльфе» это известие выслушали стоически. Лютиен и его товарищи, разумеется, ожидали появления армии, но, когда развеялась последняя надежда, что это всего лишь слухи, когда выяснилось, что Гринспэрроу действительно собирается обрушить на восставших свой железный кулак, это подействовало на всех как холодный душ.

— Утром я отправляюсь в Порт-Чарлей, — объявил Лютиен собравшимся друзьям. — Придется скакать почти без передышки, если я хочу попасть туда раньше Эйвонского флота.

— Ты не можешь, — коротко и безапелляционно ответила Сиоба.

Лютиен мрачно посмотрел на нее — так же, как и Оливер, который хотел напроситься Лютиену в спутники и не терял надежды уговорить друга повернуть к северу и скрыться в диком краю.

— Ты управляешь Кэр Макдональдом, — пояснила Сиоба.

— Неужели правители навечно прикованы к своим землям и никогда их не покидают? — язвительно поинтересовался Оливер.

— Только не тогда, когда их владения в опасности, — ответила Сиоба. — Мы ожидаем прорыва из Собора со дня на день.

— Да лучники расстреляют одноглазых еще на открытом пространстве вокруг Собора! — воскликнул хафлинг, разделяя уверенность большей части повстанцев.

— И Лютиен Бедвир должен находиться здесь, — без колебаний продолжила Сиоба. — Когда эта битва завершится, город целиком окажется в наших руках. Нехорошо, если в такой важный момент вождь будет где-то на полпути к Порт-Чарлею.

— Порт-Чарлей очень для нас важен, — вмешался Лютиен, которому надоело, что его мнением никто вроде и не интересуется. — Он может сыграть решающую роль в судьбе восстания и Кэр Макдональда. Сейчас, в этот момент, когда мы сидим и чешем языками, Шаглин и его соплеменники работают не покладая рук, готовясь к обороне города. Если верить слухам, армия Гринспэрроу, как минимум не уступающая по размерам нашей собственной, скоро окажется у ворот Кэр Макдональда.

— При равном количестве воинов шансы обороняющихся выше, — заметила Кэтрин О'Хейл.

— Но это преторианская гвардия, — напомнил Лютиен. — Крепкие, прекрасно вооруженные и подготовленные бойцы. К тому же, без сомнения, ветераны многих кампаний.

— Ты сомневаешься в наших силах? — резко спросила девушка.

— Я просто хочу еще повысить наши шансы, — поправил юноша. В душе, однако, он действительно сомневался в способности неопытных горожан выстоять против десяти тысяч преторианских гвардейцев. Впрочем, подобные сомнения терзали всех, находившихся в этой комнате, не исключая и гордой Кэтрин.

— Таким образом, Порт-Чарлей является ключевым местом, — продолжал Лютиен. — Они не объявили себя нашими союзниками, и, как ты сама говорила, — обратился он к Кэтрин, — их будет не так легко убедить.

Рыжеволосая девушка откинулась на спинку стула, явно отнесясь от разговора.

— Мы должны держать этот флот на рейде, — объяснял тем временем Лютиен. — Если народ тех мест не позволит циклопам сойти на берег, они будут вынуждены отчалить и потратят много дней в поисках другого места, где можно высадиться.

— А чем больше времени одноглазые проведут в море, тем больше у них шансов угодить в шторм, — вставил Оливер.

Лютиен кивнул.

— И каждый лишний день будет истощать их провиант, а поскольку речь идет о

циклопах — терпение, — продолжил юноша. — И каждый выигранный день позволит Шаглину и его соплеменникам увеличить число ловушек вокруг стен Кэр Макдональда. Так что нужно постараться не пускать этот флот в Порт-Чарлей. Мы не можем упустить подобную возможность.

— Согласна, — ответила Сиоба. — Но ты не единственный, кто может поехать.

Лютиен вскинул голову, собираясь возразить, но полуэльфийка не дала ему такой возможности.

— Вести переговоры могут и другие, и ты зря думаешь, что так уж это здорово, если вождь восстания лично появится в Порт-Чарлее, не говоря уж о возможной реакции живущих там циклопов. Ты надеешься произвести на них впечатление, — продолжала Сиоба с жесткой прямоотой, — но единственное, что действительно произведет на них впечатление, так это твоя глупость и наивность. Твое место здесь — старейшины Порт-Чарлея знают это, — и если ты появишься там, то не покажешься им человеком достаточно мудрым, чтобы идти за ним в бой.

Лютиен поник в кресле и обернулся к Оливеру в поисках поддержки.

— Она кой-чего понимает, — признал хафлинг.

Юноша не мог не согласиться с элементарной логикой. Его вновь посетило чувство, что всем руководит не он, а Сиоба, а сам он — не более чем марионетка в ее руках. Нельзя сказать, чтобы это было приятное чувство, хотя Лютиен безусловно радовался, что Сиоба всегда рядом с ним и удерживает его от совершения глупейших ошибок. Затем он вновь подумал о Бринд Аморе, еще яснее осознав, что напоминает рыбу, вынутую из воды, и отчаянно нуждается в помощи.

— Кто же тогда поедет? — поинтересовался Оливер у Сиобы, поскольку Лютиен, очевидно, отказался от дальнейших споров. — Ты сама? Мне кажется, что лучше уж поручить это кому-нибудь из людей.

Он совсем не намеревался обидеть Сиобу, да она и не обиделась.

— Поеду я, — вмешалась Кэтрин. Все глаза устремились на нее, и даже Лютиен вновь выпрямился, неожиданно заинтересовавшись и встревожившись.

— Я знаю народ Порт-Чарлея лучше, чем любой из присутствующих, — пояснила Кэтрин.

— Ты когда-либо была там? — спросил Оливер.

— Я родом из Хейла, этот городок не сильно отличается от Порт-Чарлея, — ответила девушка. — Мой народ рассуждает так же, как эти независимые люди. Мы никогда не признавали владычества Гринспэрроу, равно как и любой власти, исключая собственную. Мы терпим королей и герцогов только потому, что плевать на них хотим.

Лютиен покачал головой. Ему вовсе не хотелось именно сейчас остаться без Кэтрин. К тому же он беспокоился о девушке, которой придется скакать на запад одной. Слухи о битве в Кэр Макдональде прошли по всему южному Эриадору, и никто из них не знал, какие опасности таятся на пути.

— И еще одна причина, по которой тебе не следует ехать, — обратилась Кэтрин к Лютиену. — Если люди из Порт-Чарлея не присоединятся к нам, они смогут добиться от Гринспэрроу чего угодно, захватив в плен знаменитую Алюю Тень.

— Ты сомневаешься в их честности? — недоумевающе спросил Лютиен.

— Я знакома с их прагматизмом, — ответила Кэтрин. — Ты им абсолютно безразличен, во всяком случае — пока.

Слова девушки отнюдь не убедили Лютиена в том, что именно ей следует ехать. Ведь она также является для короля Эйвона ценной добычей!

— Она права. — Поддержка Сиобы явилась для Кэтрин полной неожиданностью. — Ты ехать не можешь, а она сделает то, что нам нужно, гораздо лучше, чем кто-либо в Кэр Макдональде.

Кэтрин взглянула на Сиобу с нескрываемым подозрением. На мгновение у нее даже мелькнула мысль, что полуэльфийка настаивает на ее отъезде, надеясь, что соперницу убьют

по дороге или возьмут в плен. Однако в зеленых глазах Сиобы не было и следа враждебности, а только надежда и дружелюбие.

Лютиен хотел было возразить, но Сиоба его оборвала.

— Ты не имеешь права ставить под угрозу общее дело в угоду своим чувствам, — резко заметила она. — Кэтрин — это наилучший выбор. Ты знаешь это не хуже любого другого.

Сиоба обернулась к сопернице, улыбнулась и кивнула, Кэтрин ответила ей тем же. Затем полуэльфийка вновь взглянула на Лютиена.

— Ты ведь понимаешь, что я права?

Лютиен вздохнул, вновь отступая перед простой логикой.

— Возьми Ривердансера, — сказал он Кэтрин, имея в виду своего собственного жеребца, одного из лучших во всем Эриадоре. — Утром.

— Сегодня вечером, — хмуро поправила его Кэтрин. — Флот Эйвона не опускает паруса с заходом солнца.

Лютиену по-прежнему не хотелось, чтобы она ехала. Его охватило почти непреодолимое желание пересечь комнату и сжать девушку в объятиях, защищая от всех опасностей мира. Однако он понимал, что Кэтрин с Сиобой правы и рыбачка из Хейла — наилучший выбор, да к тому же она вовсе не нуждалась в защите.

Не промолвив больше ни слова, Кэтрин повернулась и покинула «Гнэльф».

Лютиен взглянул на Оливера.

— Я вернусь, когда вернусь, — пояснил хафлинг, тронув поля своей шляпы, и двинулся следом за Кэтрин.

Лютиен наблюдал за Сиобой, ожидая, что та остановит Оливера, как остановила его самого.

— Счастливого пути, — сказала Сиоба, и Оливер, еще раз тронув поля шляпы, вышел из таверны.

Оставшимся в «Гнэльфе» в ту ночь хватало серьезных тем для обсуждений, однако они или молчали, или говорили о всяких мелочах. Внезапно внутрь ворвался запыхавшийся человек.

— Собор! — крикнул он.

Больше ему ничего не потребовалось говорить. Лютиен сорвался с места и чуть не упал, бросившись к двери. Сиоба поймала его за руку, помогая удержать равновесие, и юноша остановился, пристально взглянув ей в глаза.

Улыбка Сиобы была чарующей, и Лютиен знал, что, хотя Кэтрин с Оливером уже находились в пути, ему в эту ночь не придется сражаться в одиночестве.

Отчаявшиеся циклопы попытались вырваться из Собора через северные, западные и южные двери одновременно. Они рычали и ревели, надеясь пересечь открытое пространство около Собора и затеряться в лабиринте узких улочек. Однако со всех сторон на осажденных обрушился ливень стрел. Затем повстанцы, не дожидаясь, пока циклопы пойдут в атаку, ринулись им навстречу.

Лютиен и остальные, приближавшиеся из «Гнэльфа», не стали присоединяться к общей схватке, а проникли внутрь оставленного циклопами Собора через не слишком надежно забаррикадированный пролом в восточной стене. Поняв, что вышедшим на открытое пространство не избежать гибели, многие циклопы развернулись и кинулись обратно, под защиту прочных каменных стен. Внутри еще оставалось немного пищи, и они надеялись, что, если небольшой горстке удастся вновь забаррикадировать двери, ее хватит на всех и они смогут продержаться до прихода помощи.

Однако маленький отряд Лютиена встретил их у входа и не позволил закрыть двери до тех пор, пока остальные повстанцы также не ворвались внутрь. Вновь благословенные полы великого Собора покраснели от пролитой крови, вновь его огласили не молитвы, а яростные вопли и стоны раненых.

Все закончилось той же ночью. В городе Кэр Макдональд не осталось в живых ни одного циклопа.

8. ПОРТ-ЧАРЛЕЙ

Белые, аккуратные дома Порт-Чарлея стояли ровными рядами на террасных уступах, вырубленных в горном склоне, близко подступавшем в этом месте к Эйвонскому морю. Говорили, что в солнечные дни от самых верхних домов были видны на западе белые с зеленым скалы Барандуина.

Порт-Чарлей был сонным местом, однако в те редкие дни, когда светило солнце, белые домики с белыми же изгородями казались веселыми и приветливыми.

Когда здесь появились Оливер с Кэтрин, стоял именно такой день, яркий, солнечный и веселый. Путники заметили, что снега не осталось ни в самом городке, ни вокруг него, только серые, истертые ветром скалы и белые прямоугольники домиков. Кое-где виднелись зеленые пятна оживающей травы, но немногие одинокие деревья все еще чернели голыми ветвями.

— Слишком рано для цветения, — заметил Оливер. Он стукнул пятками Тредбара, своего рыжего пони, и тот перешел на быструю рысь.

Кэтрин прищипорила Ривердансера, и великолепный белоснежный скакун с легкостью догнал своего миниатюрного товарища.

— Я бывал здесь весной, — объяснил Оливер. — Такая красота, просто залюбуешься.

Он принялся вдохновенно описывать цветущие деревья и множество прекрасных цветов, выглядывающих из каждой трещины в скалах, из каждого ящичка на окнах коттеджа. Однако Кэтрин слушала вполуха, не нуждаясь в описаниях. Для нее Порт-Чарлей был тем же самым Хейлом, только побольше. Она прекрасно помнила свою родину, ветер, налетающий порывами со стороны ледяного моря, яркие, по большей части пурпурные пятна цветов на фоне серых скал. Она слышала низкий рев прибоя и вспоминала родной остров Бедвидрин и выходы в море на суденышке, таком гордом и внушительном, когда оно стояло у причала, и таком хрупком и незначительном по сравнению с бушующими волнами сурового моря.

Но лучше всего Кэтрин помнила запахи, приносимые ветром, воздух, наполненный солью и свежестью. Хейл и Порт-Чарлей, только в таких местах и живешь по-настоящему, соприкасаешься душой с реальным, осязаемым миром.

Оливер заглянул в отрешенные, задумчивые глаза девушки и примолк.

Они подъехали к городу с северо-востока. Здесь дорога раздваивалась. Правая вела к песчаным дюнам и морю, левая — к нижнему уровню селения. Оливер свернул было влево, но Кэтрин лучше понимала, что надо делать.

— Нам к пристани, — сказала она.

— Нам же нужен мэр, — крикнул ей вслед Оливер, но Кэтрин не остановилась.

— Старшина порта, — поправила она, прекрасно зная, что в Порт-Чарлее, как и в Хейле, тот, кто заправлял гаванью, управлял и всем городом.

Копыта лошадей громко стучали по выложенной досками дорожке, идущей по песчаной отмели, но когда путники приблизились к причалам, этот звук затерялся в плеске воды и неумолчном крике чаек. Лодка на приспущенных парусах плавно входила в гавань, и, судя по огромным стаям чаек, носившихся над ним, у судна был сегодня неплохой улов.

Прищутив глаза, Оливер разглядывал мужчину и женщину, слаженно трудившихся на палубе. Опустившись на колени, они обрубали огромными ножами головы рыбам. Ненужные части просто подбрасывались вверх, и рыбаки даже не поднимали глаз, ничуть не сомневаясь, что они даже не успеют коснуться воды, подхваченные проворными чайками.

Кэтрин уверенно направилась по длинному деревянному настилу, на сваях тянувшемуся вдоль берега. Семь длинных причалов глубоко врезались в гавань, давая достаточно места сотен для двух рыбацких лодок. В Хейле их было меньше. Кэтрин представила себе, как эти лодчонки шныряют меж грузных военных галеонов. Ей не часто

приходилось видеть военные суда, только те, что изредка заходили в Дун Варну, да еще одно, которое обогнало лодку ее отца в открытом море у западного побережья Бедвидрина. Она не знала точно, на что они способны, однако легко могла представить себе их сокрушительную мощь, и от этого образа по ее спине пробежал холодок.

Кэтрин выкинула из головы тревожные мысли и взглянула на гавань. Она надеялась, что возле берега мелко, слишком мелко для таких огромных кораблей. Если же враги пересядут в шлюпки, жители Порт-Чарлея могут изрядно затруднить высадку.

Кэтрин поняла, что она слишком забегает вперед. Разработать план битвы можно будет позже, при помощи местных жителей, которые гораздо лучше знают здешние воды. А сейчас им с Оливером следовало убедить рыбаков восстать против Гринспэрроу и не допустить вражеский флот в гавань.

Копыта Ривердансера мерно стучали по настилу, Тредбар не отставал от приятеля. Кэтрин видела, что здесь все устроено примерно так же, как в Хейле, а потому уверенно направилась к четвертому, центральному причалу.

— Неужели мы и дальше поедем верхом, — нервно осведомился Оливер, испуганно глядя на темную холодную воду, видневшуюся в щелях пастила. Был отлив, а потому Оливер и Кэтрин находились в добрых тридцати футах над уровнем воды.

Кэтрин не ответила, все с той же уверенностью направляясь к небольшому домику, построенному рядом с причалом. До вечера было еще далеко, а потому пристань пустовала, если не считать пары лодок да нескольких старых рыбаков, которые с любопытством разглядывали чужаков, особенно франтоватого хафлинга, весьма экзотичного для здешней суровой обстановки.

Навстречу им вышла старая женщина с загорелым, морщинистым лицом. Ее седые волосы выглядели такими редкими, словно непрекращавшийся морской ветер вырвал половину и унес прочь. Она улыбнулась спешившимся всадникам, показав десны с немногими оставшимися зубами. Ее глаза были светло-голубыми, почти бесцветными. Кривые узловатые пальцы свидетельствовали о долгих годах на море, проведенных в непрестанном тяжелом труде.

Но при всем при том в ней чувствовались доброта, благородство и честность человека, чей путь, несмотря на искривленные пальцы, всегда был прям.

— Боюсь, вы не найдете судна, отплывающего на юг раньше чем через две недели, — произнесла она с характерным носовым акцентом. — А если на север, так разве что через месяц.

— Мы вовсе не ищем судна, — ответила Кэтрин. — Мы ищем старшину порта.

Старуха окинула девушку внимательным взглядом, изучая ее крепкие, привычные к труду руки и уверенную осанку. Затем она протянула руку и сказала:

— Вы нашли ее. Гретель Суини.

— Кэтрин О'Хейл, — ответила Кэтрин.

Упоминание о портовом городе на севере заставило Гретель улыбнуться и понимающе кивнуть. Старая рыбака, она с первого взгляда узнавала собрата по ремеслу. Однако она не знала, что подумать об Оливере, пока не покопалась как следует в памяти, вернувшись на много лет назад. Гретель была комендантом этого порта уже добрые двадцать лет и непременно наблюдала за разгрузкой каждого пристававшего здесь иностранного судна. Разумеется, невозможно было запомнить всех путников, однако хафлинг не относился к тем, кого легко забывают.

— Гасконь, — воскликнула она, протягивая ему руку.

Оливер галантно прижал эту руку к губам.

— Оливер де Берроуз, — представился он и склонился в поклоне, подметая деревянный настил полями своей шляпы.

— Гасконь, — повторила Гретель и подмигнула Кэтрин.

Девушка сразу перешла к делу.

— Вы слышали о беспорядках в Монфоре? — спросила она прямо.

Бесцветные глаза Гретель понимающе сузились.

— Странно видеть посланцем гасконца, — заметила она.

— Оливер — наш друг, — пояснила Кэтрин. — Мой друг и друг Лютиена Бедвира.

— Так значит, это правда. Сын бедвидринского эрла. — Гретель покачала головой и чуть помрачнела. — Он забрел довольно далеко от дома, — добавила она, пока Кэтрин с Оливером растерянно смотрели друг на друга, пытаясь понять ее реакцию. — Да и вы оба тоже.

— Мы пытаемся вернуть себе наш дом, — ответила Кэтрин.

— У меня закипает чайник, — сказала Гретель, поворачивая к своему дому. — Вы ведь наверняка многое хотите мне сказать, да и предложить тоже. Так что нам ничто не мешает устроиться поудобнее.

Гретель скрылась в домике, Оливер с Кэтрин еще некоторое время глядели друг на друга.

— Трудно будет, — заметил хафлинг.

Девушка задумчиво покачала головой. Она прекрасно знала, что народ Порт-Чарлея не слишком заинтересуется восстанием. Это место сильно походило на Хейл. А зачем им восставать, когда они и так свободны? Рыбаки городка отвечают только перед морем, а имея стихию в качестве господина, что им до Лютиена и его битвы за Монфор? Даже сам король Гринспэрроу вряд ли кажется им чем-то важным.

Друзья привязали коней. Мальчик-подросток выскочил из коттеджа и помчался к городку.

— Гретель созывает друзей, — объяснила Кэтрин.

Рука Оливера немедленно и инстинктивно потянулась к эфесу рапиры, но он моментально отдернул ее, вспомнив врожденное благородство, читавшееся во взгляде Гретель, и ощутил глупость и неуместность подобных страхов, пусть даже мимолетных.

— Чай? — вздохнула Кэтрин. Она думала о задаче, стоявшей перед ней, о том, как убедить Гретель и ее сограждан в необходимости восстания. Как придется просить людей рисковать своими жизнями в борьбе, которая их мало интересует. Внезапно она почувствовала себя очень усталой.

Оливер вошел в дом первым.

Пока не подойдут друзья, Гретель и слушать не хотела ни о событиях в Монфоре, который Кэтрин упорно именovala Кэр Макдональдом, ни о старинных легендах, получивших новую жизнь.

— Старые рыбаки, — пояснила она. — Слишком старые для плаваний, но все же нам, в Порт-Чарлее, необходима их мудрость. Они знают море.

— Наши проблемы связаны не только с морем, — вежливо вмешался Оливер.

— Ну а нас интересует только море, — ответила Гретель, еще раз довольно резко напомнив хафлингу и особенно Кэтрин, как трудно им придется.

Гретель хотелось поговорить о Хейле. Она знала некоторых старых рыбаков из этого городка, встречалась с ними в море во время лова лосося много лет тому назад, когда была еще юной девушкой и командовала собственным судном. При всей своей нетерпеливости и нелюбви к пустым разговорам (особенно в тот момент, когда к побережью Эриадора приближаются суда циклопов), Кэтрин обнаружила, что наслаждается рассказами рыбаки о могучем Эйвонском море.

Оливер тем временем отдыхал, мелкими глоточками попивая чай и вбирая в себя запахи и звуки рыбацкого дома. Затем стали подходить старые морские волки, по одному, по двое одновременно, пока слишком просторное жилище Гретель не заполнилось обветренными жилистыми людьми, пропахшими солью и рыбой. Оливеру показалось, что он узнал одного из них, но он никак не мог вспомнить, где его видел. Его подозрения только укрепились, когда этот человек заговорщицки ему подмигнул. Возможно, он был членом команды того судна, на котором Оливер приплыл в Порт-Чарлей несколько лет тому назад. Или они виделись в прибрежной гостинице, где хафлинг прожил несколько дней, до того как

соскучился в этом городишке и отправился в Монфор.

Поразглядывая немного этого старика, кутавшегося зачем-то в одеяло, несмотря на то, что он сидел возле горящего очага, Оливер пожал плечами и сдался. Ну не вспомнил, так не вспомнил.

Несмотря ни на что, хафлинг подумал, что ради них собралась весьма почтенная компания. Кэтрин и вообще чувствовала себя как дома — впервые, пожалуй, с того времени, когда она покинула в четырнадцать лет родной Хейл, чтобы тренироваться на арене в Дун Варне.

— Ну что ж, — произнесла Гретель после особенно залихватской истории о судах, которые однажды ночью не смогли толком разойтись в море. — Кажется, все в сборе.

— Это совет, который управляет городом? — спросил Оливер.

— Это все те, кто недостаточно молод, чтобы выходить в море, но еще не настолько стар, чтобы не вставать с постели. Вскоре вернутся с лова остальные и выслушают то, что мы им скажем.

Она повернулась к Кэтрин и кивнула, предоставляя ей слово.

Девушка медленно поднялась со своего места. Она пыталась представить собственную гордую деревню и реакцию ее жителей, столкнувшихся с подобной ситуацией. Люди Хейла не слишком интересовались Гринспэрроу и редко о нем говорили — то же самое относилось и к обитателям Порт-Чарлея, — но сейчас требовались от них не слова, а действия.

Кэтрин медленно вышла на середину комнаты и оперлась на маленький столик. Она подумала о Лютиене в Кэр Макдональде и его зажигательной речи, произнесенной возле Собора. Ей захотелось, чтобы юноша, такой эффектный и умеющий убеждать, оказался здесь. Неожиданно девушка обвинила себя в самонадеянности: с чего это она решила, что сможет его заменить?

Но затем она выкинула эти расслабляющие мысли из головы. Лютиен не смог бы убедить этот народ, народ Кэтрин. Его речи действовали на тех, кого волновало, кто станет правителем Эриадора — Лютиен Бедвир или король-чародей Гринспэрроу. Но здесь, в Порт-Чарлее, народ признавал единственного владыку — Эйвонское море.

Кэтрин не спешила начать, а рыбаки, мужчины и женщины, привыкшие проводить бесчисленные часы в ожидании, с уважением относились к ее молчанию и не выражали никакого нетерпения.

Девушка попыталась вызвать в памяти образ Порт-Чарлея: аккуратные ряды домиков на вырубленных в скале террасах, уют, отвоєванный у суровой негостеприимной земли. Так похоже на Хейл.

Но они очень сильно отличались от городов на юге Эриадора, внезапно поняла Кэтрин. Особенно от тех, которые лежали в тени Айрон Кросса. Лицо девушки просветлело, когда она поняла, о чем должна говорить в своей речи. Люди Порт-Чарлея мало интересуются политикой, но они так же, если не больше прочих жителей Эриадора и Эйвона, ненавидят циклопов. Собственно говоря, в самом городе, да и вокруг него, жило очень мало одноглазых — даже здешние купцы обычно набирали в качестве охранников обычных людей.

— Вы слышали о восстании в Кэр Макдональде, — начала девушка. Она помедлила, ожидая хоть какой-нибудь реакции, но ее не последовало.

Глаза Кэтрин сузились: она выпрямилась и оторвалась от стола.

— Вы слышали, что мы поубивали множество циклопов?

Все закивали, загорелые, морщинистые лица озарили улыбки, и Кэтрин поняла, что не ошиблась в выборе темы. Она говорила более часа, прежде чем последовал первый вопрос, но зато потом они посыпались градом. Девушка подробно ответила каждому, никого не обидев невниманием.

— Все, что нам нужно, — это время, — закончила она, обращаясь более всего к Гретель. — Задержите флот Эйвона в гавани хотя бы на неделю. Вам нет необходимости рисковать жизнью даже одного человека. Клянусь, вы не пожалеете. Кэр Макдональд отразит атаку, разобьет армию Гринспэрроу и принудит его к заключению мира. И тогда

Эриадор вновь станет свободным.

— И попадет под власть другого короля, — прервал ее один из рыбаков.

— Лучше любой другой, чем тот, что сейчас, — ответила Кэтрин. Она подумала, что прекрасно знает, кто будет следующим правителем, но не сочла нужным упоминать об этом сейчас.

— Лучше кто угодно, чем чернокнижник, связавшийся с демонами. Чего можно ждать от короля, который пригласил ко двору циклопов и назначил их своими личными охранниками, назвав преторианской гвардией.

Все присутствующие согласно закивали, а Кэтрин, оглянувшись на Оливера, обнаружила, что он также кивает и улыбается. Вполне довольная своей речью, она повернулась к Гретель, ожидая от нее ответа.

В этот момент в комнату ворвался, задыхаясь, средних лет мужчина с пегими волосами и давно не бритым подбородком.

— Ты видел их, — произнесла Гретель скорее утвердительно, чем вопросительно.

— В пяти милях к югу, — задыхаясь, пояснил мужчина.

— Военные корабли? — спросила Кэтрин.

Мужчина с любопытством взглянул на незнакомцев, затем вопросительно повернулся к Гретель. Старая женщина молча взмахнула рукой, давая знак продолжить рассказ.

— Весь проклятый Эйвонский флот, — ответил он.

— Пятьдесят? Больше? — нетерпеливо спросила Кэтрин.

— Я бы сказал, около семидесяти, миледи, — ответил мужчина. — Большие корабли, и сидят глубоко.

Кэтрин вновь взглянула на Гретель, поражаясь, насколько спокойно и она, и все прочие, собравшиеся в этой комнате, восприняли дурные вести. Старая женщина ответила юной посланнице спокойной, дружелюбной улыбкой. Она кивнула, и Кэтрин вздохнула с облегчением, поняв, что получила положительный ответ.

— Вы оба останетесь с Фелпси Дозье, — сказала Гретель. — На его «Горизонте», надежной старой посудине.

Дозье, самый старый из собравшихся, а возможно, и самый старый человек, какого Кэтрин когда-либо приходилось видеть, встал и тронул рукой шерстяную шапочку, демонстрируя в улыбке единственный оставшийся у него зуб.

— Теперь мой «Горизонт» все больше стоит у причала, — сказал он почти извиняющимся голосом.

— Я пошлю мальчиков приглядеть за вашими лошадьми, — продолжила Гретель, и ее тон ясно продемонстрировал, что собрание окончено. Кто-то из рыбаков распахнул дверь, и внутрь коттеджа ворвался порыв холодного ночного ветра с моря.

— Но ведь нужно многое сделать, приготовиться, — попыталась возразить Кэтрин, но Гретель сразу ее оборвала.

— Народ Порт-Чарлея подготовился ко всему за много лет до того, как ты родилась, детка, — заметила старуха. — Ты сказала, вам нужна неделя, и мы знаем, как ее предоставить.

— Глубина гавани? — спросила Кэтрин, оглядываясь вокруг. Она не сомневалась в словах Гретель, но с трудом могла поверить, что семьдесят военных кораблей можно с легкостью задержать.

— Мелководье, — ответил человек возле очага, тот, которого Оливер пытался припомнить. — Корабли будут иметь для швартовки только последние сорок футов двух самых длинных причалов. Но их легко разобрать.

Произношение у этого старика было не совсем такое, как у прочего здешнего населения, но это обстоятельство только еще больше сбilo Оливера с толку. Он понимал, что знает этого человека, но почему-то не мог вспомнить его имени, словно кто-то забрался ему в мозг и похитил память.

Бросив эти размышления — а что еще он мог сделать? — Оливер вышел вместе с

Кэтрин и Фелпси Дозье. Они нашли «Горизонт», пришвартованный у ближнего к берегу конца соседнего причала, и Фелпси провел их в каюту, на удивление хорошо обставленную и удобную для такого потрепанного и старого судна.

— Отдыхайте, — предложил он, вытаскивая из шкафчика подушки, а затем дружелюбно кивнул и направился к двери.

— Куда вы идете? — удивился Оливер, ничуть не сомневавшийся, что судно служило старику домом.

Дозье издал нечто напоминавшее сдавленный смешок.

— Гретель предложила мне переночевать у нее, — сказал он и вновь прикоснулся к шапочке. — Увидимся на рассвете.

После его ухода Оливер уважительно поклонился захлопнувшейся двери в вящей надежде сохранить в старости такую же шустрость. Он скинул сапоги, завалился на одну из двух имевшихся в небольшой каюте коек и потянулся к фонарю, чтобы прикрутить фитиль, однако поймал взгляд Кэтрин, напоминавший взгляд зверя, посаженного в клетку, и заколебался.

— Я думал, ты чувствуешь себя здесь как дома, — заметил он.

— Слишком много следует сделать, — с отчаянием в голосе произнесла девушка.

— Но не нам, — ответил Оливер. — Мы проделали длинный и трудный путь. Пользуйся последней возможностью поспать, глупая девочка, поскольку дорога назад ничуть не короче.

Кэтрин не торопилась воспользоваться его советом, но Оливер все равно прикрутил фонарь. Скоро и девушка откинулась назад на своей койке, а ритмичный плеск волн навевал ей сны о Хейле.

Их обоих разбудил свет пробуждающегося дня. Друзья услышали снаружи топот множества ног и возбужденные голоса и поняли, что флот, вероятно, уже показался. Они одновременно вскочили с коек, но Кэтрин успела подскочить к двери, пока Оливер натягивал башмаки.

Однако дверь не открывалась, запертая снаружи.

Кэтрин нажала плечом, все еще надеясь, что дверь просто заклинило.

Она не поддавалась.

— Что еще за глупость! — воскликнул Оливер, подходя к девушке.

— Это не глупость, отважный хафлинг, — послышался голос сверху.

Оливер и Кэтрин подняли глаза и заметили крышку люка, открывшуюся над ними. Они невольно прищурились от яркого света, бывшего снаружи, и неприятно удивились, увидев, что люк забран решеткой. Гретель стояла у люка на коленях, внимательно глядя на них.

— Вы обещали! — воскликнула Кэтрин. Гретель покачала головой.

— Я сказала, что мы знаем, как помочь вам выиграть время, но не говорила, что мы это сделаем.

В этот миг Кэтрин захотелось выхватить у Оливера из-за пояса кинжал и швырнуть его в лицо коменданту порта.

Но Гретель улыбнулась, словно прочитала ее опасные мысли.

— Я тоже была молодой, Кэтрин О'Хейл, — спокойно сказала старуха. — Молодой и полной боевого задора. Мне знаком огонь, бурлящий в твоих жилах, заставляющий сердце биться быстрее. Но все это в прошлом. Моя любовь к мечу со временем уступила место мудрости. Сиди тихо, девочка, и сохраняй доверие к миру.

— К миру, в котором правит обман?! — воскликнула Кэтрин.

— Пойми, что ты не знаешь всего на свете, — ответила Гретель. — Пойми, что твоя дорога — не обязательно самая лучшая.

— Вы позволите одноглазым пройти через Порт-Чарлей? — возмущенно спросил Оливер.

— Два корабля из Эйвона уже причалили, — ответила старуха. — Пусть себе сходят на берег, решили мы. Сходят на берег и двигают дальше, и скатертью дорога.

— Вы погубите Кэр Макдональд! — в отчаянии воскликнула девушка.

На мгновение лицо старухи исказилось от боли. Затем она захлопнула крышку люка.

Кэтрин взревела, с разбега ударила в дверь плечом, но вновь безуспешно. Те, кто их запирали, сделали это вполне основательно.

Вскоре они услышали слаженный топот и барабанную дробь первого отряда циклопов, сходявшего на причал. Пленники различили один голос, чей обладатель говорил не в пример членораздельнее прочих.

Белсен Криг Ужасный привел с собой почти пятнадцать тысяч опытных воинов, чтобы сокрушить повстанцев и принести голову Лютиена Бедвира своему королю в Карлайл.

9. ПОДГОТОВКА

Лютиен обходил линию укреплений, опоясывавших Кэр Макдональд. Город имел три линии оборонительных сооружений. Самая толстая и высокая стена находилась внутри поселения, отделяя район богачей от нижних, бедных кварталов. Следующая стена, тоже толстая и широкая, опоясывала весь город. И наконец, в пятидесяти футах от нее находилось последнее оборонительное сооружение, тонкая стена в полтора человеческого роста, которая в некоторых местах представляла собой просто груды камней.

Дальше, за внешней стеной, лежало голое поле, где виднелись всего несколько деревьев и небольших домиков. Лютиен подумал, что наклон поля благоприятствует обороняющимся. Циклопам придется наступать в плотном строю — *en masse*, как говорил Оливер, — потому что город можно было атаковать только с севера и запада. С юга и востока к нему подступали горы, покрытые глубокими снегами и льдом, и, хотя небольшие группы циклопов могли бы пройти этим путем, чтобы попытаться взять жителей города в кольцо, основным силам придется наступать вверх по склону, пересекая открытое пространство.

Шаглин и его гномы, трудясь не покладая рук днем и ночью, постарались сделать это пространство еще более опасным и труднопроходимым для врагов. Неутомимые и изобретательные, они и сейчас работали на укреплениях. Каждый из них приветствовал Лютиена, проходящего мимо, но большинство при этом даже не поднимало глаз, не желая отрываться от своей важной и сложной работы. Некоторые рыли заградительные траншеи, дюйм за дюймом вгрызаясь в промерзшую землю. Траншеи были глубиной не более двух футов и довольно узкие, однако циклопы в пылу атаки вполне могли влететь в них и переломать ноги. Другие гномы рыли траншеи чуть подальше, вбивая в ближний к городу край зазубренные колья.

Лютиен преисполнился надеждой, наблюдая за спокойной, методичной работой гномов. Вообще-то говоря, на полях вокруг Кэр Макдональда находилась только небольшая часть всего клана. Большинство работало на стенах, и именно там юный Бедвир нашел Шаглина.

Чернобородый гном стоял вместе с несколькими своими соратниками возле небольшого столика, заваленного свитками пергамента, оглядываясь время от времени на стену и неопределенно хмыкая. Шаглин обрадовался приходу вождя, хотя заметил его только тогда, когда почувствовал на плече знакомую крепкую руку.

— Как дела? — поинтересовался Лютиен.

Шаглин покачал головой, и на лице его появилось недовольное выражение.

— Слишком уж хорошо они построили эту проклятую стену, — пробурчал гном, однако Лютиен не вполне понял суть проблемы. Разве крепкая стена не послужит на пользу обороняющимся?

— Только восемь футов высотой и не слишком-то толстая, — объяснил Шаглин. — Она не задержит одноглазых надолго. Вепреконь проломит эту проклятую штуку копытом.

— Мне показалось, ты только что сказал, что стена хорошо построена? — недоуменно спросил Лютиен.

— Это я про фундамент, — пояснил гном. — Они хорошо положили фундамент.

Люттиен только покачал головой. О чем он говорит?

Шаглин умолк, понимая, что лучше начать с самого начала.

— Мы решили не оборонять эту стену, — пояснил он, указывая на вторую стену, опоясывавшую Кэр Макдональд.

— Кто решил?

— Мои родичи и я, — ответил Шаглин. — Мы спросили Сиобу, и она согласилась.

И снова у Люттиена появилось неприятное чувство, что он всего лишь марионетка в руках Сиобы. На мгновение он пришел в ярость, что такие решения принимают без него, однако затем успокоился, осознав, что, если его соратники будут бегать к нему по поводу каждой мелочи, они скоро собьются с ног, а главное, ничего не успеют сделать.

— Итак, мы решили принять бой здесь и быстро отступить к городу, — продолжил Шаглин.

— Но если циклопы завладеют этой стеной, они смогут укрепиться, перестроиться и отдохнуть, — возразил Люттиен.

— Вот потому-то мы и думаем, как завалить эту треклятую стену! — раздраженно сказал гном.

— А как насчет того порошка, который ты насыпал в коробочку? — спросил Люттиен после минутного размышления. — В коробочку, которой я уничтожил припасы в Соборе.

— Его у нас слишком мало, — пробурчал гном в ответ, и Люттиен покраснел, устыдившись собственной несообразительности. Неужели гномы не воспользовались бы чудесным порошком, будь на то хоть какая-то возможность?

— К тому же его трудно делать, — добавил Шаглин. — Опасно.

Гном снова взглянул на пергамент, задумчиво теребя свою бороду. Он напомнил себе, что Люттиен просто пытался помочь и озабочен обороной Кэр Макдональда уж никак не меньше, чем сам Шаглин и его родичи.

— Мы используем этот порошок, чтобы разрушить самую прочную часть стены, — пояснил гном. — Но, проклятье, они хорошо строили!

— Так ведь можно разрушить ее сейчас и начать оборону прямо со второй стены, — предложил Люттиен, но Шаглин начал качать головой еще до того, как он закончил свою мысль.

— Обрушить ее — пустое дело, — уверил гном юношу. — Весь фокус в том, чтобы завалить ее наружу, прямо на головы одноглазым.

Шаглин вернулся к пергаментам, чтобы ответить на вопрос одного из своих подручных. Люттиен кивнул и пошел прочь, полностью уверившись в компетентности искусных строителей. Гномы приложат все силы, чтобы лишить врагов всех преимуществ, нанести им максимальный ущерб.

Люттиен знал, что они должны будут сделать это. Они должны.

Двое друзей, попавшихся в ловушку, все утро мрачно сидели, прислушиваясь к мерной поступи войска. Топот тысяч ног, звяканье и бряканье тяжелых доспехов и щитов, цокот копыт: это проходили вепрекони, любимые скакуны циклопов, меньше обычных лошадей и не столь быстрые, но зато более мощные и выносливые. Оливер с Кэтрин слышали, как катятся тележки, без сомнения, наполненные оружием и провизией.

Это продолжалось, и продолжалось, и продолжалось, а они ничего не могли поделать, чтобы помешать этому. Даже если бы нашелся способ выбраться наружу и удрать с «Горизонта», друзья никак не смогли бы остановить этот бесконечный поток.

— Когда они пройдут, мы получим свободу, — предположил Оливер, и Кэтрин согласилась, уверенная, что Гретель и ее друзья не питают неприязни к повстанцам. Они просто хотели избавить свой город от неприятностей. Однако для гордой девушки такая позиция была неприемлема. Война пришла, и, по ее мнению, любой эриадорец, не присоединившийся к повстанцам, был по меньшей мере трусом.

— Потом нам придется ехать очень быстро, — продолжал Оливер. — На северо-восток, в обход армии, чтобы предупредить наших друзей.

Он хотел сказать «наших друзей из Кэр Макдональда», но в тот момент, прислушиваясь к нескончаемому шуму армии, которая высаживалась в доках, хафлинг подумал, что, пожалуй, город в горах скоро вновь будет именоваться Монфором.

— Что нам это даст, — ответила Кэтрин голосом, полным горечи. Она вновь ударила кулаком по запертой двери и рухнула обратно на койку.

Высадка армии продолжалась все утро и некоторое время после полудня. Настроение Оливера поднялось, когда он обнаружил еду в ящике под койкой, но Кэтрин даже не могла есть, настолько ее рот был полон горечи.

Наконец суматоха снаружи начала стихать. Гул, ранее непрерывный, сменился отдельными всплесками, и голоса циклопов стали слышаться гораздо реже.

И наконец послышался стук в дверь.

Она распахнулась прежде, чем друзья успели ответить. Лицо Гретель было серьезным, но отнюдь не виноватым.

— Хорошо, — сказала она. — Я вижу, вы нашли еду, которую мы для вас оставили.

— Прекрасная рыба, — довольным голосом ответил хафлинг и тут же сник под гневным взглядом Кэтрин.

— Вы обещали, — почти крикнула девушка.

— Мы делаем то, что нужно, — пожала плечами Гретель. — Делаем то, что нужно.

— Даже если это означает гибель братьев-эриадорцев? — резко спросила Кэтрин.

— Мы были вынуждены обращаться с циклопами по-дружески и позволить им беспрепятственно пройти через нашу гавань, — попыталась объяснить Гретель.

Но Кэтрин не желала ничего слушать.

— У нас оставалась одна надежда: продержат их в гавани до тех пор, пока оборонительные работы в Кэр Макдональде не будут завершены, а из других мест не подоспеет подкрепление! — воскликнула девушка.

— И что мы могли сделать?

— Не дать им высадиться! — выкрикнула Кэтрин. — Разобрать причалы!

— А что потом? — язвительно поинтересовалась Гретель. — Одноглазые бы сидели на кораблях, строгая палочки? Подумай головой, девочка. Они бы двинулись дальше, нашли другое место для высадки, и мы не могли бы им помешать.

— Но мы бы выиграли время, — ответила Кэтрин без колебаний.

— В нашем городке только три тысячи жителей, — объяснила Гретель. — Циклопы вернулись бы в Порт-Чарлей, и мы не могли бы их остановить.

Старуха не закончила фразу, предоставляя Кэтрин возможность самой вообразить себе эту ужасную картину, однако та не желала слушать никаких доводов.

— Свобода Эриадора, вот что важнее всего, — процедила Кэтрин сквозь сжатые зубы, ее глаза метали зеленые молнии. Она яростно откинула назад копну рыжих волос.

— Гретель повторяет мои собственные слова, — раздался голос из-за двери, и в каюту вошел старик. Его борода была снежно-белой, а такие же волосы собраны сзади в конский хвост, на плечи накинута роскошная голубая мантия.

Оливер разинул рот от изумления, внезапно сообразив, кем был тот старик возле очага. Отличная маскировка!

— Я не знаю вас, — отмахнулась от старика Кэтрин, несмотря на пышные одежды и особенно манеру поведения, позволявшие счесть его не простым человеком. На какое-то мгновение она даже испугалась, что это один из герцогов Гринспэрроу.

— Зато я знаю тебя, Кэтрин О'Хейл, — произнес старик. — Знаю как лучшего друга Лютиена Бедвира.

— Точно, что ли? — воскликнул Оливер, вскакивая с койки.

Кэтрин взглянула на хафлинга и заметила, что они со стариком обменялись улыбками, какими могут обмениваться только друзья. Внезапно девушку осенило.

— Бринд Амор! — выдохнула она.

Старик склонился в низком, старомодном поклоне.

— Добрая встреча, Кэтрин О'Хейл, и сильно запоздавшая, — произнес он. — Я старик, — он подмигнул хафлингу, — и становлюсь старше с каждым днем, но все же еще могу оценить такую красоту, как твоя.

Сперва Кэтрин захотелось его ударить. Как он смеет говорить о такой ерунде — сейчас? Но она чувствовала, что в речи старика не было никакого высокомерия, что красота, о которой он говорил, была чем-то большим, нежели внешность. Старый волшебник был похож на заботливого отца, который беспокоится о юных и неопытных потомках, принимающих участие в серьезных событиях. Именно так старые рыбаки в Хейле обучали новичков, как вести себя в море. Бринд Амор был похож на этих рыбаков, но только учил он, как следует вести себя в жизни. Кэтрин почувствовала это инстинктивно и, вспомнив, что он полностью поддерживает Гретель, загорелась надеждой, что у него есть другой план, лучший план, что не все еще потеряно.

— Мы должны были пропустить циклопов в Порт-Чарлей. — Бринд Амор обращался преимущественно к девушке, понимая, что убедить ее будет не так легко. — Чтобы они и Гринспэрроу решили, что восстание в Монфоре...

— Кэр Макдональде, — поправила Кэтрин.

— Нет, — сказал волшебник. — Еще нет. Пусть они думают, что восстание в Монфоре значит очень мало. Что оно коснулось только одного города и не выйдет за его пределы. Мы должны смотреть далеко вперед.

— Но оборонительные сооружения не успеют закончить вовремя! — почти простонала Кэтрин.

— Далеко вперед, — резко повторил маг. — Если Эриадор действительно желает стать свободным, то это войско циклопов — самая малая из наших проблем. Задержи мы их в гавани, покажи мы им, что весь край захвачен восстанием, они бы просто послали один из кораблей на юг, чтобы оповестить Гринспэрроу и вернуться с подкреплением. А тем временем оставшиеся здесь циклопы заняли бы Порт-Чарлей и укрепились в нем, давая Гринспэрроу безопасную гавань к северу от Айрон Кросса.

— Как ты думаешь, скольких воинов потеряет Лютиен, пытаясь выбить четырнадцать тысяч преторианских гвардейцев из Порт-Чарлея? — хмуро спросил волшебник, и Кэтрин сникла. Действительно, ни она, ни Лютиен не подумали о подобной возможности. Однако сейчас, когда об этом заговорил Бринд Амор, она показалась очевидной и столь же ужасающей.

— Мы не враги вам, Кэтрин О'Хейл, — вмешалась Гретель.

Девушка устремила на старуху тяжелый взгляд, на лице ее явственно читался очевидный вопрос.

— Но мы враги одноглазым, — продолжила Гретель. — И кто бы ни стал правителем нашей земли, он должен быть уроженцем Эриадора, а не Эйвона.

Кэтрин прочитала на лице старухи искреннее сочувствие и поняла, что Порт-Чарлей действительно присоединился к повстанцам. Кроме того, только благодаря знанию своего родного городка она понимала, что Гретель не стала бы говорить с такой определенностью без поддержки всех жителей своего города.

— Мне кажется, что не нужно было пускать их к причалам, — вздохнула Кэтрин. — Возможно, нам удалось бы потопить один или два корабля, отправив вместе с ними на дно с полтысячи циклопов.

— Ну да! — согласился Бринд Амор. — Но тогда у циклопов остались бы те корабли, которые бы вам не удалось потопить.

По его лицу скользнула зловещая улыбка.

— Не этой ночью, но следующей, — сказал волшебник, и они с Гретель понимающе кивнули друг другу.

Бринд Амор вновь повернулся к ничего не понимающим друзьям.

— Следующая ночь будет очень темной, — объяснил он. — Достаточно темной, чтобы проникнуть на борт эйвонских кораблей. Через пару дней у Эриадора появится свой флот.

Улыбка мага была необыкновенно заразительной.

— Мне нравится ход ваших мыслей, — сказал Оливер.

10. МОСКИТЫ

Вести бежали впереди армии подобно лесному пожару, неслись от города к городу, летели по дорогам, передавались через горные перевалы и достигли Кэр Макдональда еще до того, как преторианская гвардия пересекла восточную границу Порт-Чарлея.

Лютиен воспринял новости стоически; делая вид, что ничего особо страшного не произошло, он сообщил соратникам, что этого следовало ожидать и что, хотя он надеялся получить немного побольше времени, город готов отразить атаку армии циклопов. Каждая его фраза встречалась приветственными криками. После того как повстанцы подняли над Собором древний флаг Кэр Макдональда, косой белый крест на зеленом поле, они рвались в бой, жаждали пролить еще больше крови циклопов.

Лютиен приложил все силы, чтобы воодушевление соратников не угасло. Он даже принял участие в празднике, который Шаглин организовал в «Гнэльфе». Выпив вволю пенистого эля, горожане заранее похвалялись своими будущими воинскими подвигами. Однако юноша ушел довольно рано, сославшись на огромное количество дел.

Но он не вернулся в Крошечный Альков, а отправился на задворки таверны и взобрался по водосточной трубе на крышу.

— Что за кашу мы заварили? — спросил юный Бедвир у звездного неба.

Воздух был свежим, но не очень холодным, яркие звезды сверкали подобно бриллиантам на черном бархате. Юноша постарался спокойно обдумать новости с запада. Войско циклопов не задержалось в Порт-Чарлее. Это могло означать только одно: рыбаки не пожелали встать на сторону повстанцев.

— Нам необходимы они все, — сказал Лютиен, словно обращаясь к толпе. Он понимал, что должен найти самые лучшие слова, которые смогут поднять боевой дух его сторонников, да и его собственный. — Весь Эриадор. Каждый мужчина, каждая женщина. Иначе все усилия, которые мы приложим, чтобы добиться победы, все наши жертвы окажутся напрасными. Если каждый эриадорец не поднимется на собственную защиту, если они не воспримут древний флаг Эриадора как свой собственный, они никогда не почувствуют себя по-настоящему свободными.

Лютиен подвинулся к западному краю крыши, столкнул вниз пласт слежавшегося снега и сел на освободившееся место. Отсюда он ясно видел огромный силуэт Собора, где полегло столько храбрецов, отдавших свои жизни ради общей свободы. Здание, возведенное как символ преклонения перед величием Господа, как знак людской любви к мудрости творца, при Гринспэрроу использовалось для сбора налогов и для вынесения приговоров в суде. Впрочем, о каком суде можно было говорить в те дни, когда городом управлял ставленник самозваного короля, алчный и жестокий герцог Моркней?

Звезды сверкали прямо над главной башней Собора. Казалось, величественное здание стремится в небо, к подножию трона самого Господа. Ночь была прекрасной, спокойной и тихой. В городе светилось всего несколько окон, на улицах не было ни души. Только из дверей трактира, где продолжался импровизированный праздник, иногда доносились крики и обрывки песен. Возле стены горели костры. Там располагался лагерь гномов, которые не прерывали работы даже по ночам, работая посменно. Кое-где пламя взвивалось вверх, но по большей части это было просто тусклое мерцание непрогоревших головешек.

— Отдохните хорошенько, — прошептал Лютиен. — Ваша работа еще не закончена.

— Как и наша собственная, — прозвучало у него за спиной.

Лютиен продолжал смотреть на звезды, сиявшие над Собором. Он даже не вздрогнул, не напрягся, когда рука Сиобы погладила его по затылку.

— Кэтрин и Оливер потерпели неудачу, — горько вздохнул юноша. — Мы потерпели неудачу.

Сиоба прочистила горло, и этот звук показался юноше скорее фырканием, чем кашлем. Он обернулся и взглянул ей в лицо.

Как она была красива в мягком ночном свете! Как подходила она к этому времени! Глаза девушки напоминали звезды в небесной выси, ее бледная кожа казалась почти прозрачной, струящиеся волосы, пышные и искрящиеся, составляли потрясающий контраст с резкими чертами эльфийского лица.

— Ты сдался еще до начала сражения, — бесстрастно сказала Сиоба.

— Но сколько там циклопов?! — воскликнул Лютиен. — И ведь это не просто одноглазые дикари. Это преторианская гвардия, лучшая часть армии Гринспэрроу. Десять тысяч? Пятнадцать? Я не уверен, сможем ли мы сдержать хотя бы половину этого количества.

— Пока циклопы дойдут до Кэр Макдональда, их станет гораздо меньше, — уверила его Сиоба. — А наши ряды пополнятся жителями западных городов.

Девушка провела рукой по груди Лютиена, наклонилась и поцеловала его в висок.

— Ты вождь, — сказала она. — Символ свободы Эриадора. Ты не можешь позволить себе колебаний.

И снова Лютиен Бедвир почувствовал себя пешкой в игре, слишком большой для того, чтобы он мог ее контролировать. Вновь он ощутил себя марионеткой в руках Сиобы. Прекрасная Сиоба! Однако на этот раз Лютиен не противился ее объятиям, не возмущался, что она дергает его за ниточки. Сейчас присутствие полуэльфийки, ее непоколебимая уверенность и сила послужили ему долгожданным облегчением.

Без Сиобы рядом, вернее — сзади, он не смог бы пережить этой ночи, окончательно потерял бы надежду и ощущение цели. Без Сиобы его чувство вины перед павшими и теми, кто еще должен пасть, заставило бы его отказаться от всех прошлых планов, потому что рядом с огромной силой, надвигавшейся с востока, будущая свобода Эриадора казалась недостижимой, как звезды, сиявшие над башней Собора.

Сиоба взяла Лютиена за руку и отвела его домой, в Крошечный Альков.

Беспокойство о судьбе родного края всю ночь не давало Кэтрин уснуть, а тут еще сопение Оливера за стеной в удобном номере крошечной гостиницы, расположенной в верхнем районе Порт-Чарлея. Однако на следующее утро воительница из Хейла не ощущала усталости, слишком возбужденная видом вражеской армии, когда они с хафлингом присоединились к Бринд Амору возле восточной дороги.

Основная часть войск Эйвона уже скрылась из глаз, уйдя на много миль от городка, а теперь проходил обоз, фургоны с оружием и провизией. Гретель направляла уходящие войска на пару с самым огромным и страшным циклопом, какого Кэтрин с Оливером приходилось видеть.

— Ну точно самый жуткий, — уверял хафлинг товарищей. — А уж я-то повидал циклопов.

— Не так много, как я, — вмешался Бринд Амор. — А Белсен Криг, как его зовут, действительно, наиболее впечатляющий.

— Жуткий, — поправил Оливер.

— Его нрав не лучше внешности, — добавил Бринд Амор.

— Он скоро уедет, чтобы присоединиться к основному отряду, — встревоженным тоном произнесла Кэтрин.

— Белсен Криг поведет их, — кивнул волшебник. Он указал на могучего вопреконя, одетого в тяжелую броню с торчавшими отовсюду острыми шипами. С первого взгляда Оливер и Кэтрин поняли, что он принадлежит предводителю циклопов. Только самый ужасный из одноглазых мог выбрать для себя столь кошмарного скакуна.

— Как только Белсен Криг и его воины уедут, мы сможем остановить обоз, — осенило

Кэтрин, и лицо ее просветлело. Затем, когда она взглянула на волшебника, ее улыбка погасла.

— Повозки будут идти весь день, — объяснил Бринд Амор. — А меньшая группа отправится завтра. Но вся пища у этой второй группы будет испорчена, а в питьевую воду будет добавлена морская. Белсену Кригу хватит припасов чуть больше, чем на половину дороги до Монфора, главное — чтобы они не вернулись в Порт-Чарлей. Пусть они достигнут цели голодными и измотанными, не готовыми к бою. Впереди их будет поджидать армия Лютиена, а наши войска — наступать им на пятки.

Оливер и Кэтрин одновременно подняли головы, пораженные последней фразой волшебника.

— Да, — пояснил Бринд Амор. — Жители Порт-Чарлея пошлют вслед одноглазым порядочные силы. Кроме того, каждая деревушка, отсюда и до Монфора, присоединится к восставшим. Они смогут нанести немалый урон армии циклопов.

Кэтрин не стала спорить с волшебником, хотя и опасалась, что тот выдает желаемое за действительность. Обида и гнев, скопившиеся в ее сердце, призывали любым путем вредить одноглазым и королю Гринспэрроу. Однако Бринд Амор уже успел заслужить ее доверие и уважение. Кэтрин понимала, что это ему удалось склонить на сторону повстанцев жителей Порт-Чарлея еще до того, как появились они с Оливером. Если все, что говорил маг, — правда, то он к тому же успел обеспечить союз с южными деревнями Эриадора. А если Порт-Чарлей сдержит слово, Эриадор вскоре получит мощный военный флот, возможно, не уступающий оставшемуся у короля Гринспэрроу.

И все же Кэтрин не могла забыть армию, идущую на восток, в Кэр Макдональд, на ее возлюбленного Лютиена. Сможет ли город выстоять?

Однако она должна была признать, что Бринд Амор правильно позволил циклопам пройти через Порт-Чарлей. Ведь если они действительно хотят увидеть весь Эриадор свободным, войска под предводительством Белсена Крига — малая часть той армии, которую может обрушить на них Гринспэрроу, — окажутся далеко не самой серьезной проблемой.

Эта мысль заставила ее зябко поежиться.

Предсказания Сиобы подтвердились уже на следующий день, когда жители окрестных деревень хлынули в город. В основном это были старики и совсем зеленая молодежь, они несли с собой припасы и были готовы при необходимости принять участие в защите стен Кэр Макдональда. И каждая группа рассказывала о своих самых крепких односельчанах, которые отправились навстречу армии циклопов, на запад.

Лютиен и не спрашивая понимал, что все это организовала Сиоба, что, пока он сидел на крыше, заранее переживая неизбежное поражение, эта девушка и ее верные эльфы поднимали жителей окрестных городов, убеждали их, что настало время сбросить иго захватчиков.

Народ откликнулся на призыв, и очень активно. За два дня гарнизон Кэр Макдональда с шести тысяч воинов вырос до десяти. И хотя многие из новых бойцов были слишком стары, чтобы выстоять врукопашную против мощных циклопов, все они выросли на суровых равнинах, охотясь на оленей и лосей, и великолепно обращались с длинными тисовыми луками. Не уступали им в меткости и юные воины, выступавшие мелкими отрядами навстречу одноглазым карателям. Таким образом, армия Белсена Крига впервые подверглась нападению уже в двух днях пути от Порт-Чарлея.

Нельзя сказать, чтобы огромное войско несло серьезные потери. Иногда из-за отдаленной скалы вылетала зажженная стрела, втыкаясь в повозку с припасами, иногда падал раненый, а то и убитый циклоп. Однако гораздо важнее были задержки и падение боевого духа. Циклопы не могли сражаться с противником, который налетал внезапно, жалил подобно рою разъяренных ос и тут же уносился прочь. Его невозможно было не только поймать, но даже увидеть.

Белсен Круг не давал своим воинам разбредаться и гнал их вперед, обещая, что, как только они захватят город, он позволит им убить тысячу людей за каждого мертвого циклопа.

Оливер наблюдал за туманом, опустившимся на город этой ночью, третьей после того, как войско циклопов высадилось в Порт-Чарлее, ничуть не сомневаясь в его магическом происхождении. Бринд Амор объяснял, что это очень простое волшебство, но Оливер находил его потрясающим. Идеальный покров для намеченного на эту ночь!

Семьдесят кораблей из Эйвона неподвижно застыли в гавани. Огромные суда, многие из которых были снабжены катапультами и баллистами, установленными на кормовых палубах. Изучая огромные плавучие крепости, Оливер и Кэтрин сошлись во мнении, что Бринд Амор вовремя появился в рыбацком городке. Если бы они следовали первоначальному плану, это живописное поселение превратилось бы в груды развалин.

Кэтрин, волшебник и Гретель присоединились к Оливеру чуть позже. Девушка немедленно бросила грозный взгляд на хафлинга, но тот сделал вид, что ничего не заметил.

Кэтрин сорвала огромную шляпу с головы приятеля и дернула за его пурпурный плащ. — Неужели ты не мог одеться более подходящим образом? — прошептала она.

Оливер отобрал у нее свою шляпу и прижал свободную руку к сердцу, словно зажимая смертельную рану.

— Но я и оделся! — вскричал он. — Неужели ты не понимаешь, как важно навести страх на врага?

— Если этой ночью все будет как надо, — вмешался Бринд Амор, — наши враги нас так и не увидят.

— Еще как увидят, — заверил Оливер. — Я обязательно разбужу хотя бы одного и позволю ему взглянуть в глаза роковой судьбе, прежде чем моя рапира проткнет ему глотку.

Кэтрин улыбнулась. Ей нравился акцент испытанного боевого товарища, то, как смешно он растягивал слово «рапира». На самом деле она не сердилась на хафлинга за его наряд, а просто хотела немного поддразнить приятеля, чтобы отвлечься и успокоить собственные взвинченные нервы. Кэтрин привыкла к открытому и честному бою, и ей претило подкрадываться ночью, убивать спящих.

Однако она понимала, что другого выхода нет. Семьдесят кораблей, около тысячи циклопов. Они не могли ошибиться, ни один корабль не должен был ускользнуть и вернуться к Гринспэрроу.

Жители Порт-Чарлея не ложились этой ночью. Многие одноглазые сошли на берег, и даже оставленные на вахте, соблазнившись предложенным угощением, решились оставить свои посты. Все три таверны, имевшиеся в городке, гостеприимно распахнули свои двери. Несколько дюжин хозяев частных домов также зазывали к себе гостей.

Избиение началось около полуночи, когда циклопы были слишком пьяны, чтобы понять, что происходит. К этому времени около сотни маленьких лодочек уже скользили сквозь туман к стоявшим на якоре кораблям.

— Сигнал! — прошептала Гретель, указывая на огонек, мерцавший на севере. Она подняла вверх прикрытый чехлом фонарь и несколько секунд им помигала, сдергивая и снова опуская чехол. Послание отправилось дальше, от дозорного к дозорному.

Бринд Амор, Оливер и Кэтрин ступили на борт маленькой лодки, управляемой двумя жителями Порт-Чарлея, мужем и женой.

— В Гаскони есть такие насекомые, очень похожие на нас, — начал Оливер и осекся, когда волшебник и девушка хором шикнули на него. — В основном они появляются из Эспана, оттуда же и их название, — продолжил он уже шепотом. — Москиты. Хитрые твари. Ты слышишь их около собственного уха и шлепаешь ладонью, но они уже не там. Они уже где-то на другом месте, пьют твою кровь. Вот и мы такие же москиты, — закончил хафлинг. — Москиты на заднице Гринспэрроу.

— И будем надеяться, что москитов достаточно, чтобы выпить всю кровь из тела, —

добавил Бринд Амор. Дальше они плыли молча, еле касаясь веслами воды; этой ночью скрытность была важнее скорости.

Когда лодка стукнулась о борт корабля, Оливер ухватился за якорный канат и быстро, с обезьяньей ловкостью полез вверх. Добравшись до огораживающего палубу леера, он на мгновение задержался, а затем, к полному ужасу всех остальных, заговорил.

— Приветствую тебя, мой одноглазый, кривоногий и уродливый мореход, — сказал он, извлекая из-под плаща фляжку. — Ты пропустил все веселье, но не грусти, я, Оливер де Берроуз, привез его прямо сюда!

Рыбаки на лодках встревожились, но Кэтрин, уже знакомая с манерами хафлинга (и наконец начавшая понимать, за что Лютиен так его любит), выпрямилась в лодке и сняла с плеча лук.

Они не могли видеть, что происходит на палубе, — только спину Оливера и его развевающийся на ветру плащ.

— А еще я привез тебе женщину, — говорил хафлинг. — Но это обойдется тебе в несколько ваших прекрасных эйвонских золотых.

Как и следовало ожидать, заинтересованный циклоп перегнулся через леер, чтобы ознакомиться с предлагаемым товаром, и тут же получил в голову стрелу.

Оливер мгновенно сгреб его за воротник и швырнул за борт. Тело рухнуло вниз и скрылось в волнах.

Бринд Амор собирался как следует отругать хафлинга за поднятый шум. А что, если на палубе были и другие циклопы? Но Оливер уже скрылся из виду.

Оказалось, на палубе и вправду был еще один циклоп, но к тому времени, как по канату вскарабкалась Кэтрин, он был уже мертв, а Оливер, стоя на груди поверженного противника, обтирал полый плаща запачканный кровью клинок.

— Москиты, — прошептал он. — 3-3-3!

Нечто подобное происходило на палубах всех кораблей, бросивших якорь в гавани, казавшейся столь гостеприимной.

Дела на берегу шли ничуть не хуже. Только в одной из трех таверн да еще в паре домов из дюжины циклопы сохранили достаточно мозгов, чтобы хотя бы попытаться сопротивляться.

Когда волшебный туман рассеялся, оказалось, что погибло около двадцати жителей Порт-Чарлея, да еще семеро получили ранения. Но в городе не осталось в живых ни одного циклопа, а у повстанцев появился флот из семидесяти мощных военных кораблей.

— Это было слишком легко, — сказал Бринд Амор Оливеру и Кэтрин, перед тем как лечь спать.

— Они не ожидали никаких неприятностей, — ответила девушка.

Волшебник кивнул.

— Эти ребята нас недооценивают, — добавил Оливер.

— Да, — согласился Бринд Амор, — и если они не поумнеют, Монфор не будет взят. — Он очень надеялся, что так оно и будет, но не мог выкинуть из головы образ мощного, злобного, хитроумного Белсена Крига, а потому сомневался, что предстоящие дни окажутся столь же легкими, сколь прошедшая ночь.

Чуть позже утром, когда москиты хорошенько отдохнули после ночных подвигов, горожане Порт-Чарлея сформировали отряд в тысячу бойцов. Во главе колонны, направлявшейся на восток, встали Кэтрин на Ривердансере, Оливер на Тредбаре и Бринд Амор верхом на отличном чалом жеребце, в сопровождении Фелпси Дозера, который командовал ополчением во время первой войны с Гринспэрроу двадцать лет назад.

Они отправлялись в Монфор, который Бринд Амор пока не позволял называть Кэр Макдональдом.

11. ДИВЕРСИЯ

Белсен Криг, чье уродливое лицо представляло собой маску бешеной ярости, рванул веревку, перетягивавшую один из тюков с провизией, сваленных на повозку, и запустил внутрь огромную волосатую ручищу. Остальным циклопам, стоявшим вокруг, не было нужды дожидаться, пока их командир вытащит руку обратно, чтобы догадаться о содержимом тюка.

— Испорчено! — взревел главнокомандующий. Он швырнул высоко в воздух горсти ни к чему не пригодной провизии — муки пополам с песком.

Монфор находился всего в тридцати милях от Порт-Чарлея — если по прямой, однако труднопроходимая, особенно в такое время года, местность заставила Белсена Крига положить на эту дорогу пять дней. Армия продвигалась успешно — к третьему утру они преодолели более половины пути. Теперь перед ними открывалась прямая дорога на восток, проходившая по большей части в стороне от гор.

Но у них было очень мало пищи. Солдаты оставили Порт-Чарлей, почти не захватив с собой припасов. Согласно плану, повозки должны были нагонять их в пути. Так и происходило в течение первых двух дней, однако, когда на второй день, после полудня, обоз отправился обратно в порт, чтобы пополнить запасы, на повозки напали и подожгли их.

Белсен Криг немедленно снарядил отряд из тысячи лучших воинов, чтобы встретить следующий обоз, двигавшийся на восток. Обоз без особого труда прорвался через несколько организованных повстанцами засад, и его встретили приветственными криками. Однако радость сменилась унынием, когда одноглазые обнаружили, что провизии на повозках практически нет.

Предводитель циклопов долго, очень долго смотрел на запад, воображая картины пыток и казней, которым он подвергнет этих безумцев. Судя по тому, что обоз беспрепятственно вышел из Порт-Чарлея, там действовала всего лишь маленькая группка сочувствующих повстанцам. Но он, Белсен Криг, не станет тратить время на поиски виновников, о нет! Он сравняет с землей этот город, потопит все их драгоценные рыболовные посудины! Он будет убивать...

Циклоп придержал разбушевавшееся воображение. Сейчас не время для подобных мечтаний. У него слишком много других, очень серьезных проблем. Белсен Криг подумал было вернуться назад, в Порт-Чарлей, снести городишко и накормить своих людей человечиной, если не найдет ничего другого. Затем он оглянулся на восток, на ровную дорогу, идущую почти до самого Монфора. Оставалось всего двенадцать миль, как минимум десять из которых находились за пределами вероломных гор. Если поднажать, армия подойдет к стенам города на следующий день под вечер. Возможно, им даже встретится пара деревень, где удастся пополнить запасы.

Тогда они смогут устроить пир.

Предводитель циклопов задумчиво кивнул огромной головой, и глаза воинов, окруживших его тесным кольцом, загорелись надеждой. Уж наверное, их потрясающий командир нашел выход из этого положения!

— У нас осталось чуть больше двух часов светлого времени, — объявил Белсен Криг. — Удвоить шаг!

Из толпы воинов раздалась пара разочарованных стонов, но единственный грозный взгляд командира моментально утихомирил собравшихся.

— Удвоить шаг, — вновь повторил он ровным, спокойным голосом. Если бы это было обычное племя циклопов, одна из тех диких шаек, которые периодически спускаются с гор, чтобы вволю поразбойничать, за жизнь Белсена Крига в этот момент нельзя было бы дать и ломаного гроша. Но он командовал преторианской гвардией: большая часть ее бойцов провела многие годы жизни на службе у короля Гринспэрроу. Поэтому недовольный ропот быстро стих, бурчали только пустые желудки, а одноглазые, моментально построившись для похода, бодро двинулись вперед. Они успели пройти около двух миль, прежде чем солнце скатилось за горизонт, а в воздухе повеял прохладный ночной ветерок.

Посланные Белсеном Кригом разведчики вернулись вскоре после того, как был разбит

лагерь. Они сообщили, что обнаружили впереди, не слишком далеко от дороги, деревню, всего в нескольких милях к северу от Монфора. Разведчики уверяли, что поселение обитаемо, поскольку, когда спустились сумерки, во всех окнах загорелся свет.

Грозный предводитель циклопов улыбнулся, обдумывая полученное известие. Однако он все еще не знал, как быть с этими повстанцами и насколько распространилось их влияние. Поход в маленькую деревушку может оказаться рискованным, в результате еще больше эриадорцев могут присоединиться к борьбе против короля Гринспэрроу. Белсен Криг хорошо знал своих солдат и понимал, что их моральные принципы падают вместе с уменьшением количества припасов. Наконец он решил, что его люди все равно пойдут в деревню и возьмут то, что им потребуется. А если при этом погибнет несколько людишек да пара домов сгорит дотла, значит, так тому и быть.

Слухи быстро распространились по лагерю, и усталые воины укладывались спать, окрыленные надеждой наполнить пустые желудки.

Однако спустившаяся ночь, как и предыдущая, не принесла ни покоя, ни отдыха, а надежда сменилась растерянностью. Отряды повстанцев кружили вокруг лагеря, засыпая циклопов стрелами, иногда зажженными, иногда обычными, которые свистели в темноте, вонзаясь в землю, деревья, палатки и даже в самих циклопов, порождая в лагере полную сумятицу. Несмотря на то, что ни один из циклопов не погиб, сотни зажженных стрел, сверкавших на фоне ночного неба, изрядно подорвали боевой дух целой армии.

Белсен Криг понимал, что мелкие группы повстанцев не способны нанести серьезный урон мощной, хорошо вооруженной армии. Понимал он и то, что его бойцы нуждаются в отдыхе. Однако из соображений дальнейшей безопасности необходимо дать хороший урок этим оборванцам. Подобная наглость не могла остаться без ответа. Были сформированы отряды и высланы в темноту, но они не увидели ничего среди заснеженных полей, а слышали только насмешки неуловимых повстанцев, которые прекрасно знали этот край, свою родину.

Один из отрядов, возвращаясь в лагерь, был коротко, но открыто атакован при подъеме на небольшой холм. Группа людей налетела из укрытия этого самого холма, молотя одноглазых дубинками и старыми дедовскими мечами, накалывая на вилы и полосуюя серпами. Они пронеслись сквозь отряд, не имея ни малейшего намерения ввязываться в бой, и растворились во тьме. Несколько секунд суматохи, еще один шип, воткнувшийся в бок огромной армии.

Собственно говоря, была убита всего дюжина преторианских гвардейцев да около сорока получили легкие ранения. Но не многие циклопы спали в ту ночь, да и тем, которым все же удалось заснуть, вряд ли снились сладкие сны.

— Наживка проглочена? — спросил Лютиен у Сиобы вскоре после того, как наступил дождливый, серый рассвет следующего дня. Он смотрел с северной стены Кэр Макдональда, через поля и живые изгороди.

— Феллинг Даунз, — ответила полуэльфийка. — Весь вчерашний день мы держали там пятьдесят бойцов, которые жгли лампы всю ночь напролет. — Мы ожидали, — ухмыльнулась она, — что нас атакуют разведчики, высланные циклопами, но они так и не осмелились.

Лютиен окинул ее уважительным взглядом. Он недоумевал, где девушка провела предыдущую ночь, а сейчас поражался собственной глупости. Можно было догадаться, что она лично поведет группу воинов в маленькую деревушку севернее Монфора, избранную в качестве приманки. Где бы ни кипело сражение, Сиоба всегда была впереди. Даже Шаглин и остальные гномы, настрадавшиеся под владычеством Гринспэрроу, не были столь фанатичны. Все в жизни Сиобы вращалось вокруг восстания и уничтожения циклопов.

Абсолютно все.

— Сколько человек шло? — спросил Лютиен.

— Три сотни.

И вновь юноша поднял на нее недоумевающий взгляд. Три сотни? Войско циклопов превосходило их числом в пятьдесят раз, а они собирались отправить в бой всего три сотни воинов? Высоко поднятые брови над карими глазами заменили очевидный вопрос.

— Мы не можем достаточно хорошо спрятать там много народа, — пояснила Сиоба, и в ее тоне явственно слышалась уверенность, что они отлично справятся и так. Она, возможно, еще больше, чем Лютиен, хотела нанести максимальный урон армии циклопов. — Мы не можем рисковать многими жизнями на открытом пространстве.

Лютиен кивнул. Все это было правдой. Собственно говоря, сперва он вообще был против того, чтобы покидать укрепленные стены города. Но уж слишком красивым был план засады. Циклопы наверняка выберут самую легкую дорогу к Кэр Макдональду, а значит, им придется пересечь небольшую речушку к западу от Феллинг Даунза, затем повернуть на юг, пройти сквозь поселение и направиться прямо к подножию гор и стенам города. Существовал всего один мост через речку, на северо-западе от Феллинг Даунза, но Лютиен со своим отрядом могли пересечь ее вброд, чуть к западу от Кэр Макдональда. Затем они смогут направиться на север и укрыться среди живых изгородей южнее моста, который Шаглин и его соплеменники уже подготовили к обрушению. Когда основная часть армии перейдет реку, мост обрушится, а циклопы, отрезанные на западном берегу, лицом к лицу столкнутся с отрядом Лютиена.

— Это очень важный день, — заметил юный Бедвир. — Первая настоящая проверка армии Эйвона.

— И нашей собственной, — добавила Сиоба.

Лютиен хотел было возразить, напомнить, что проверкой для них явилось взятие Монфора, но остановился, осознав правоту слов девушки. В первый раз повстанцы столкнутся с большим отрядом преторианской гвардии, тренированной и подготовленной армией.

— Отряд ушел? — спросил Лютиен.

Сиоба кивнула, машинально взглянув на запад.

— И ты скоро отправляешься за ними? — продолжал Лютиен. Впрочем, вопрос являлся почти риторическим, поскольку Сиоба наверняка поспешит туда, где скоро начнется битва. — Тогда нам нужно поторопиться, — добавил он.

От Сиобы не укрылся тот факт, что Лютиен внезапно включил себя в отряд, отправлявшийся в засаду. Она окинула юношу долгим взглядом, и тот не мог определить, читалось в нем осуждение или одобрение.

— Твоя жизнь — слишком большая ценность, — начала было она.

— Жизнь любого эриадорца большая ценность, — возразил Лютиен, твердо решивший не уступать. В последнее время каждый раз, когда он пытался принять участие в бою, кто-нибудь, а чаще всего Сиоба, обязательно напоминал, что вождь слишком ценная фигура, чтобы рисковать собой.

На этот раз Сиоба не стала спорить. Она во многих случаях могла управлять действиями Лютиена, могла удержать его от многих неверных решений, но со дня взятия Монфора полуэльфийка знала, что ничто не сможет удержать его от участия в бою.

— Это проверка для армии Эйвона, — пояснил Лютиен. — И я должен видеть, как они ее пройдут.

В голову Сиобе пришло несколько аргументов против. Ведь боевой дух повстанцев будет подорван, если Лютиен Бедвир, Алая Тень, погибнет еще до того, как циклопы хотя бы подойдут к стенам города. Однако она удержала свои сомнения при себе и решила, что ничего с Лютиеном не случится. В городе он не раз попадал в самые опасные ситуации, и, то ли благодаря воинскому искусству, то ли по слепому везению, всегда выходил из них практически без царапинки.

Они уехали вместе, направившись сперва на запад, а затем на север, в сопровождении только нескольких эльфийских лучников. Менее чем через час после рассвета три сотни воинов, тщательно отобранных для этой операции, залегли в миле от моста через реку,

носившую имя Феллинг Ран. Глядя через реку, одноглазые мародеры могли увидеть клубы дыма, поднимавшиеся из труб крохотного городка, — еще одна для них приманка.

А вскоре после этого затаившиеся повстанцы впервые увидели эйвонскую армию — огромную черную с серебром массу, взрывающую землю и потрясавшую ее мерной поступью. Лютиен надолго затаил дыхание, впервые осознав истинную мощь противника. Он подумал об Оливере с его планами покинуть повстанцев, ускользнув в северные земли, и впервые усомнился, так ли уж неправ был хафлинг?

12. ФЕЛЛИНГ ДАУНЗ

Клубы дыма, поднимавшиеся из труб Феллинг Даунз, попали в поле зрения циклопов, двигавшихся на юго-восток. Они подошли к Феллинг Ран, крохотной речушке — просто разбухшему ручью, не более двадцати футов шириной и глубиной по пояс человеку среднего роста. С высокого берега можно было разглядеть бегущую воду, но большая часть реки еще была замерзшей, покрытой серым льдом, присыпанным белым снежком.

Белсен Криг направил своего могучего вопреконя прямо к берегу, южнее единственного мостика, видневшегося по всей длине речушки, и принялся разглядывать поток и городишко по другую его сторону. Можно было переправиться здесь, а затем повернуть к Монфору или повернуть на юг прямо сейчас, направляясь к предгорьям на западе от Монфора. Грозный предводитель циклопов все еще хотел ограбить этот городок, все еще считал, что его войску пойдут на пользу пища и кровь мирных жителей, которых они там наверняка найдут. Однако он колебался по причинам, которые сам понимал не до конца. Возможно, этот городок выглядел слишком соблазнительной добычей. Здешние жители знали, что подходит армия циклопов, Белсен Криг не сомневался в этом, особенно учитывая ночные атаки, не прекращавшиеся уже несколько суток. Каждый эриадорец знал о походе, и, конечно, мало кто из них относился с симпатией к интервентам. Так почему же обитатели этой деревни остались в своих домах, зная о приближении армии?

— Задержка, мой господин?

Белсен Криг обернулся и увидел четырех младших офицеров, сидящих на вопреконях. Офицеры смотрели на своего не склонного обычно к долгим раздумьям командующего с некоторым недоумением.

— Солдаты начинают роптать, — заметил один из них, худощавый циклоп с длинными, волнистыми седыми волосами и огромными бакенбардами, — и то, и другое было редкостью у их племени. Этого прозвали Длинным Рукавом за его любовь к дорогим рубашкам с длинными рукавами, достававшими ниже запястья.

Белсен Криг вновь бросил взгляд за Феллинг Ран, на клубы дыма. Они выглядели весьма соблазнительно. Предводитель циклопов знал, что Длинный Рукав говорит правду — его воины должны были истекать слюной, глядя на столь близкую добычу.

— Мы должны отдать приказ к продолжению марша, — вмешался другой офицер.

— Через реку или к югу? — спросил Белсен Криг скорее у себя самого, чем у окружающих.

— На юг? — изумился Длинный Рукав.

— Мы можем свернуть на юг, к предгорьям, и подойти к Монфору с западной стороны, — ответил другой циклоп, адъютант одного из офицеров. Длинный Рукав двинулся было вперед, желая заткнуть рот наглецу, но его командир оттолкнул назад своего ретивого помощника, объяснив, что этот циклоп лучше всех знает здешние края, поскольку долгие годы служил в гарнизоне Монфора.

— Продолжай, — приказал Белсен Криг адъютанту.

— Феллинг Ран не очень широка здесь, — продолжил одноглазый, указывая на юг. — Просто несколько ручейков, слившихся вместе. Мы можем подняться по течению, перейти речушку вброд, и тогда до Монфора останется всего несколько миль.

Офицеры отнюдь не разделяли его воодушевления. Им очень хотелось занять

городишко и предоставить оголодавшим солдатам возможность подкрепиться и развлечься. Белсен Криг понимал это, как и опасения офицеров, что среди их подчиненных может начаться массовое дезертирство. Городок был на другом берегу, в какой-нибудь полумиле, нужно было только пересечь ровное поле. Быстрая и легкая нажива.

Но оставалось еще это мучительное чувство. Белсен Криг повидал много, очень много битв. И, как у всякого опытного воина, у него имелось некое шестое чувство, предупреждавшее об опасности. Что-то здесь было не так.

Однако прежде, чем он успел прислушаться к нему, разобраться в ситуации или хотя бы просто приказать армии двигаться к югу, офицеры забросали его аргументами в пользу переправы и захвата городка. Они видели, к чему склоняется их командир, и очень боялись, что им не удастся поразвлечься перед тяжелой битвой под стенами Монфора.

Белсен Криг выслушал их очень внимательно. Он всерьез опасался, что стал жертвой мании преследования, шарахается от собственной тени. Многие эриадорцы определенно находились на стороне повстанцев — ночные атаки служили тому убедительным доказательством, — но в целом вся страна вела себя вполне прилично. Не слишком лояльно по отношению к Гринспэрроу, но тихо, робко.

Офицеры продолжали сыпать доводами: они хотели попробовать вкус крови и раздобыть провизию. Белсен Криг не думал, чтобы на другом берегу их ждала слишком уж богатая добыча, но все же был вынужден сдаться. В конце концов, он возглавлял армию, состоящую из почти пятнадцати тысяч преторианских гвардейцев, а самый удобный подход к Монфору был на другом берегу.

— Мы переправимся здесь, — решил полководец, и лица четырех офицеров просветлели. — Разрешаю сравнить городишко с землей, но, — продолжил он, глядя в радостно ухмыляющиеся лица своих подчиненных, — к закату мы должны быть под стенами Монфора.

Офицеры, не сговариваясь, взглянули на знатока здешних краев, который утвердительно кивал головой. Монфор находился всего в пяти милях легкого пути от деревни Феллинг Даунз.

А чуть подальше на юг, притаившись в кустах, в бороздах, оставленных гигантскими валунами, в окопах, вырытых вдоль невысокого горного хребта, Лютиен и три сотни его воинов напряженно ждали. Они планировали, что циклопы пересекут Феллинг Ран по мосту, но по непонятным причинам армия медлила.

— Проклятье, — пробормотал Лютиен, когда ожидание стало совсем уж невыносимым. Они сделали ставку на переправу одноглазых, но, если те повернут к югу, юноше и его бойцам придется сломя голову нестись обратно в город. Даже если они доберутся туда без особых стычек с циклопами, вся эта операция будет чистым проигрышем. Три сотни воинов принесли бы гораздо большую пользу под стенами Кэр Макдональда, участвуя в строительстве оборонительных сооружений.

— Проклятье, — повторил юный Бедвир, и Сиоба, прятаясь рядом с ним, на этот раз не нашла слов для утешения. Она тоже прекрасно понимала ситуацию, а потому задумчиво пожевывала свою нижнюю губу.

Затем от замершей в ожидании приказа армии отделилась маленькая группа циклопов. Сперва разведчики гнали своих вепреконе галопом, но, приближаясь к мосту, они перешли на рысь, затем на шаг и начали величественно изучать деревянные конструкции.

— Проклятье, — почти простонала Сиоба.

Мост через Феллинг Ран был целиком построен из дерева и возвышался над замерзшим потоком всего на какие-то пятнадцать футов. Однако он выглядел вполне надежно и, насколько помнили местные жители, с момента постройки всего несколько раз подвергался незначительному ремонту. Десять лошадей или семь вепреконе могли проехать по нему в ряд, а его деревянный, слегка изогнутый помост был укатан колесами бесчисленных

купеческих повозок, пересекавших речушку на пути из Порт-Чарлея в Монфор.

Пятерка циклопов, посланных на разведку, не выглядела очень обеспокоенной — в конце концов, падение с высоты пятнадцать футов в не особенно глубокую и быструю реку не казалось таким уж страшным происшествием. На мосту они спешили и разделились — двое шли слева, двое справа и один посередине. Затем крайние опустились на колени и перегнулись вниз, пытаясь рассмотреть, что находится под ними.

Массивные дубовые балки казались прочными и надежными. Даже циклопы, мало знакомые с инженерными работами, могли оценить прочность моста. Сперва один из двигавшихся по правому краю, а затем и другой издали вопль «Ек-хо!», их обычный сигнал, что все в порядке.

Внезапно один из левых циклопов, осматривавший край моста, неподалеку от восточного берега, заметил нечто странное. Среди серых и обветрившихся брусьев в глаза бросались два новых колышка, вокруг которых еще даже виднелись свежие опилки.

— *Ек-хо!* — крикнул левый задний циклоп, направляясь к своему бдительному товарищу, находившемуся возле восточного берега, единственному из всех не подавшему сигнала.

— *Ек-хо?* — спросил он, наклоняясь пониже, чтобы понять, что привлекло внимание приятеля.

Тот указал на свежие колышки.

— Ну и что? — удивился второй. — Зима была суровой, и мост нуждался в починке.

Другой циклоп не разделял его уверенности. Снедаемый каким-то безотчетным предчувствием, он совсем уже было собрался спуститься вниз, чтобы рассмотреть подозрительное место повнимательнее. Только его товарищ не пришел в восторг от этой идеи.

— Подавай сигнал, — потребовал он.

— Но колышки...

— Если ты не подашь сигнала, мы повернем к югу, — проворчал второй.

— Если мост провалится... — попытался объяснить бдительный циклоп.

— Тогда те, кто будет на нем, полетят вниз, — закончил за него другой. — Но те, кто успеет перейти, а мы будем в первых рядах, доберутся до городишка и получают еду. У меня целый день бурчит в животе, да и вчера было то же самое. Так что подавай сигнал, или получишь кулаком в глаз!

— Что там такое? — спросил циклоп, стоявший на середине моста.

Бдительный одноглазый бросил последний взгляд на подозрительные колышки, затем посмотрел на товарища, который тайком показывал ему кулак.

— *Ек-хо!* — крикнул он наконец, и одноглазый с середины моста не стал задавать ему дальнейших вопросов.

Клич достиг томящейся в ожидании армии, и та немедленно двинулась вперед, сомкнув ряды как можно теснее, чтобы пересечь опасное место с максимальной скоростью.

Под мостом, скорчившись в замаскированных кабинках между огромных балок, три гнома, которые прекрасно слышали разговор наверху, облегченно вздохнули. Теперь над их головами раздавались мерная поступь пехоты и топот копыт непреконей. Каждый из гномов сжимал в руках тяжелую киянку. Когда с юга придет сигнал, они должны будут выбить специальные колышки, которые сейчас удерживали всю конструкцию, и обрушить мост.

Чуть дальше к югу Лютиен и все остальные тоже облегченно вздохнули, увидев, что армия Эйвона двинулась на восток. Лютиен достал и собрал свой лук, остальные достали из колчанов длинные стрелы. Теперь оставалось только ждать.

Переправились уже половина войска, включая всю кавалерию, но все же отряд, сидевший в засаде, не спешил с выстрелами.

Передние ряды циклопов приближались к Феллинг Даунзу. Скоро одноглазые обнаружат, что городок пуст, и уйдут. Однако его жители оставили немало силков и ловушек, а пропитанные маслом дома, к дверным косякам которых были прикреплены

стальные кресала, только и ждали, когда захватчики войдут внутрь.

Ожидавшим в засаде воинам было очень важно правильно рассчитать время. Они не хотели оставить на этой стороне слишком уж много циклопов, должны были учесть и ту пару минут, которая потребуется им, чтобы спуститься вниз и завязать бой. Но они не могли и слишком долго ждать, позволяя всем одноглазым перейти через реку. Одна эльфийка затаилась менее чем в двух сотнях футов от моста, в норе под одиноко стоявшим деревом. Ей поручили считать оставшихся врагов и в нужное время подать сигнал остальным. Поэтому Лютиен и его воины напряженно ждали солнечного зайчика, пущенного маленьким зеркальцем.

Большая часть войска переправилась. Теперь циклопы двигались гораздо увереннее и не очень-то соблюдали строй. Сиоба кивнула, и длинные луки натянулись в ожидании сигнала.

Блеснуло зеркальце. Воздух наполнился свистом стрел. Первый залп обрушился на восточный берег, сразу за мостом; три сотни стрел должны были помешать тем циклопам, которые попытаются вернуться назад, до того как мост провалится.

Среди одноглазых началась паника, воздух наполнился криками, стонами и ржанием вопрекопей, где-то на западе трубил рожок.

В общем шуме и суматохе невозможно было расслышать удары киянок в умелых руках гномов, одноглазые метались, не зная куда укрыться от смертоносных стрел.

Следующий залп накрыл те три сотни циклопов, которые остались на западном берегу.

Командиры надрывались, выкрикивая приказы, войско пыталось развернуться, чтобы встретить лицом к лицу неожиданного противника. Циклопы на обоих берегах поспешно загораживались щитами, чтобы укрыться от эльфийских выстрелов.

Одна группа всадников, около дюжины одноглазых верхом на вопрекопях, включая офицера по кличке Длинный Рукав, галопом влетели на мост, чтобы вернуться на западный берег.

Балки пронзительно закрипели. Снизу раздался ужасающий грохот ломающегося льда и всплески. Кавалерийский отряд находился уже на середине пути, безжалостно топча пехоту, спихивая в воду тех, кто не успевал убраться с дороги.

Мост рухнул.

Теперь все выстрелы с юга сосредоточились на тех невезучих циклопах, что так и застряли на западном берегу. Каждый залп наносил им все меньший и меньший урон, так как одноглазым удалось, наконец, сомкнуть свои массивные щиты и укрыться за импровизированной стеной.

С криками «Свободный Эриадор!» и «Кэр Макдональд!» повстанцы выскочили из своих укрытий. Звенела тетива луков. Между противниками оставалось всего двадцать футов, циклопы выбрались из-за стены сомкнутых щитов и ринулись вперед. Однако подобная тактика была хорошо известна повстанцам. Все как один они опустили на колени и в упор, почти не целясь, выпустили еще по одной стреле.

Этот залп оказался самым смертоносным, поразив не менее сотни одноглазых и заставив остальных метаться в беспорядке.

Из ножен появился «Ослепительный», и Лютиен повел своих воинов в атаку.

Оставшиеся на противоположном берегу циклопы выли и ревели. Некоторые швыряли длинные в тяжелые копья, остальные вели беспорядочную стрельбу из арбалетов. Но одноглазые воины никогда не могли похвастаться особой меткостью, так что их стрелы, хоть и многочисленные, не причиняли почти никакого вреда.

И все же циклопы наконец встретились с доселе неуловимым противником и теперь жаждали крови. Многие карабкались по тем балкам моста, которые еще не успели обрушиться вниз, в то время как другие, побуждаемые приказами неумолимого Белсена Крига, пытались пересечь речушку по хрупкому весеннему льду.

Большинство из них не успели добраться даже до середины, когда лед под ними провалился и одноглазые оказались в ледяной воде.

На западном берегу бойня была в полном разгаре. Хотя на каждого циклопа теперь приходилось как минимум два повстанца, закаленные бойцы преторианской гвардии сражались отчаянно.

Но когда большая их часть погибла, а остальные поняли, что вряд ли получат какую-либо помощь с восточного берега, циклопы дрогнули и побежали. Они мчались назад с небывалой скоростью, словно надеялись без остановок добраться до Карлайла!

Однако им не удалось отойти далеко. Всего в сотне ярдов от моста они столкнулись с новым противником. На растерявшихся циклопов налетел тот самый отряд повстанцев, который донимал войско с момента выхода из Порт-Чарлея.

Воины из Кэр Макдональда, получив неожиданную помощь, еще больше воодушевились, а циклопы сникли. Лютиен успевал повсюду. Он метался среди сражавшихся, рубя мечом налево и направо, вдохновляя на битву своих воинов, а его алый плащ развевался на ветру.

Циклопы, оставшиеся на противоположном берегу, особенно один, огромный и ужасный, сидевший верхом на столь же кошмарном вепреконе, также обратили внимание на Алую Тень. Белсен Криг потребовал арбалет.

Сиоба и остальные эльфы, принимавшие участие в набеге, вышли из боя, как только стало очевидно, что уничтожение циклопов превратилось в простую мясницкую работу. Они выстроились вдоль берега реки, сосредоточив внимание на циклопах, барахтавшихся в воде или цеплявшихся за обломки моста. Половина занималась тем, что прикрывала троих отважных гномов, пока те выбирались на берег.

В короткое время мост очистился от одноглазых. Те, что оказались во внезапно покрасневшей воде (вернее, небольшая их часть, оставшаяся в живых), бросив все мысли о сопротивлении, вылезали на западный берег.

Лютиен приблизился к реке и остановился рядом с Сиобой. «Ослепительный» в его руках покраснел от крови врагов. Он поднял глаза на девушку, а затем оба отпрянули в разные стороны, когда стрела из арбалета рассекла воздух между ними. Обернувшись, чтобы взглянуть на противоположный берег, они заметили Белсена Крига и поняли, что стрелял он, и стрелял именно в Лютиена.

Эльфы продолжали пускать стрелы, но армия Эйвона оставила своих менее удачливых товарищей на волю судьбы и быстро отходила назад, даже и не пытаясь соревноваться в стрельбе.

Остался лишь Белсен Криг, неподвижно застывший на гигантском вепреконе. Предводитель циклопов и юный Бедвир долго не могли отвести друг от друга глаз. Очень скоро, разумеется, их армиям предстоит столкнуться в полномасштабном сражении, но внезапно Лютиену показалось, что все эти армии, все люди, эльфы, гномы и циклопы являлись всего лишь пешками в игре полководцев. Грядущая схватка за Монфор, за Кэр Макдональд, вдруг стала поединком двух смертельных врагов.

Прежде чем юноша успел остановить ее, Сиоба натянула тетиву и выстрелила. Ее стрела перелетела через реку и вонзилась в широкое плечо Белсена Крига.

Предводитель циклопов даже не вздрогнул. Не сводя немигающего глаза с Лютиена, он рванул стрелу из раны и мрачно кивнул; юноша ответил тем же. Затем Белсен Криг развернул вепреконя и галопом помчался прочь, проносясь среди ливня стрел так, словно ни одна из них не могла задеть ни его, ни чудовищного скакуна.

Лютиен молча стоял на берегу, наблюдая за удалявшимся предводителем армии противника. Теперь враги стали для него реальными, очень реальными. Те ужас и отчаяние, которые он испытал, впервые увидев длинную серебристо-черную ленту, которой казалась издали армия Эйвона, только усилились, когда юноша лицом к лицу столкнулся с мощью предводителя этих сил.

На западном берегу царил ликование. Повстанцы потеряли всего нескольких бойцов, а большую часть раненых наверняка удастся вылечить. Более трех сотен тел циклопов неподвижно лежали на покрасневшем снегу, покрывавшем поле.

Победа повстанцев была полной, но, когда армия Эйвона потекла прочь, направляясь к Феллинг Даунзу, а, следовательно, к Кэр Макдональду, Лютиен задался вопросом, насколько эта небольшая схватка повлияет на исход окончательного, решающего сражения.

Тем же утром, чуть позже, Оливер, Кэтрин и войско из Порт-Чарлея, все еще находившееся на много миль западнее, увидели на востоке клубы черного дыма. Циклопы пытались сорвать злость на Феллинг Даунзе, предав городок огню.

Зрелище доставило повстанцам горькую радость, поскольку они уже знали от отряда, преследовавшего армию Эйвона с момента выхода из Порт-Чарлея, о засаде возле этого небольшого города и знали, что битва завершилась удачно. И все же эти клубы дыма напомнили им о том, что никакая война не обходится без потерь и что им еще предстоит долгий и тяжелый путь, а затем — жестокая схватка.

Когда над Эриадором сгустились сумерки, люди из Порт-Чарлея в последний раз перед боем разбили лагерь. Оливер вскочил на Тредбара и помчался прочь от товарищей через поля, подернутые сероватым вечерним туманом. Он поднялся на высокий холм и увидел огни.

Сотни, тысячи костров, необозримое море войска циклопов. Такого количества врагов, собранных в одном месте, ему еще не приходилось видеть. Оливер почувствовал отчаянный страх, и не столько за себя, сколько за Лютиена и оставшихся в Монфоре товарищей. Хафлинг понимал, что, как бы ни спешил их отряд, он не попадет к стенам города раньше следующей ночи.

— Лютиен продержится, — голос позади раздался столь неожиданно, что Оливер чуть было не свалился с коня. Рядом с ним стоял Бринд Амор.

Хафлинг огляделся вокруг, но не заметил поблизости никакого скакуна. Он понял, что старый волшебник использовал чуть-чуть магии, чтобы разом перенестись в это место.

— Лютиен выдержит первый бой, — уверил Оливера Бринд Амор, словно прочитав его мысли, почувствовав его тревогу.

Однако эти слова мало успокоили верного друга юного Бедвира, когда он вновь бросил взгляд на море огней, сиявшее на юго-востоке.

Костры циклопов ничуть не хуже можно было разглядеть с вершины башни Собора в Кэр Макдональде. Лютиен и Сиоба, поднявшись туда, долго смотрели на них, не произнося ни слова.

Они также понимали, что если им видны костры противника, то темные стены города столь же хорошо видны голодным и разъяренным циклопам.

В эту ночь в осажденном городе царила мертвая тишина.

13. У СТЕНЫ

Наступивший рассвет нельзя было назвать ярким и радостным. На сером небе появились высокие темные облака, предвестники надвигающейся грозы. Изредка пробивавшееся солнце рассыпало искры по мокрой земле, а также по шлемам, наконечникам копий и щитам армии Эйвона, выстроившейся в огромных квадратах по четыре-пять тысяч солдат в каждом.

Лютиен наблюдал за этим зрелищем с крыши низкого строения над городскими воротами. Он и его отряд едва успели вернуться в город до прихода армии Эйвона, да и то лишь потому, что на всем пути от Феллинг Даунза до Монфора циклопам пришлось преодолевать сопротивление. Ни один из партизанских отрядов не ввязывался в открытый бой с огромным воинством, однако они доставляли одноглазым достаточно неприятностей, чтобы группа Лютиена смогла беспрепятственно отойти далеко к югу, переправиться через реку и стремительным броском вернуться под защиту городских стен.

Юноша внимательно разглядывал сотню футов абсолютно пустого пространства, с

которого гномы предусмотрительно убрали все строения и повозки. Расчищенная полоса тянулась до внешней стены, фундамент которой гномы подрубали с наружной стороны. Стену удерживали от падения толстые, туго натянутые канаты. Концы канатов были привязаны к прочным кольям, вбитым в землю примерно на середине расчищенной полосы. У каждого каната дежурил гном с топором.

Лютиен надеялся, что гномам придется ждать долго. Первое сражение должно было состояться возле внешней стены. На ее низком парапете плечом к плечу выстроились лучники и воины с копьями. Разумеется, среди них находилась и Сиоба. Лютиен разглядел пшеничные локоны, выбивавшиеся из-под серебряного шлема с крылышками. Отважная воительница сжимала в руках огромный лук.

Юный Бедвир попытался отыскать Шаглина, но не смог. Впрочем, гномов и вообще не было видно, за исключением тех двадцати, которые стояли у канатов, да двоих-троих, стоявших на внешней стене. Лютиен окинул взглядом собственный отряд, стоявший у внутренней стены, но гномов не было и там. Он снова посмотрел на Сиобу, еще раз восхитившись ее красотой и необычайной силой характера. Повстанцы подчинялись ей с той же готовностью, что и Алой Тени.

Его отвлек от размышлений о прекрасной полуэльфийке свист снаряда из катапульты. Лютиен поднял глаза и застыл, потрясенный открывшимся зрелищем. Три черных с серебром прямоугольника медленно и неотвратно приближались к городу. Первый ряд каждого прикрывали шестьдесят — семьдесят плотно сомкнутых щитов. Оливер предупреждал юношу, что одноглазые, скорее всего, изберут именно этот строй, называемый «черепарой», но никакие слова не могли подготовить Лютиена к жутковатому великолепию подобного зрелища. Первая «черепарка» находилась на севере, вторая — на северо-западе, а последняя — на западе от осажденного города, трехсторонняя атака на две основные внешние стены. К счастью, врагам не удалось взять город в окружение, да это и сделать-то было почти невозможно, поскольку южная и восточная части Кэр Макдональда упирались в высокие горы, совершенно непроходимые в это время года.

Лютиену не пришлось долго упиваться этой успокоительной мыслью. Армия Эйвона приближалась. Скопище циклопов напоминало грозную тучу и надвигалось столь же медленно и неотвратно. Ритмичная монотонная дробь барабанов заглушала и тяжелую поступь войска, и возбужденные возгласы защитников города.

Пылающий смоляной снаряд ударился о землю, раскаленные брызги достигли первого ряда наступавших гвардейцев. Однако плотно сомкнутые щиты надежно защищали одноглазых, они продолжали наступать с прежней скоростью и четкостью.

Горло Лютиена сжалось, ему хотелось незаметно выскользнуть через задние ворота, скрыться в горах, бежать. Лютиен ожидал, что главнокомандующий армии Эйвона зачитает приказ, потом затрубят рога, и ревушая орда бросится вперед, а увидел вместо этого умелое, тщательно продуманное наступление.

Преторианская гвардия двигалась плотным строем, ее ряды не дрогнули даже тогда, когда следующий снаряд катапульты попал в самую середину «черепарки». Кого-то ранило, кто-то погиб, иначе просто не могло быть, но эти потери никак не сказались на мерной поступи. В этот момент Лютиен ничуть не сомневался в неизбежном падении Кэр Макдональда.

Судя по тому, как притихли бойцы его отряда, все они испытывали те же чувства. И тогда Лютиен понял, что наступил критический момент и ему пора показать себя вождем, настоящим вождем. Нельзя допустить, чтобы боевой дух повстанцев упал еще до начала битвы.

Юноша торопливо вскарабкался на стену и выхватил из ножен «Ослепительный».

— Кэр Макдональд! — воскликнул он. — Свобода Эриадору!

Воины, стоявшие на наружной стене, оглядывались, на лицах многих читалось недоумение, но другие, подобно Сиобе, поняли и оценили порыв юного Бедвира.

Не смолкая ни на секунду, Лютиен помчался по гребню стены к главным воротам, и

вскоре его крик подхватили все воины второй линии обороны.

Защитники внешней стены, которые уже ясно видели каждую заклепку на щитах преторианцев, молчали, но боевой клич вдохнул мужество и в их сердца.

Армия циклопов продолжала медленно, неуклонно приближаться. Пятьдесят футов. Сорок.

Однако Сиоба и ее товарищи не спешили — бессмысленно тратить стрелы на прочную металлическую стену сомкнутых щитов. Еще один снаряд катапульты врезался в самую гущу циклопов, затем баллиста, установленная на одной из башен Собора, пробила брешь в переднем ряду, ее тяжелая стрела убила наповал одного циклопа и сшибла с ног еще нескольких, по обе стороны от него.

Лучники воспользовались моментом, проворные стрелы понеслись в гущу нападавших, взимая кровавую дань.

Первыми пошли на штурм циклопы, наступавшие с северо-запада; на расстоянии двадцати футов от стены они разомкнули ряды и бросились вперед, взорвавшись дикими воплями. Запела тетива луков, защитники города нацелили копья, готовясь к смертельной схватке.

Сиоба, стоявшая со своими эльфами на севере, подала команду еще до того, как надвигавшаяся на них «черепаша» разомкнула ряды. Это был риск, но вполне оправданный. Стрелы, выпущенные искусными эльфийскими лучниками с близкого расстояния, пробивали даже прочные щиты циклопов, а проворные эльфы достаточно быстро прилаживали следующую стрелу и стреляли почти без перерыва.

Третий и четвертый залпы лучников последовали раньше, чем циклопы успели приблизиться на двадцать футов, но даже шквал стрел не мог существенно уменьшить количество врагов — ведь в одном этом квадрате было не менее пяти тысяч солдат. К тому же закаленные ветераны преторианской гвардии не впадали в панику, не скорбели по погибшим товарищам и даже использовали их трупы, чтобы как можно ловчее взобраться на стену.

Эльфы под предводительством Сиобы проявляли чудеса храбрости и стойкости, то же самое можно было сказать и о людях, стоявших на северо-западе стены, но их было мало, слишком мало, и буквально в секунды нападавшим удалось пробить несколько брешей.

Три раза протрубил рог, и защитники наружной стены бросились назад, к воротам Кэр Макдональда. Отважные гномы, стоявшие наготове со своими топорами, ждали до последнего, давая им время отступить, и начали рубить канаты лишь тогда, когда циклопы прорвались за внешнюю стену.

Канаты лопались один за другим, еще мгновение — и воздух заполнился зловещим треском рвущегося камня.

Лютиен затаил дыхание: казалось, что накренившаяся стена застыла на долгое, долгое мгновение, подпираемая огромной массой циклопов, навалившихся на нее с другой стороны. Но наконец, подобно могучей морской волне, которая с грохотом выплескивается на песчаный берег, она рухнула.

Собственно говоря, не так уж много одноглазых погибло под обломками, многие успели своевременно отскочить на безопасное расстояние, но строй циклопов распался, и, когда отряд Лютиена выпустил первый залп, стрелы попадали уже не в щиты, но в самих циклопов.

Лютиен всего этого не видел, он и еще пятьдесят повстанцев были уже во внутреннем дворе, у главных ворот, верхом на лучших конях, которые только нашлись в осажденном городе. Ворота широко распахнулись, со стены опустили веревки и лестницы, приготовленные для храбрецов, которые первыми приняли бой. Лучники тщательно целились, стараясь поражать тех циклопов, которые вырвались вперед и почти уже догнали отступающих.

А затем из ворот вылетел кавалерийский отряд под предводительством Лютиена. Рыжеватые волосы юного вождя и его алая накидка развевались на ветру, в его руке сверкал

«Ослепительный».

За развалинами внешней стены Белсен Криг и его офицеры быстро перестроили своих бойцов и бросили их в новую яростную атаку. Кавалерийская вылазка должна была задержать противника и дать возможность всем защитникам города укрыться за внутренней стеной. Лютиен раскинул свой отряд в атакующую цепь, поскольку циклопы уже находились на расстоянии шестидесяти футов от него, в двадцати футах от развалин внешней стены.

Но тут земля на пути наступающих врагов зашевелилась, и прямо перед ними появился Шаглин с пятью сотнями своих соплеменников. На опешивших циклопов обрушились удары тяжелых боевых топоров.

Новая волна стрел со свистом пронеслась над головой Лютиена, а баллиста, установленная на башне Собора, пробилла огромную брешь в рядах нападавших.

— Свободу Эриадору! — воскликнул юноша и бросил свой отряд в самую гущу серебристо-черных воинов армии Эйвона.

Ему никогда еще не приходилось попадать в такую жуткую кровавую неразбериху, оглашаемую криками насмерть рубящихся противников, пронзительным свистом стрел, ржанием лошадей и предсмертными хрипами. Куда бы ни поворачивался Лютиен, всюду он видел очередного циклопа, новую работу для своего меча. Под ним убили коня, а его самого спас какой-то незнакомый гном, но у Лютиена даже не было времени поблагодарить отважного соратника — спустя мгновение они потеряли друг друга в суматохе боя.

Лютиена несколько раз ранили, но он почти этого не заметил. Юноша глубоко вогнал клинок в тело одного циклопа, затем высвободил оружие и наотмашь ударил следующего врага. Однако первый циклоп, поддерживаемый одновременно яростью и ужасом, еще не собирался умирать. Лютиен почувствовал, как по его ноге потекла новая струйка крови, и обернулся, намереваясь прикончить упрямого одноглазого, но их уже разделила новая волна боя.

Во всех предыдущих битвах, и даже в Соборе, он всегда находился лицом к лицу с врагом, бок о бок с друзьями, а следующая схватка начиналась только после того, как заканчивалась предыдущая. Здесь же все происходило по-другому. Половина циклопов, с которыми сражался Лютиен, уже были ранены его соратниками, а те, в свою очередь, бились далеко от него, повинаясь неумолимому ходу сражения.

Количество лучников на внутренней стене увеличилось за счет бывших защитников внешней стены, и теперь стрелы сыпались на циклопов еще гуще, нанося им еще больший урон, тем более что кавалерия Лютиена и гномы, рубившиеся в самой гуще серебристо-черных полчищ, не давали им возможности организовать защитный строй.

Однако преторианская гвардия довольно быстро опомнилась от шока, вызванного неожиданной атакой гномов. Повстанцам так и не удалось остановить наступление противника и расстроить его ряды. Конники Лютиена отступали, за ними следовали те немногие гномы, которым удалось выжить в неравном бою.

Небольшие группки уцелевших повстанцев пробивались к своим, и, если бы не поддержка лучников, осыпавших циклопов ливнем стрел, ни одному не удалось бы добраться до внутренней стены.

Лютиен не сомневался, что ему осталось жить считанные мгновения. Его меч застрял в ключице очередного убитого циклопа, и прежде, чем юноша успел освободить свое оружие, он получил удар по ребрам тяжелой дубинкой, покачнулся и упал. Потом вдруг оказалось, что кто-то поддерживает его под руку и они бегут к стене. Он слышал за спиной рев разъяренных циклопов, свист стрел над головой. Но все это словно не имело к нему никакого отношения.

Затем его втащили вверх по лестнице и перенесли через стену. Теряя сознание, он заметил над парапетом иссиня-черную бороду Шаглина.

— Ты нужен наверху, на стене, — услышал Лютиен и сразу узнал этот голос. Он открыл затуманенные глаза и увидел над собой лицо Сиобы.

— Ты можешь встать? — спросила она.

Лютиен не понимал, чего от него хотят, но и не сопротивлялся, когда Сиоба взяла его за голову и руку и начала поднимать с одеяла.

— На стене? — переспросил Лютиен, с усилием садясь и мотая гудящей головой. Все воспоминания об этом утре, ужас скоротечной схватки, кровь, стоны и вопли опять захлестнули его сознание подобно видениям из ночного кошмара, не забытым при свете дня.

— Мы устояли, — сообщила Сиоба, помогая Лютиену встать на ноги. — Мы рассеяли преторианцев и заставили отступить. Все поле завалено их трупами.

Лютиена обрадовала эта новость, но в голосе девушки кроме радости и гордости чувствовалась смутная тревога. Казалось, она пытается убедить не столько его, сколько себя саму. Поэтому дальнейшие ее слова не стали для него неожиданностью.

— Но они перегруппировались и снова пошли в наступление. Твои раны не так уж опасны, и тебе необходимо быть на стене.

Не дожидаясь ответа, она потащила его за собой. Лютиен чувствовал себя неодушевленным предметом, декорацией, неживым человеком, символом восстания. Он ничуть не сомневался, что Сиоба никому не сообщила бы о его смерти, просто прислонила бы мертвое тело к стене, привязала к его руке «Ослепительный» и спрятала под алым плащом какого-нибудь гнома, чтобы громкими криками звал повстанцев на бой.

Однако когда Лютиен вновь появился на стене, он понял, что Сиоба была абсолютно права. Все поле перед Кэр Макдональдом, вплоть до развалин внешней стены, покрывали мертвые тела. Промерзшая земля не могла впитать в себя такое количество крови, а потому везде стояли огромные багрово-черные лужи. Время от времени кто-нибудь из повстанцев швырял со стены камень, и тогда с недавнего поля сражения в серое, тусклое небо взмывали бесчисленные стаи стервятников.

Лютиен с ужасом изучал эту сцену чудовищной бойни. Большинство мертвецов были в черных с серебром мундирах преторианской гвардии, но среди них виднелись также тела мужчин, женщин, эльфов-лучников и много, очень много бородатых соплеменников Шаглина.

Именно это первым бросилось в глаза Лютиену — мертвые гномы. Самоотверженные бойцы, которые внезапно появились в самой гуще вражеской армии, сея в ней панику и смерть. А ведь они прекрасно понимали, что дорого заплатят за свою смелость. Вначале юному Бедвиру даже показалось, что здесь полегли все гномы, отдав жизнь всего лишь ради того, чтобы отразить первую атаку армии Эйвона.

— Сколько? — спросил он стоявшую рядом Сиобу.

— Более трехсот, — мрачно ответила девушка. — И двести из них — гномы. Но мертвых циклопов, — продолжила она уже совсем другим тоном, — в пять раз больше.

Лютиен перевел взгляд на развалины стены и дальше, на огромную черно-серебряную массу — армию Эйвона, вновь идущую в наступление. И будет новая бойня, и на прежние трупы лягут новые, не менее, если не более, многочисленные.

— И все это за одно утро, — горестно прошептал юноша.

Он оглядел молчаливые ряды своих воинов. На этот раз не приходилось рассчитывать ни на падение стены, ни на засаду отряда Шаглина. На этот раз циклопы пойдут прямо ко внутренней стене, и, если им удастся преодолеть сопротивление повстанцев и ворваться в город, Кэр Макдональд будет взят, восстание подавлено, а гордый Эриадор еще долгие годы не станет свободным. Лютиен не задумывался о том, чем это грозит ему самому, и даже не задавался вопросом, что случится, если город падет, а сам он не погибнет. Теперь, с этой стены, ситуация виделась по-другому, слишком многое было поставлено на карту.

Ослабевшие руки и ноги Лютиена вновь налились силой, он взмахнул мечом, привлекая внимание всех, находившихся неподалеку.

— Свободу Эриадору! Кэр Макдональду!

Сиоба одобрительно кивнула. Она понимала, каким трудным для ослабевшего от ран Лютиена окажется предстоящий бой. Отважный молодой человек выполнил свое

предназначение, и, если ему предстоит погибнуть в битве, он навсегда останется в памяти народа. Воины воспрянут духом и бросятся на защиту Кэр Макдональда, присоединив имя легендарного вождя к боевому кличу борцов за свободу Эриадора.

«Сейчас неподходящее время для подобных мыслей», — оборвала себя девушка. Ухали катапульты, звенели баллисты, но серебристо-черные прямоугольники — теперь их осталось только два, а не три, как во время первой атаки, — упрямо продвигались вперед. Тысяча лучников на стене раз за разом выпускали град стрел, изредка попадая в случайную щель между щитами.

Но армия Эйвона неумолимо приближалась. Серебристо-черный поток пересекал развалины внешней стены, не обращая ни малейшего внимания на тела павших товарищей. Мерный топот, лязганье стрел по металлу превратились в монотонный гул, в котором невозможно было различить отдельные звуки.

Преторианская гвардия сломала строй менее чем в пятидесяти футах от стены. Откуда-то возникли длинные лестницы, в воздух взметнулись дюжины веревок с тяжелыми кошками на концах. Небольшая группа циклопов бросилась к главным воротам с тяжелым бревном наперевес.

Лучникам удалось рассеять этот отряд, но таран, подхваченный множеством других рук, не упал на землю.

По всей длине стены слышался звон мечей. Крики ярости смешались со стонами раненых и умирающих, ликующие вопли сменялись воплями ужаса и боли, когда противник наносил очередной удар.

Сперва циклопы валились сотнями, на одного павшего защитника города приходилось не менее десяти одноглазых. Но по мере того как все больше кошек закидывалось на стену и все больше гвардейцев взбиралось наверх, оттесняя повстанцев, соотношение стало меняться. Вскоре один мертвый эриадорец уносил с собой жизни пятерых циклопов, затем — только двоих.

Лютиен, казалось, успевал повсюду. Он метался вдоль всей линии укреплений, нанося молниеносные и точные удары, перерубал веревки и поражал одноглазых, которые уже успели вскарабкаться наверх. Юноша давно потерял счет убитым врагам. Он чувствовал, что и на этот раз им удастся отстоять город, но какой ценой?!

Стена содрогнулась от мощного удара, смешавшего в одну кучу людей и циклопов и чуть не сбившего с ног Лютиена. За первым ударом последовал второй, а потом — стук яростно работавших молотов.

— Ворота! — раздался отчаянный вопль кого-то из повстанцев, и Лютиен понял. Толпа циклопов сгрудилась возле ворот, а на земле валялось бревно, выполнившее свою задачу.

Юноша прыгнул со стены во двор, в самую гущу боя. Он понимал, что идет на смерть, но не мог остановиться. Циклопы уже проникли сюда, мощный поток врагов вливался через разбитые ворота. Именно здесь решалась судьба осажденного Кэр Макдональда, а значит, здесь и должен был находиться Лютиен Бедвир.

Во внутреннем дворе не было четкого строя нападавших, лишь толпы воинов, убивавших и умирающих.

Лютиен споткнулся о чей-то труп, и это спасло ему жизнь, так как над его головой просвистел меч циклопа, с которого еще капала кровь предыдущей жертвы. Юноша понимал, что если он остановится, то погибнет раньше, чем успеет повернуться лицом к противнику, поэтому стремительно рванул вперед. И оказался в окружении трех циклопов.

Наверху, на стене, Сиоба и ее эльфы продолжали осыпать градом стрел одноглазых, которые еще не проникли во двор, в то время как более крупные и сильные люди сражались с циклопами, упорно карабкавшимися по веревкам и лестницам.

— Цельтесь в их командиров, — крикнула девушка, но многие лучники уже сами это делали. Они вглядывались в толпу нападавших, отыскивая тех, кто отдавал приказы. Именно в них летело самое большое количество стрел со стены.

Один за другим офицеры Белсена Крига падали на землю.

Лютиен рухнул на колени, взмахнул мечом, заставляя двоих циклопов отпрянуть назад, и тут же вскочил, отбил меч третьего одноглазого высоко вверх, а свой вогнал ему прямо в глаз.

Мгновение спустя он освободил «Ослепительный», резко развернулся, заслоняясь от двух уцелевших циклопов телом мертвого, и перешел в наступление.

Первый циклоп был вооружен мечом, а второй — трезубцем, но Лютиену удалось одним яростным ударом отвести в сторону и то, и другое. Циклоп с трезубцем отскочил назад и метнул свое оружие прямо в голову юноше. Ловкий как кошка Лютиен резко пригнулся и ударом меча отбил смертоносный снаряд, но не позволил ему просто пролететь мимо, а поймал свободной рукой за древко, упер тупым концом в землю и направил зубцы в сторону противника с мечом. Циклоп успел остановиться, но все равно зубцы вонзились ему в плечо.

Однако юноша развернулся в другую сторону и кинулся к противнику, метнувшему трезубец. Тот замешкался, пытаясь выхватить из ножен короткий меч, а тем временем «Ослепительный» наискось располосовал ему лицо от подбородка до лба. Затем обоюдоострый клинок изменил направление движения и разрубил одноглазому ключицу. Однако тот упорно держался на ногах и упал только тогда, когда Лютиен вонзил ему меч в живот.

Юный Бедвир вихрем развернулся и едва успел отбить удар циклопа, который ранее наткнулся на трезубец. «Ослепительный» зазвенел, столкнувшись с клинком противника, затем снова и снова... И каждый раз Лютиен заставлял циклопа отступить еще на шаг. Юношей двигала чистая, слепая ярость: это была его родина! Он колот и рубил, слева и справа, сверху вниз и снизу вверх, кричал: «И сколько еще ты сумеешь парировать?» — и заставлял циклопа отступать все дальше и дальше.

В конце концов циклоп споткнулся и чуть не упал, но в тот же самый момент случайно выпавшая из чьей-то руки дубинка ударила Лютиена по ноге, и он чуть было тоже не упал. Его противник попытался воспользоваться моментом и перейти в наступление. Он сделал выпад своим коротким мечом, но не достиг цели. Лютиен отскочил, затем бросился на противника мимо выставленного вперед меча и направил «Ослепительный» прямо в сердце врагу.

Все это произошло за какие-то секунды. Первые капли крови еще не успели сорваться с клинка юноши, а противники уже неподвижно застыли у его ног. Юный Бедвир поспешно развернулся, ожидая следующего нападения, и с удивлением обнаружил, что циклопов во дворе стало существенно меньше. Оглянувшись назад, он увидел, что триста отважных гномов из отряда Шаглина плечом к плечу бьются возле ворот, сдерживая напор одноглазых. Другие в это время налегли на тяжелые створки мускулистыми плечами, возвращая ворота на прежнее место. Однако Лютиен помнил, что вначале во двор ворвалось гораздо больше циклопов. Он бросился к груде мешков, сложенных неподалеку, и, глядя с нее, понял, что многие циклопы, вместо того чтобы сражаться на ограниченном пространстве внутреннего двора, прорвались сквозь ряды повстанцев и рассеялись по городу.

В это время громкий крик со стены известил, что войско Эйвона отступает. Защитники города встретили радостное известие громкими возгласами восторга. Сражение во дворе быстро превратилось в избиение.

Однако Лютиен отнюдь не ликовал.

— Умно придумано, — прошептал он, отдавая дань полководцу вражеской армии — без сомнения, тому самому огромному и уродливому циклопу, которого он видел на берегу Феллинг Ран.

Секундой позже рядом с юношей появилась Сиоба, ее плечо было красным от крови.

— Они отходят, — сообщила она.

— Но многие просочились в город, — мрачно добавил Лютиен.

— Мы их всех отловим, — пообещала Сиоба; юноша в этом и не сомневался. Однако оба они понимали, что охота на циклопов, проникших в город, потребует немало времени и

сил. Придется сформировать довольно большой отряд, бойцы которого могли бы принести немалую пользу на стенах.

— Пожар! — завопил чей-то голос, и Лютиен заметил столб черного дыма, поднимавшийся к небу откуда-то из центра города. Циклопы не теряли времени даром! Лютиен подумал, что тот огромный циклоп оказался гораздо более умелым стратегом, чем можно было ожидать от представителя его племени. В предстоящих сражениях будут участвовать, с той и другой стороны, около двадцати тысяч бойцов, а несколько тысяч уже погибло, и все же Лютиен опять почувствовал, что это его личная битва. Он против того чудовищного циклопа.

И если он проиграет, по счету заплатит весь Кэр Макдональд. И заплатит очень дорого.

14. СУМЕРКИ

— Сегодня вечером пойдет снег, — сообщила Сиоба Лютиену и всем, находившимся на стене.

В городе полыхало несколько пожаров. Большинство циклопов удалось выловить, но некоторые еще скрывались в темных закоулках.

— Снег его не остановит, — мрачно заметил Лютиен.

Сиоба внимательно взглядела в глаза молодого человека, ничуть не удивленная тем, что он заговорил не обо всей армии Эйвона, но только о ее полководце. Она оглянулась и заметила новую группу воинов, которая появилась из переулка, ведущего к стене. Их лица толстым слоем покрывали сажа и копоть. Гномы Шаглина упорно трудились, укрепляя ворота, но они изначально не были рассчитаны на серьезную осаду. До сих пор на город лишь изредка нападали небольшие племена варваров или диких циклопов, поэтому главные ворота не имели даже опускной решетки. В последние дни перед штурмом города об этом не раз заходила речь, но рук катастрофически не хватало, а прочие оборонительные приготовления, например подготовка внешней стены к обрушению, были признаны более важными.

— Разместите их на стене, — сказал Лютиен, глядя на отряд, возвратившийся из города. — И пошлите им на смену новых воинов, чтобы выловить оставшихся циклопов и помочь старикам и детям тушить пожары.

Один из повстанцев молча кивнул и отправился выполнять приказ.

— Ну, давай же, — прошептал Лютиен, смотря в поле, и Сиоба поняла, что он обращался к своему врагу. Битва с каждой минутой становилась все более яростной. Все здоровые мужчины и женщины давно уже сражались на стенах, но теперь даже старикам, детям и легкораненым приходилось тушить пожары. — И покончим с этим поскорее.

— Ты уверен, что одноглазые снова пойдут на приступ? — спросила Сиоба.

— Приближается снежная буря, — пояснил Лютиен. — И он об этом знает не хуже меня. Утром им будет гораздо тяжелее пробиться к стенам города, если они вообще смогут преодолеть пургу. Ведь нужно подняться на холм, а ветер со снегом замедлит их продвижение. Нет, — продолжил он. — Наш противник не станет ждать. Он нападет сейчас, пока светит солнце, в городе бушуют пожары, а ворота едва держатся.

— Гномы работают изо всех сил, — заметил один из воинов, которому очень хотелось сообщить хоть что-то хорошее. Впрочем, все это и так знали.

— Да, они придут, — согласилась Сиоба. — Но сможем ли мы выстоять?

Лютиен взглянул на нее, затем на окружающих, которые явно интересовались их разговором.

— Мы выстоим! — сказал он сквозь стиснутые зубы. — Мы снова отбросим их от ворот и будем убивать в поле, а тех, кто останется в живых, прикончит мороз. Свободу Эриадору!

Все воины, находившиеся рядом, поддержали его воинственными криками. Но Сиоба к ним не присоединилась, а только окинула Лютиена долгим, пристальным взглядом. Она

знала, что вождь просто хотел поднять боевой дух воинов, хотя сам он отнюдь не ощущал уверенности в их силах. Юноша прекрасно понимал обстановку. Да, конечно, циклопы потеряли убитыми и тяжелоранеными три, четыре, может, даже пять тысяч солдат, но ряды защитников стены тоже значительно поредели, и за счет потерь, и за счет того, что приходилось отлавливать просочившихся циклопов и тушить пожары. А ведь каждый лучник, способный выпустить в наступающую армию Эйвона с дюжину стрел, стоил нескольких циклопов.

При последнем штурме повстанцы едва не потеряли стену, а ведь условия тогда были гораздо лучшие, да и оборонительные сооружения еще не пострадали.

Лютиен вновь взглянул на Сиобу, словно читая ее мысли.

— Оповести всех в городе, — сказал он. — Пусть те, кто не занят на тушении пожаров и охоте на циклопов, спрячутся в купеческом районе и в Соборе.

Сиоба закусил губу. Ее трясло от холода и потери крови, а то, что Лютиен разделял опасения девушки, ничуть не прибавляло ей сил. Он готовится к отступлению, значит, вполне допускает, что внешняя часть города будет потеряна еще до наступления ночи.

— И раздайте всем оружие, — добавил Лютиен, когда Сиоба уже собралась уходить, чтобы выполнить приказ. — Даже детям. Даже старикам.

Девушка не оглянулась, потому что не хотела, чтобы он видел ее лицо. Они оба понимали, каким кошмаром обернется возможное поражение. От циклопов не приходится ждать милосердия к побежденным противникам.

Серебристо-черная масса вновь приняла форму двух огромных квадратов и начала медленно приближаться. Впрочем, за целый день повстанцы успели привыкнуть к подобным атакам, поэтому на стене не возникло ни малейшей паники.

Грохот барабанов, мерный топот. То здесь, то там звенели луки, но на таком расстоянии даже эльфийские стрелы не могли пробить сплошную стену щитов. Лютиен хотел уже заорать на нетерпеливых лучников, но в последний момент сдержался. Он понимал, что причинами его раздражения являются крайняя усталость и страх. Те лучники, которые выпустили стрелы раньше времени, руководствовались теми же чувствами. Конечно, они не могли нанести циклопам реального ущерба, но зато подбодрили самих себя.

Лютиен внезапно подумал, что храбрость и глупость не так уж несовместимы.

Он помотал головой, избавляясь от несвоевременных мыслей. Позади, за его спиной, находились Кэр Макдональд и весь Эриадор. И не так уж глупо отдать жизнь за не очень понятную вещь, называемую «свобода».

Циклопы добрались до развалин внешней стены и перекатились через них, как неумолимая волна серебристо-черной смерти. Вот теперь настало время для луков запеть свою смертоносную песню, к ним подключились баллисты и катапульты. Воины едва успевали заряжать их корзинами камней и тяжелыми дротиками.

«Но сколько циклопов погибнет под обстрелом? — спросил себя Лютиен. — Сотня? Пятьсот? Армия Эйвона вполне может позволить себе подобные потери».

Пение луков слилось в сплошной непрерывный звон, но ряды циклопов не дрогнули. Одноглазые притерпелись к обстрелу столь же быстро, сколь и защитники города привыкли к многочисленным атакам. А у эриадорцев в запасе больше не осталось никаких трюков, способных поразить ветеранов преторианской гвардии.

Ровные ряды наступающих рассыпались. На стены города бросилась дикая орда, снабженная веревками, кошками, лестницами, десятками стволов деревьев с коротко отпиленными ветвями, которые предполагалось использовать в качестве дополнительных лестниц. Циклопы явно не бездельничали в часы передышек. Стена была недостаточно высокой, чтобы задержать противника. Ее защитники не успевали убивать вылезавших на гребень циклопов, не успевали обрубать все веревки, отпихивать все лестницы.

Лютиен спрашивал себя, не следует ли ему немедленно подать сигнал к отступлению, броситься под защиту прочных стен Собора, отдать врагам внешнюю часть города? Но пока

он колебался, битва закипела вовсю.

Изрядно поредевшие ряды гномов Шаглина заняли внутренний прорыв через главные ворота. Бросив взгляд сверху, Лютиен понял, что их там явно недостаточно. Толпа циклопов вновь попыталась снести наспех починенные ворота. Кавалеристы ждали снаружи — самые крупные и крепкие бойцы верхом на тяжеловесных вепреконях. Лютиен разглядел среди них и безобразного полководца. Он уже собирался приказать лучникам поразить эту соблазнительную мишень, но, оглядевшись вокруг, понял, что опоздал. На стенах осталось уже слишком мало луков, да и те в основном использовались в качестве дубинок против циклопов, которые упорно карабкались вверх.

Лютиен помчался вдоль стены. Он обрубил одну веревку, другую, затем услышал крик снизу и решил, что ему пора присоединиться к гномам. Конечно, прорывы через стену представляли немалую опасность, но если циклопам удастся захватить двор, то с ним вместе повстанцы потеряют и большую часть города.

Спустившись вниз, к отряду Шаглина, юноша обнаружил, что битва уже кипит возле самых ворот. Одна из створок, сорванная с петель, была похоронена под шевелящейся массой нападавших, а в проеме скопилось множество тел в серебристо-черных мундирах и бородатых гномов.

Лютиен пробился к Шагину и сжал его плечо в прощальном приветствии.

— На этот раз нам их не удержать, — признал гном. Лютиен молча кивнул, поскольку ему нечего было возразить на это мрачное, но, очевидно, совершенно справедливое пророчество.

Циклопы отвоевывали территорию возле ворот, упорно оттесняя гномов. И каждый их шаг расширял арену боя, позволяя включаться в него все новым и новым одноглазым.

— Свободу Эриадору! — сказал Лютиен Шагину. Они улыбнулись друг другу и плечом к плечу ринулись в гущу боя, навстречу смерти.

Слезы застилали зеленые глаза Сиобы, которая металась по стене, перерубая веревку за веревкой. На ее мече образовалось множество зазубрин от ударов о каменную стену, но их почти не было видно под густым слоем крови, покрывавшей лезвие. Сиоба ринулась к следующей веревке, но резко остановилась, едва не поскользнувшись в луже кровавой слизи, когда заметила серебряный шлем, появившийся из-за гребня стены. Меч взметнулся вверх и с силой обрушился на циклопа, разрубая и шлем, и голову под ним.

Сиоба позволила себе на мгновение остановиться, чтобы восстановить дыхание и осмотреть стену. Циклопы карабкались наверх неудержимым потоком. Вскоре начнется настоящий водопад из тел, которые хлынут в Кэр Макдональд, уничтожая все, чего добились повстанцы. Над городом снова взвоется флаг Монфора вместе с вымпелом Гринспэрроу, и тогда народ Сиобы, волшебнорожденные эльфы, снова вернется в рабство.

Полуэльфийка встряхнула головой и издала боевой клич. Нет, она не станет добычей какого-нибудь похотливого купца, лакея Гринспэрроу. Она постарается умереть здесь и сделает все, чтобы забрать с собой как можно больше ненавистных врагов. Возможно, те, кто придет следом, хоть что-то выиграют от ее самопожертвования. Еще один серебряный шлем появился над парапетом, еще один циклоп бездыханным полетел на поле.

Теперь Лютиен сражался рядом с Шагином, но им пришлось отступить от разбитых в щепки ворот. Гномов было слишком мало, чтобы остановить бесчисленных врагов. А циклопы все напирали и напирали. Казалось, их поток никогда не иссякнет. На их пути оставалось все меньше и меньше повстанцев.

«Интересно, — подумал Лютиен, — когда настанет очередь кавалерии противника?» Он хотел встретиться с безобразным полководцем и выиграть хотя бы свой личный поединок, если уж им не суждено победить в бою всю армию противника.

«Ослепительный» описал сверкающую дугу, в последний момент отразив удар вражеского копья. Лютиен с ужасом понял, что прижат спиной к стене, без всякой

возможности для маневра, и все потому, что не вовремя размечтался!

Циклоп тоже заметил его оплошность и ринулся вперед. Однако внезапно одноглазый покачнулся и рухнул лицом вниз, а на его месте возник Шаглин.

— К воротам? — крикнул гном сквозь чащобу своей черной бороды.

— А куда нам еще деваться? — вздохнул Лютиен, и они дружно развернулись, отыскивая возможность проскользнуть в передние ряды повстанцев.

Внезапно все, и нападавшие, и защитники города, застыли на месте. Каменная кладка над разбитыми воротами резко зашипела, над ней взметнулось зеленое пламя, посыпались зеленые искры.

Затем появились клубы серовато-зеленого дыма, а когда они рассеялись, на месте обычного камня оказался край огромной опускной решетки.

— Откуда, во имя Брюса Макдональда... — начал Шаглин, перекрывая своим громким голосом вопли остальных воинов, даже тех невезучих циклопов, которым случилось оказаться прямо под массивной, унизированной шипами конструкцией. Решетка поползла вниз, круша одноглазых и перекрывая проход во внутренний двор. Теперь оставшиеся снаружи циклопы не могли прийти на помощь товарищам, запертым во дворе и не имеющим возможности отступить.

Гномы не стали ждать объяснений, а яростно бросились в атаку, надеясь быстро очистить двор и ринуться на защиту стен.

Лютиен потратил несколько секунд, любясь на подъемную решетку, столь кстати появившуюся в воротах. Было ясно, что тут дело не обошлось без магии, но оставался вопрос, сотворил ли ее кто-либо из участников сражения, или это какая-то неизвестная магия самого Кэр Макдональда, заранее заложенная в его камни, чтобы помочь законным хозяевам в самую трудную минуту.

Но думать об этом было некогда — где-то вдалеке, за полем, звонко протрубил рог, а со стен раздались радостные крики воинов. Лютиен выбрался из толпы, торопливо поднялся на стену и увидел, что к осажденному городу пришла помощь.

Его взгляд сразу же остановился на белоснежном скакуне и нескладном рыжем пони. И хотя и кони, и их всадники на таком расстоянии казались всего лишь маленькими пятнышками, Лютиен сразу понял, что это Оливер с Кэтрин.

И это на самом деле были они, вместе с отрядом, который вырос за время пути почти до двух тысяч, — к ополченцам из Порт-Чарлея присоединилось множество мелких повстанческих групп.

Со стен на растерявшихся одноглазых посыпался град стрел, время от времени над их головами вспыхивало пламя, рассыпавшееся множеством острых, раскаленных осколков, которые секли их, обжигали и ослепляли.

Глядя на это несомненное волшебство, Лютиен понял, кто еще откликнулся на призыв Кэр Макдональда.

— Бринд Амор, — прошептал он голосом, полным благодарности и надежды.

Стоявшая рядом Сиоба крепко его обняла и чмокнула в щеку.

— Кэтрин пришла! — воскликнула она. — И Оливер! И они привели с собой друзей!

Однако эриадорцам некогда было предаваться ликованию. Сражение продолжалось. Лютиен осмотрелся, пытаясь срочно придумать новый план битвы. Хотя защитники города все еще были в меньшинстве, юноша уже лелеял мечты разбить вражескую армию на этом поле, здесь и сейчас. Если бы только смятение в ее рядах продолжалось подольше, если бы появились дезертиры...

Но это была преторианская гвардия, а не какое-нибудь дикое племя, и Лютиен не мог недооценивать мужество гвардейцев и хитроумие их полководца.

Белсен Криг тоже приостановился и оглядел поле битвы, а затем развернул свои войска, всех, кто не был заперт в стенах города.

— Они их сомнут, — горестно прошептал Лютиен, глядя, как серебристо-черная масса поспешно перестраивает ряды, поворачиваясь в сторону приближавшегося отряда. Даже на

таком расстоянии он мог оценить численность союзников: их было не больше двух тысяч. А врагов, которые вот-вот атакуют эриадорцев, как минимум в четыре раза больше!

Лютиен приказал лучникам стрелять в отступавших от стен циклопов. Он хотел организовать отряд, который выйдет из города и отправится на помощь друзьям, но об этом не могло быть и речи, потому что битва у стен и во дворе еще далеко не закончилась.

— Бегите, — шептал юноша внезапно пересохшими губами и успокоился лишь тогда, когда отряд из Порт-Чарлея начал организованный отход.

Армия Эйвона бросилась в погоню, однако Оливер и его товарищи заранее предвидели подобный поворот событий. Более того, они рассчитывали именно на это и с радостью отступили к Феллинг Ран, пересекли реку по заранее сооруженным временным мостам и заняли удобную позицию на противоположном берегу.

Затем мосты были разобраны, и циклопы уткнулись в естественную преграду, которую было не так-то легко преодолеть, особенно учитывая множество искусных лучников, которые осыпали их ряды градом стрел.

Белсен Криг рассвирепел, однако происходящее его не обескуражило. Он зря потратил целый день и, возможно, потерял около двух тысяч солдат, но теперь появилась уверенность, что в запасе у мятежников не осталось никаких трюков. Несмотря на подошедшее к противнику подкрепление, военачальник циклопов не опасался поражения.

Завтра начнется новая битва.

А пока воинство циклопов повернуло на север. Последние лучи заходящего солнца изредка прорывались сквозь сгустившиеся тучи, освещая стены города, который по-прежнему называли Кэр Макдональдом.

По крайней мере еще одну ночь.

15. ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ

Битва в городе не закончилась даже к сумеркам. Стену и внутренний двор удалось очистить достаточно быстро, но множество циклопов проскользнуло в город. Несколько раз в переулках вспыхивали схватки, кое-где загорались дома.

Однако вскоре после захода солнца предсказанная Сиобой снежная буря разбушевалась в полную силу. Ей предшествовал ледяной дождь, который барабанил по крышам домов и заливал лагерные костры как эйвонцев, так и эриадорцев. Ночью дождь сменился густыми хлопьями мокрого снега.

Лютиен наблюдал за разбушевавшейся стихией из помещения над городскими воротами, а позднее — с крыши «Гнэльфа». Ему казалось, что сам Бог не выдержал тошнотворного зрелища массовой бойни и наслал снег, желая хоть немного скрыть ужасную картину. Однако, чтобы стереть кошмарные воспоминания из памяти юного Бедвира, требовалось нечто большее, чем снег.

— Лютиен? — послышался снизу знакомый голос Шаглина. Лютиен осторожно подобрался к самому краю скользкой крыши и посмотрел на гнома.

— Гонец из лагеря Оливера, — объяснил тот, кивнув на дверь трактира.

Юноша кивнул и направился к водосточной трубе вниз. Он давно ждал гонца от друзей, рассчитывая выяснить, смогут ли те пробиться в город.

Однако миновала уже немалая часть ночи, а огни лагеря все еще пылали где-то далеко на западе, за Феллинг Ран. Гонец разъяснит ему планы союзников, так что они сумеют скоординировать свои действия. Лютиен почувствовал бешеные удары собственного сердца, когда соскользнул по трубе на улицу, уже покрытую двухдюймовым слоем снега.

А вдруг это сама Кэтрин? До этого момента он даже не сознавал, что очень соскучился по рыжеволосой воительнице из Хейла.

Вбежав в трактир, Лютиен не обнаружил там ни Кэтрин, ни Оливера, ни даже Бринд Амора. Посланцем оказалась молодая девушка, почти девочка, рыбачка из Порт-Чарлея по

имени Жанна Делфинброк. Ее светлые глаза засияли при виде легендарного вождя, известного как Алая Тень, — к немалому смущению его самого.

Жанна говорила кратко и торопливо, ведь ей было нужно вернуться в лагерь задолго до рассвета, обходя по дороге патрули циклопов. Оливер де Берроуз хочет ввести отряд из Порт-Чарлея в город, но пока что они застряли за Феллинг Ран. Циклопы стоят совсем рядом, чуть севернее, и никак не допустят такого маневра.

Лютиена это не удивило. Многие защитники Кэр Макдональда погибли или получили слишком серьезные ранения, чтобы сражаться на стенах. Если подкрепление сможет пробиться в город, новые бойцы закроют образовавшиеся бреши, и циклопам придется начинать все сначала.

— Огромное спасибо и тебе, и всему вашему отряду, — сказал он Жанне. Теперь настала ее очередь густо покраснеть. — Передай нашим друзьям, что они оказали нам неоценимую помощь и мы не сдадим Кэр Макдональд. А еще, от меня лично, передай Оливеру, что я уверен, он появится именно там, где мы будем больше всего в нем нуждаться. И попроси Кэтрин позаботиться о моей лошади.

Упомянув Кэтрин, Лютиен искоса взглянул на Сиобу, но та не выказала ровно никакой реакции.

Жанна Делфинброк встала и отправилась в обратный путь по заснеженным полям, сквозь яростную пургу, мимо вражеских патрулей.

Чуть позже, той же ночью, Лютиен и Сиоба обсуждали в постели события минувшего дня и все, что им предстоит сделать завтра. Домик в Крошечном Алькове содрогался от порывов ветра, ветер задувал в трубу, и в комнате пахло дымом.

Сиоба полулежала, опершись на локоть, и внимательно изучала его сосредоточенное лицо. Лютиен лежал на спине, устремив взгляд в темноту, но девушка понимала, о чем он думает.

— С ними все в порядке, — прошептала Сиоба. — Они развели огонь и знают, как укрыться от непогоды. Кроме того, среди них есть волшебник. Судя по тому, что ты рассказывал о могущественном Бринд Аморе, у него найдется способ победить пургу.

Лютиен тоже на это надеялся.

— Мы могли направить их к югу и провести в город с той стороны, — сказал он.

— Но мы до прихода Жанны даже не знали в точности, где их лагерь, — возразила Сиоба.

— Это могло занять всего пару часов, — быстро ответил Лютиен. — Даже в пургу. Большая часть нижних троп защищена от ветра, и их вряд ли занесло снегом, — он огорченно вздохнул. — Мы могли их сюда привести...

Сиоба понимала, что юноша прав, но ей хотелось избавить его от чувства вины.

— Оливер знает эти места не хуже тебя, — напомнила она. — Если бы люди из Порт-Чарлея хотели войти в город, они бы так и сделали.

Лютиен не был в этом так уж уверен, но спорить ему не хотелось, все равно ничего уже невозможно изменить.

— Шаглин говорил мне, что гномы соорудили новые ловушки для циклопов, — сказала Сиоба, стараясь перевести разговор на что-нибудь радостное. — Когда циклопы снова пойдут на приступ, они обнаружат, что стена укреплена лучше, чем раньше. Это их задержит, и тогда Оливер сможет напасть на них сзади.

— У Оливера недостаточно сил, — возразил Лютиен.

— Наши друзья нанесут удар, не приближаясь, — настаивала девушка. — Постреляют циклопам в спины и отступят через поля.

Лютиен не был уверен и в этом, но опять не стал спорить, а молча смотрел в потолок, на пляску теней и отблесков мечущегося в камине пламени. Вскоре он услышал ровное дыхание Сиобы, а затем и сам провалился в глубокий сон.

Юноше приснился военачальник противников, огромный безобразный циклоп. И все

тактические приемы вчерашнего дня — первое мощное прощупывание, второй приступ, маневр, в результате которого в Кэр Макдональд проскользнуло множество врагов. И наконец, последнее решение, принятое полководцем противника, когда подошел отряд из Порт-Чарлея, — стремительный и безупречно выполненный разворот огромной армии. Помешкай он хоть несколько минут — его армия попала бы в кольцо и была бы уже вчера разгромлена наголову.

Лютиен вздрогнул и проснулся, хотя проспал не более часа. Сиоба чуть приоткрыла один глаз и поудобнее устроилась на его груди.

— Они не вернутся! — сказал юноша, и его голос прозвучал неожиданно громко, заглушив даже непрерывные завывания ветра.

Сиоба недоуменно подняла голову.

— Циклопы, — пояснил Лютиен. Он чуть отодвинулся от Сиобы и приподнялся на локтях, глядя на тлеющие в камине угли. — Они не вернутся!

— О чем ты говоришь? — изумилась Сиоба, садясь на постели и отбрасывая волосы с лица.

— Их командир слишком умен, — продолжал Лютиен, объясняя свою мысль не столько девушке, сколько себе самому. — Он знает, что новый отряд принесет им немало хлопот, когда циклопы опять пойдут на приступ.

— Но он пришел, чтобы взять город, — напомнила Сиоба.

— После всего, что произошло вчера, да еще учитывая пургу, он вполне может проиграть битву. И, уверяю тебя, наш противник прекрасно это понимает.

На лице Сиобы читалось явное сомнение. Циклопы славились своим упрямством и целеустремленностью. Ходило много рассказов о том, как они, оказавшись в почти безнадежной ситуации, все равно лезли напролом и сражались до последнего солдата.

Лютиен потряс головой, возражая против ее невысказанных доводов.

— Это преторианская гвардия, — напомнил он. — А их командир очень хитер. Завтра он не пойдет на приступ.

— Сегодня, — поправила Сиоба, поскольку полночь давно миновала. — А почему ты так думаешь?

— Потому что я сам не пошел бы на приступ завтра, то есть сегодня.

Сиоба долго и пристально смотрела на юношу, явно сомневаясь в силе этого аргумента.

— Ну и что же он сделает? — спросила она.

До этого момента Лютиен понятия не имел, что на уме у безобразного циклопа, но теперь ответ показался ему абсолютно очевидным.

— Он пересечет реку, — уверенно сказал юноша и задохнулся, осознав, к чему это приведет.

Сиоба с сомнением покачала головой.

— Он перейдет через реку и застигнет отряд из Порт-Чарлея в открытом поле, — настаивал Лютиен, все больше впадая в панику.

— Его цель — город, — напомнила Сиоба.

— Вот именно! — ответил Лютиен более жестко и резко, чем собирался. — Сперва он их разгромит, а потом вернется к нам.

— Если у него достанет сил, чтобы вернуться, — не согласилась Сиоба. — А за это время мы сможем получше укрепить город.

Девушка покачала головой, не понимая, о чем тут спорить.

— Время работает против наших врагов, — убеждала Сиоба. — У них уже почти не осталось съестных припасов, они находятся далеко от дома, измотанные и израненные.

Лютиен уже собирался опять напомнить ей, что это не обычные циклопы, а закаленная преторианская гвардия, но она продолжала развивать свою мысль.

— Даже если ты прав, — сказала Сиоба, — то что следует делать нам? Оливера и его отряд тоже нельзя обвинить в глупости. Они вовремя заметят приближение врагов и двинутся к городу.

— Противник не даст им подобной возможности, — угрюмо отозвался Лютиен.

— Ты должен верить в наших друзей, — возразила Сиоба. — А наш долг — защита Кэр Макдональда.

Она умолкла и теперь заметила, как тяжело дышит Лютиен.

— Мы ничего не можем сделать. — Сиоба наклонилась, поцеловала юношу и снова выпрямилась, не делая ни малейшей попытки прикрыть свою наготу. — Верь в них, — повторила она. Ее рука погладила юношу по щеке, скользнула по шее, и мускулы Лютиена невольно расслабились от этого нежного прикосновения.

— Ты не права, мы можем кое-что предпринять, — внезапно сказал он, садясь на постели и глядя Сиобе прямо в глаза. — Еще до рассвета мы можем пройти этими северными тропами. Если мы отойдем...

Лютиен умолк, заметив на лице девушки крайнее изумление.

— Выйти из города?! — потрясенно переспросила она.

— Наш враг захватит их на открытом месте, — убеждал Лютиен. — А потом, даже если он решит, что у него не хватит сил для захвата города, он повернет на Порт-Чарлей, который остался абсолютно беззащитным. Циклопы перебьют всех жителей и укрепятся там. Таким образом, Гринспэрроу получит полностью подвластный ему порт в Эриадоре. Тогда он пошлет на нас новую, огромную и могучую армию.

— И какой отряд ты хочешь послать на эту вылазку? — спросила Сиоба, встревоженная упорством Лютиена.

— Большую часть наших воинов, — без колебаний ответил он.

На лице Сиобы появилось угрюмое выражение.

— Если ты уведешь большую часть воинов, а противник все-таки повернет на город, он укрепитесь в Кэр Макдональде раньше, чем мы успеем ударить по нему снаружи. Мы будем разбиты и рассеяны по полям Эриадора.

Конечно, в словах Сиобы содержалась немалая доля истины, но Лютиен не верил, что противник повернет на город. Он сердцем чувствовал, что циклопы пойдут через реку.

— Это из-за нее? — внезапно спросила Сиоба.

Лютиен растерялся. Такое подозрение причинило ему боль, тем более что он и сам на секунду задумался, а нет ли в нем некоторой доли правды.

Сиоба заметила его обиду.

— Прости, я сама не знаю, что на меня нашло, — искренне сказала она, а затем наклонилась и вновь поцеловала юношу.

— Я знаю, что ты всем сердцем предан Кэр Макдональду, — шептала Сиоба. — Я понимаю, ты считаешь, что твое решение послужит на благо общему делу. Я никогда не сомневалась в этом.

Она подарила Лютиену еще более страстный поцелуй, а он крепко прижал к себе девушку, отчаянно нуждаясь в ее поддержке.

Однако, по всей видимости, для него эта ночь поистине стала ночью удивительных прозрений.

Внезапно Лютиен отодвинул девушку от себя, пристально на нее посмотрел и спросил:

— Я ведь тут ни при чем, верно?

Сиоба, казалось, не поняла.

— Я говорю о наших отношениях. Ты ведь любишь не меня, Лютиена Бедвира, но Алую Тень, вождя повстанцев.

— Но это одно и то же, — возразила Сиоба.

— Нет, — покачал головой Лютиен. — Восстание закончится так или иначе, а возможно, погибну и я. Но что, если я останусь в живых? Как ты отнесешься к Лютиену Бедвиру, когда в Алой Тени больше не будет нужды?

Даже в темноте юноша заметил, что плечи Сиобы бессильно обвисли. Он понимал, что не только обидел ее, но и заставил задуматься.

— Никогда не сомневайся в моей любви, Лютиен Бедвир, — прошептала она.

— Но... — продолжил юноша.

Сиоба отвернулась, глядя на тлеющие в камине угольки.

— Я никогда не знала своего отца, — сказала она, и Лютиена изумила столь резкая смена темы. — Он был эльфом, а моя мать — обыкновенной женщиной.

— Он умер?

Сиоба покачала головой.

— Он покинул нас еще до моего рождения.

Лютиен услышал в ее голосе боль, и сердце его чуть не разорвалось от жалости.

— Но тогда существовало множество проблем, — попытался объяснить он. — Волшебнорожденные...

— Были свободными в те времена, — перебила его Сиоба. — Потому что это случилось еще за три десятилетия до того, как Гринспэрроу захватил власть.

Лютиен растерянно замолк, осознав, что Сиобе сейчас около шестидесяти лет! Молодой человек внезапно понял очень многое из того, о чем он никогда раньше не задумывался.

— Я — полуэльфийка, — продолжала Сиоба. — Мне суждено прожить триста, возможно даже четыреста лет, если, конечно, меня не поразит оружие врага.

Девушка повернулась лицом к юному Бедвиру, и он отчетливо разглядел в тусклом свете очага ее прекрасное лицо и сверкающие зеленые глаза.

— Мой отец ушел, потому что не мог смириться с тем, что его возлюбленная и ребенок состарятся и умрут у него на глазах. Именно поэтому нас, полукровок, так мало, — объяснила она. — Волшебнорожденный может полюбить человека, но он знает, что это обрекает его на несколько веков одиночества.

— Значит, я — временный спутник, — заметил Лютиен, но в его голосе не было горечи.

— Кто знает, что может случиться, когда вокруг бушует война, — сказала Сиоба. — Я люблю тебя, Лютиен Бедвир...

— Но важнее всего восстание, — закончил ее фразу юноша.

Это было правдой, которую Сиоба не собиралась отрицать. Она действительно любила самого юношу, любила и Алую Тень, но совсем не так, как один человек может полюбить другого. Эльфы и полуэльфы, которые жили гораздо дольше, не могли позволить себе столь сильных чувств. Но Лютиен заслуживал большего, и Сиоба это понимала.

Она выскользнула из постели и начала одеваться.

Лютиену хотелось кричать, умолять ее остаться. Он желал ее с того момента, как впервые увидел в образе бесправной рабыни.

Но юноша понимал и признавал все, что она сказала этой ночью. Они любили друг друга, но их союзу не суждена была долгая жизнь.

Кроме того, существовала другая женщина, которую Лютиен тоже любил. Они оба знали это.

— Завтра циклопы не пойдут на город, — повторил Лютиен, когда Сиоба завернулась в тяжелую накидку.

— Соглашаясь с твоим решением, мы идем на огромный риск, — заметила она.

Лютиен кивнул и сказал единственное, что мог сказать:

— Верь в меня.

16. РИСКОВАННАЯ ИГРА ЛЮТИЕНА

Лютиен почти не спал остаток ночи, просто лежал в постели, наблюдая за тенями на потолке, и размышлял о Сиобе, Кэтрин и о противнике. В основном о противнике — его личном враге, огромном безобразном циклопе, самом хитроумном из всех одноглазых, которых когда-либо знал Лютиен.

Сиоба вернулась домой за час до рассвета и обнаружила, что юноша, полностью

одетый, сидит у камина, глядя на вновь разожженный огонь.

— Он не придет сегодня, — сказал Лютиен ровным, уверенным голосом. — Он собирается повести свою армию через реку и застать отряд Оливера врасплох.

Подождав ответа несколько секунд, Лютиен оглянулся. Сиоба стояла в дверях, держа его накидку.

Лютиен оделся и вышел вслед за ней на улицу.

Город уже проснулся и гудел, как растревоженный улей. Сиоба собрала практически всю армию, готовую вслед за вождем покинуть относительно безопасные стены. Снег снова превратился в холодный дождь, но ветер не утихал. Отвратительная погода ничуть не уменьшила решимости ополченцев отправиться на запад, чтобы выручить попавших в беду товарищей. И Лютиен знал, кто их вдохновил.

Юноша взглянул на Сиобу, спокойно стоявшую рядом с ним, и на глаза навернулись слезы благодарности. Лютиен осознавал всю глубину риска — если враг все-таки бросит свои силы против Кэр Макдональда, город будет взят. Сиоба тоже прекрасно это понимала, как и все мужчины и женщины, все эльфы и гномы, которые пришли сюда этим утром. Они были готовы рискнуть; они верили своему вождю.

Лютиен ощущал огромный груз ответственности, но он позволил себе лишь секунду колебаний. Всю ночь он проигрывал ситуацию в мозгу и теперь не сомневался, что понимает своего противника, правильно разгадал его намерения.

Сиоба и Шаглин отвели его в сторону.

— Я не иду с тобой, — сообщил ему гном.

Лютиен с любопытством посмотрел на Шаглина, не зная, как отнестись к этому неожиданному заявлению.

— Гномы составят костяк защитников, остающихся в Кэр Макдональде, — объяснила Сиоба. — Они лучше всех управляют с баллистами и катапультами, к тому же именно гномы приготовили ловушки, с которыми больше никто не сможет разобраться.

— И от нас не много пользы в глубоком снегу, — добавил со смешком Шаглин. — Бороды леденеют.

Было ясно, что решение Шаглина никак не связано с сомнениями, которые могли у него появиться. Кэр Макдональд нельзя оставить совсем без защиты. Даже если Лютиен рассчитал все правильно, циклопы могли послать один отряд на город, чтобы держать повстанцев в постоянном напряжении.

— Ты заберешь всех лошадей, — начал Шаглин, переходя непосредственно к делу и разворачивая карту. — Среди вас есть несколько человек, которые хорошо знают все тропы. Мы даже выслали вперед разведчиков, чтобы сообщали в город о твоём продвижении, на случай, если погода заставит тебя свернуть на другую дорогу.

Рассказывая, гном водил узловатым пальцем по карте, по предгорьям за южными воротами Кэр Макдональда, в западном направлении, вокруг лагеря повстанцев из Порт-Чарлея, а затем обратно на север, в поле, где они и встретят циклопов.

Отряд отправился в путь без промедления, длинная вереница из шести тысяч на все готовых воинов. В его рядах находились все эльфы и вся кавалерия, хотя в городе удалось найти не более двухсот пригодных лошадей. В предрассветной тьме повстанцы походили на привидения, они шли без огней, не переговариваясь, совершенно бесшумно.

Многие несли луки; каждый лучник был обвешан несколькими колчанами стрел. Одна группа тащила тюки перевязочных материалов и мазей, а две дюжины гномов, которые все-таки пошли с отрядом, разбились на группы по четыре человека, и каждая группа несла на плечах огромное бревно. Обледеневшие, покрытые скользкой грязью тропы замедляли продвижение — Лютиен и другие всадники вынуждены были всю дорогу ехать шагом, к тому же по снегу барабанил дождь. Время от времени они натыкались на снежный занос и пробивались сквозь него с помощью мечей и топоров.

Когда небо посветлело с приближением рассвета, в полях к северу прямо за рекой Феллинг Ран они увидели лагерь Порт-Чарлея. Лютиен поднялся на бугор и долго и

напряженно смотрел в этом направлении, ища какие-нибудь признаки циклопов.

Однако поле казалось абсолютно пустым.

В душу юного Бед вира закрались сомнения. Что, если он ошибался? Что, если циклопы все-таки отправились на Кэр Макдональд?

Лютиен выбросил эту мысль из головы, сосредоточившись на выбранном пути. Через несколько сотен ярдов земля становилась ровней, всадник мог добраться до лагеря за двадцать минут. Юноша отправил к Оливеру гонцов, приказав им пересекать ровное поле раздельно, из опасения сидящих в засаде циклопов.

Гонцы ускакали, но через несколько минут Лютиен снова увидел их в колонне. Он подъехал к ним, чтобы узнать, в чем тут дело, и услышал от гонцов, что Сиоба отменила приказ.

— Мои разведчики обнаружили в поле шпионов-циклопов, — объяснила она.

Лютиен снова взглянул на север, на лагерь.

— Наши друзья должны знать, где мы находимся, — сказал он.

— У нас тут и так совершенно нет укрытия, — ответила Сиоба, — если нас здесь обнаружат... — Неоконченная фраза тяжело повисла в воздухе, и Лютиен не стал продолжать эту тему. Если противник обнаружит маневр повстанцев прежде, чем армия Эйвона выступит, его целью безусловно станет Кэр Макдональд.

И опять в его душе зашевелились сомнения. Если шпионы циклопов находились между его колонной и лагерем Порт-Чарлея, то не может ли быть, что они уже разгадали его маневр?

Сиоба заметила, как омрачилось лицо Лютиена, и ободряюще похлопала его по плечу.

Их отряд занял позицию на северо-востоке от лагеря Порт-Чарлея, рассредоточившись у кромки поля так, чтобы их не было видно, но в полной боевой готовности. Лютиен решил, что это самая удобная позиция, ведь, когда наступит момент атаки, циклопы будут наступать по скользкой, неровной земле, а они обрушатся на них сверху.

«Когда наступит или если наступит», — думал Лютиен. Он продолжал всматриваться в пустынное поле, поливаемое дождем.

Прошел долгий час. День стал светлее, дождь превратился в холодную мелкую морось. Люди в лагере Порт-Чарлея зашевелились, сворачивая палатки и готовя снаряжение.

Еще час — и никаких признаков приближения циклопов.

Сиоба ждала, стоя рядом с Лютиеном.

— Наши друзья не начинают переходить реку, — раз за разом повторяла она, а это значит, что на Кэр Макдональд еще не нападают, циклопы не двигаются.

Это мало утешало Лютиена, предполагавшего, что его противник начнет атаку, как только рассветет, резко и решительно. Он думал, не пошли ли циклопы на город другим путем, с востока. Если им удастся преодолеть нелегкую для марша дорогу, армия Эйвона не окажется между защитниками города и отрядом из Порт-Чарлея. И тогда подкреплению, приведенному Оливером, придется обходить город или проходить сквозь него, чтобы добраться до поля боя.

Ощущая нечто весьма похожее на панику, Лютиен оглядел свой лагерь — кавалеристов, обтиравших вымокших под дождем лошадей, гномов, которые снова и снова пропитывали маслом свои бревна, лучников, проверявших, хорошо ли натянуты луки. Он внезапно почувствовал себя глупцом, который привел их всех к катастрофе, и был уже близок к тому, чтобы отдать приказ об отходе к Кэр Макдональду.

Но нет. Было уже поздно менять планы и решения. Оставалось только сидеть, ждать и наблюдать.

Еще час, опять дождь с мокрым снегом. Из Кэр Макдональда все так же ни слова, хотя в сером небе над городом поднялся шлейф черного дыма.

Какой-то одиночный поджигатель, уговаривал себя Лютиен. Но не настоящее большое сражение — конечно нет.

Однако беспокойство оставалось — и росло.

Он взглянул на Сиобу, которая тоже выглядела встревоженной. Время работало против них, разрушая надежды на удачу засады. Ведь если циклопы не атакуют, то, вероятно, они собирают информацию.

— Мы должны попытаться послать гонца в отряд из Порт-Чарлея, — сказал Лютиен.

— Это рискованно, — возразила девушка.

— Но они должны знать, — убеждал Лютиен, — и, если циклопы пойдут на город, необходимо узнать об этом немедленно, чтобы ударить им в спину прежде, чем падет стена.

Сиоба задумалась. Она понимала, что, если циклопы всей своей силой обрушатся на город, никакие предупреждения не помогут, но понимала и то, что Лютиен ощущает необходимость сделать хоть что-нибудь. Она и сама ощущала ту же необходимость.

Сиоба уже собиралась кивнуть в знак согласия, когда по цепи пронесся взволнованный шепот:

— На север!

Лютиен выпрямился во весь рост, как и все, кто находился рядом с ним, напряженно вглядываясь сквозь пелену дождя. Там двигалась черная с серебром масса, наконец-то направляясь на юг с расчетом окружить лагерь повстанцев и отрезать им отступление к западу. Сердце Лютиена бешено забилося.

Белсен Криг был высокого мнения о своем уме. В отличие от большинства своих соплеменников, он обладал достаточной храбростью и сообразительностью, чтобы импровизировать. Его целью был Монфор, и, если не взять этот город, ему безусловно придется отвечать перед безжалостным Гринспэрроу.

Но Белсен Криг знал, что он не сможет взять Монфор, пока сзади находится второй отряд, к которому могут присоединиться и новые мятежники. И поэтому военачальник циклопов симпровизировал. Он разделил оставшиеся одиннадцать тысяч преторианских солдат, отправив три тысячи прямо на юг, к восточному берегу Феллинг Ран, чтобы использовать реку как оборонительную позицию, так же как отряд из Порт-Чарлея использовал ее против него. Этой группе вряд ли придется много сражаться сегодня, но они удержат армию повстанцев на западном берегу, где Белсен Криг и его оставшиеся восемь тысяч солдат быстро с ней расправятся.

Основная часть циклопов выступила в поход еще с утра, сперва они направились на север, затем переправились через Феллинг Ран и повернули на юг, далеко обходя противника, чтобы тот их не заметил, пока не будет слишком поздно. Командир циклопов знал о существовании удобной площадки на западе от лагеря. Он раздавит там мятежников, а затем, в зависимости от своих потерь и от погоды, сможет принять решение: опять идти на Монфор или повернуть на запад и раздавить Порт-Чарлей.

Теперь враги были уже видны; скоро они поймут, что не могут перейти реку, а к тому времени, когда эти простаки распознают ловушку и сумеют отреагировать, у них уже не останется времени организованно отступить в горы. Конечно, некоторые смогут вырваться и рассеяться по окрестностям, но, в общем, это будет полный разгром.

Да, Белсен Криг в это утро мог по праву гордиться своей сообразительностью, но, в отличие от Лютиена, он недооценивал противника. Когда отряд циклопов свернул к удобной позиции на западе, повстанцы уже занимали еще более удобную позицию, гораздо выше, у отрогов гор на юге.

— Дела идут не слишком хорошо, — заметил Оливер, обращаясь к Кэтрин, когда сообщение о продвижении циклопов дошло до них. Они стояли вместе под одиноким деревом, рядом с ними переминались с ноги на ногу Тредбар и Ривердансер.

— Похоже, что они заблокировали реку. — Кэтрин указала на запад. Там, за Феллинг Ран, происходило какое-то движение. — Нам надо уходить в горы, и быстро.

— Хитрые ребята, — удивленно пробормотал Оливер. Ему совсем не понравилась подобная перспектива. Если циклопы оттеснят их к югу, на пересеченную местность,

повстанцы не смогут удержать свой отряд в каком-нибудь разумном порядке. Многие погибнут, а остальным придется беспомощно блуждать в горах, замерзая или умирая от голода. В конце концов, тех, кто не погибнет в первые дни, выловят патрули циклопов.

Но что же тогда делать? Конечно, они не могли сражаться с армией Эйвона на ровной, открытой местности.

Хлопок, вспышка и запах серы. Друзья оглянулись в тот самый миг, когда Бринд Амор, материализовавшись на ветке ближайшего дерева, обнаружил, что этот насест слишком скользкий, и свалился на землю.

Старый волшебник вскочил, хлопнул в ладоши и поправил одежду так, словно падение было намеренным.

— Ну, — бодро сказал он. — Вы готовы к бою?

Оливер и Кэтрин не понимали его легкомыслия. Они не знали, что волшебник наблюдал за происходящим всю ночь и утро своим магическим глазом. Бринд Амор уже давно знал о приближении циклопов, а также о том, что их друзья затаились на юге.

«Не стоит говорить об этом Оливеру и Кэтрин, — рассудил Бринд Амор. — Еще не стоит».

Кэтрин отбросила с лица мокрую прядь волос и взглянула на Оливера. Оба беспомощно пожали плечами — однако казалось, Бринд Амор знает что делает, — сели на своих коней и последовали за волшебником. Весь лагерь Порт-Чарлея активно работал, строя укрепления, готовясь встретить атаку циклопов.

— Я очень надеюсь, что он заготовил для них какие-нибудь сюрпризы, — сказал Оливер, глядя через открытое поле на приближающуюся массу черного с серебром.

— Не так уж их и много, — саркастически заметила Кэтрин, хотя отряд циклопов превышал их численностью как минимум вчетверо.

— Очень большие сюрпризы, — повторил Оливер. Им обоим показалось примечательным то, что снежная буря усилилась, когда циклопы начали свое продвижение вперед.

К чести отважных рыбаков из Порт-Чарлея, они не сломали ряды и не бросились бежать. По их рядам прошел слух, что группа циклопов укрепилась на восточном берегу. Повстанцам казалось, что ревущая масса врагов просто сравнивает их с землей. Но они не дрогнули. Тетива луков запела свою монотонную песню, и рыбаки запели тоже, считая, что это их последняя битва.

Бринд Амор отошел назад, его худые руки взметнулись к небу, голова запрокинулась, и он принялся творить заклинания, сквозь бурю обращаясь к энергии плотных туч. Многие из простых рыбаков вокруг него напугались, поскольку эти люди не знали магии и выросли в сознании того, что это какая-то дьявольщина. Однако никто не посмел попытаться перебить заклинания волшебника, а старый Дозье, который помнил времена до Гринспэрроу, остался рядом с волшебником, пытаясь успокоить своих напуганных товарищей.

Бринд Амору казалось, что все его тело удлиняется, вытягиваясь прямо в небо. Конечно, это было не так, но его дух действительно воспарил высоко, проникая в тучи, захватывая и собирая энергию, концентрируя и придавая ей форму, а затем бросил ее в виде ослепительной молнии в передние ряды наступающих циклопов.

Одетые в черное с серебром в ужасе отпрянули назад. Один неудачливый циклоп получил полновесный удар, и по его металлической броне засверкали и забегали голубые огоньки.

— Приличная работа! — отметил Оливер. Он скосил глаза на Кэтрин, однако та не смотрела вперед и даже не оглянулась через плечо на волшебника. Вместо этого она устремила взгляд налево, над головой Оливера, на юг.

— А вот это еще лучше! — широко улыбнулась Кэтрин.

Оливер повернулся как раз в тот момент, когда раздался звук рога и показалась кавалерия Лютиена. Хафлинг разглядел четыре веера черного дыма, когда гномы зажгли свои бревна, настолько промасленные, что дождь не мог их загасить. Гномы — по четыре на

каждое бревно — удерживали свои пылающие тараны за толстые, насквозь промоченные веревки и стремглав неслись с ними по склону.

— Лютиен, — выдохнула Кэтрин.

— Ну так бы его и расцеловал, — объявил Оливер.

— И я тоже, — почти беззвучно пробормотала Кэтрин, но Оливер уловил каждое слово и улыбнулся, согретый этой мыслью (и немало завидуя своему светловолосому другу!).

Отряд циклопов превратился в обезумевшую массу. Одноглазые падали друг на друга, пытаясь убраться с дороги, многие швыряли в нападающих копья и даже мечи.

Но крепкие гномы упорно держались своего курса и добежали почти до вражеского строя и лишь тогда выпустили зажженные бревна. Одноглазые посыпались на землю десятками, как сбитые кегли.

Прямо за гномами следовали, стреляя на бегу из луков, эльфы Сиобы, а также множество мужчин и женщин из Кэр Макдональда. Невозможно было остановиться на скользком склоне, но отряд и не собирался останавливаться или даже замедлять движение. Они неслись вперед, с налету втапывая попадавших на пути циклопов в грязь, а остальных обращая в бегство.

Зажатый в середине одного из последних рядов своего отряда, Белсен Криг с отчаянием наблюдал за происходящим. Безобразному генералу никогда не приходило в голову, что люди смогут решиться выйти из Монфора.

Еще одна молния ударила в его войско. Она убила не многих, но вселила ужас в сердца тех, кто находился поблизости. Битва только началась, отряд из Порт-Чарлея еще даже не вступил в нее, но Белсен Криг уже осознал опасность. Его солдаты были слабы и истощены от голода. Некоторые дезертировали предыдущей ночью — явление неслыханное для преторианской гвардии.

Им нужна была победа, и Белсен Криг полагал, что он ее легко завоюет, сражаясь против небольшого лагеря.

Так он полагал.

Еще одна молния опалила землю около генерала циклопов, настолько близко, что его забрызгала кровь разорванного солдата.

Огромный одноглазый вытащил меч. Он сконцентрировался на сражении, которое происходило рядом с ним. С типичной для циклопов яростью Белсен Криг решил вдохновить солдат собственным примером.

Он встретился с первым врагом минутой позже. Стремительный бросок вперед, взмах мечом — и его меч обагрился первой кровью.

Первыми врезались в строй противника сто семьдесят кавалеристов во главе с Лютиеном. Как и те, кто бежал вслед за ними, всадники не смогли бы замедлить продвижение на скользком склоне, да они и не пытались, используя вес своих коней, чтобы смести первые ряды одноглазых.

Здесь не было отдельных мишеней, только сплошная серебристо-черная масса, которую надо было рубить, и Лютиен делал именно это, разрубая шлемы и черепа, поворачивая коня то туда, то сюда, поражая мечом все, что двигалось внизу. Он слышал вопли ужаса с востока, грохот горящих бревен и яростные вопли бородатых гномов. Он слышал свист стрел и звон стали о сталь и знал, что весь его отряд вступил в сражение.

Удар молнии опалил землю, затем еще, и Лютиен, которому приходилось быть свидетелем гнева волшебника, порадовался, что Бринд Амор на его стороне.

Затем откуда-то спереди раздались новые вопли, опять зазвенела сталь, и Лютиен понял, что в схватку вступил отряд из Порт-Чарлея. Он подумал о Кэтрин с Оливером, о Тредбаре и Ривердансере и от всей души понадеялся, что они выйдут из схватки живыми.

Но все это были мимолетные, на краю сознания обрывки мыслей, поскольку главным все равно оставалось колыхавшееся под ним море черного с серебром. Лютиен получил удар

в ногу, скользящий удар, который больше пришелся по его лошади. Он сделал широкий взмах «Ослепительным», чтобы рассчитаться с одноглазым, но тот уже исчез, затерялся в сумятице боя. Но это не имело особого значения, потому что вокруг него и так хватало циклопов. Его огромный меч обрушился на чей-то шлем сбоку с такой силой, что сломал владельцу шлема шею.

И это продолжалось довольно долго. Треть всадников были сброшены с коней, но мертвых циклопов было гораздо больше, а многие другие бежали куда глаза глядят.

Лютиен преследовал отступающих врагов, тесня и круша их. Время от времени он кричал: «Свободу Эриадору!» — и облегченно вздыхал всякий раз, когда ему отвечали, тем самым находя подтверждение, что его еще не отрезали от друзей.

Битва была недолгой — совсем не такой, как бойня у стен Кэр Макдональда или беспорядочное побоище во дворе, после того как снесли городские ворота. Циклопы, с их весьма слабыми понятиями о моральном духе, видя, что предполагаемая легкая победа оборачивается ужасным кровопролитием, сломали строй и рассеялись по полю. Они еще пытались организовать какую-то оборону, но каждый раз повстанцы сносили их вновь образовавшиеся крошечные формирования и рассеивали их по полю.

К тому времени, как циклопы полностью осознали силу неожиданно подошедшего с юга отряда, несколько сотен уже погибли, а присутствие в рядах противника волшебника вселило в их сердца ужас. Они выросли в эпоху Гринспэрроу, были личной гвардией волшебника-короля, и они знали, на что способны разъяренные чародеи.

Они знали.

Там, где появлялись Белсен Криг и конные младшие офицеры, было больше порядка и организованности, но даже огромный одноглазый генерал понимал размеры катастрофы. Он продолжал надеяться, что отряд в три тысячи циклопов из-за реки вступит в сражение, но он сам не давал им таких приказаний. Белсен Криг понимал недостатки собственной расы. Преторианская гвардия состояла из крепких воинов, дисциплинированных и храбрых (для циклопов), но они не умели принимать самостоятельные решения. Ими руководил один командир (в данном случае Белсен Криг), и они действовали, подчиняясь его воле, выраженной прямыми и простыми приказами. Циклопам за рекой было приказано окопаться и удерживать территорию, именно так они и сделают, тупо сидя там, пока их главные силы гибнут на поле боя.

Белсен Криг высмотрел Лютиена и кавалерию Кэр Макдональда, которые крушили ряды армии Эйвона южнее его позиции. Как только он узнал юного Бедвира, человека в алой накидке с речки Феллинг Ран, то сразу понял, кто разрушил его планы.

Циклоп был слишком переполнен яростью, для того чтобы поклониться искусству противника. Ему хотелось сбить Лютиена с ног и растоптать своим вепреконе, изрубить в куски! Но Белсен Криг был достаточно умен. Его отряда, классического квадратного формирования, каким он являлся в начале боя, больше не существовало, и он не мог вновь перестроить сколько-нибудь существенное количество своих напуганных и ослабевших солдат. Не сейчас. Не тогда, когда тебя теснят с двух сторон, а волшебник швыряет в тебя молнии.

Белсен Криг подумал о том, чтобы собрать столько воинов, сколько он сможет, и отправиться прямо на восток, к реке, чтобы попытаться объединиться с другим отрядом, но разведчики, которых он выслал вперед, вернулись, испуганно качая своими глупыми головами, поскольку основная часть отряда из Кэр Макдональда свернула на юго-восток и уже соединилась с отрядом из Порт-Чарлея.

Белсен Криг опять взглянул на юг, на секунду увидел Лютиена с высоко поднятым мечом, в развевающейся алой накидке. «Опять он, — подумал циклоп. — Все из-за этого поганого человечихи, все из-за него».

И тогда последовал приказ, абсолютно непривычный для преторианской гвардии:
— Отступаем!

Лютиен постепенно выбрался из толкучки, или, скорее, толкучка постепенно рассеялась вокруг него. Теперь он уже с трудом находил себе цель, а когда все-таки находил, то пускал коня вскачь и вбивал одноглазого в грязь конскими копытами, без помощи меча.

Юноша как раз скакал к одному из противников, когда тот неожиданно взвыл и рухнул, обеими руками вцепившись в пах. Откуда-то сбоку выскользнула знакомая фигурка хафлинга; широкие поля его шляпы обвисли под тяжестью снега.

Оливер обежал циклопа и несколько раз ткнул его рапирой.

Лютиен был настолько обрадован и взволнован, что еле успел заметить второго циклопа, нацелившегося в спину хафлинга.

— Оливер! — крикнул он, испугавшись, что опоздал.

Но бдительного хафлинга трудно было застать врасплох. Он резко отвернулся от циклопа, с которым сражался, упал на одно колено и, пока одноглазый заносил меч, вонзил рапиру ему в пах. Как и его сотоварищ перед этим, циклоп согнулся и взвыл, и Оливер следующим выпадом проделал в его горле ровное отверстие.

Затем хафлинг посмотрел вверх и увидел, как юный Бедвир на коне расправляется с первым раненым циклопом одним мощным ударом «Ослепительного».

— Я потерял своего коня! — крикнул Оливер другу.

— Сзади! — завопил Лютиен, потому что за спиной Оливера возник еще один преторианец с огромной шишастой дубиной.

Хафлинг молниеносно упал на землю; Лютиен бросил коня вперед, направив свой меч на циклопа. Тот попытался защититься, но мощный удар выбил дубину у него из рук. Теперь ему было уже нечем блокировать выпад Оливера, снова нацеленный вниз, в наиболее чувствительную часть тела.

Лютиен развернул коня и прикончил согнувшегося пополам циклопа.

— Почему ты только туда и целишься? — спросил он, несколько шокированный пристрастием Оливера к ударам ниже пояса.

— О, — возмутился хафлинг, как будто его обидело обвинение. — А будь ты моего роста, ты бы что, целился им в глаз? — Лютиен вздохнул, а Оливер щелкнул пальцами, отмечая очередную победу в словопрениях.

— И, кроме того, — невинно добавил он, — мне казалось, что тебе по вкусу такие удары.

Глаза Лютиена сузились, когда он уловил намек на поведение Кэтрин той ночью в «Гнэлье».

— А этот одноглазый, — продолжал Оливер, — вдруг он влюбится в меня? — Фыркнув, хафлинг взглянул на мертвого циклопа, пожал плечами и снова повернулся к Лютиену. — Теперь-то уж нет, но ведь мог...

Внезапно мимо друзей с топотом пронесся кавалерийский отряд, и один из всадников остановил коня рядом с Лютиеном.

— Командиры одноглазых... — сказал он, задыхаясь. — На своих вепреконях... уходят!

Лютиен развернул коня и схватил приятеля за руку.

— А как же мой пони! — запротестовал хафлинг, но Лютиен уже вздернул его наверх и посадил перед собой. Оливер пронзительно свистнул и огляделся, но рыжего пони нигде не было видно.

Битва растянулась по полям далеко на север, циклопы бежали. Лютиен и его кавалерийский отряд, примерно двадцать всадников, не обращая внимания на бегущих пеших циклопов, сосредоточились на том, чтобы догнать кавалеристов противника. Вепрекони могли двигаться быстро, особенно по покрытым грязью полям, но все же не так быстро, как обычные кони, и вскоре они увидели Белсена Крига и десяток его сопровождающих.

Кавалерия рванулась вперед с боевым кличем повстанцев. Офицеры циклопов знали,

что их увидели, знали, что они не смогут опередить быстроногих скакунов, поэтому они повернули, готовые к бою.

Лютиен заметил огромного одноглазого генерала, а Белсен Криг увидел его. И сразу показалось, что они остались на поле одни, потому что юный Бедвир выехал вперед на своем коне, то же сделал командир циклопов, и ни один воин с обеих сторон не двинулся, чтобы вмешаться в их схватку.

Лютиен натянул поводья, то же самое сделал и Белсен Криг. Они испепеляли друг друга взглядами.

— Слезай, — скомандовал Лютиен Оливеру.

До огромного циклопа было не более дюжины ярдов. Оливер ощущал ледяную ненависть, возникшую в сердцах обоих командиров. И это чувство могло исчезнуть только со смертью одного из соперников.

— Пожалуй, пора, — согласился он и скатился со спины коня, сделав полное сальто и бодро приземлившись на ноги — ну, почти приземлившись, потому что попал на особенно скользкий участок земли, ноги его разъехались, а сам он сел в грязь. Смущенный хафлинг оглянулся, приходя в ужас от своего позора, но никто из присутствующих не обратил на это ни малейшего внимания.

— Кэр Макдональд! — прорычал Лютиен в лицо генералу циклопов.

Белсен Криг склонил свою огромную голову, словно пытаясь понять услышанное, а затем улыбнулся и поправил противника:

— Монфор.

Лютиен взревел и бросился в атаку. Белсен Криг поскакал ему навстречу. Их огромные мечи зазвенели друг о друга, не нанеся никому существенного ущерба, но рука Лютиена сразу ощутила тяжесть удара циклопа.

Оливер с ужасом осознал, что теперь огромный циклоп ближе к нему, чем Лютиен, и никого больше рядом нет. Он тоскливо взвыл и взглянул на свою рапиру, казавшуюся такой крошечной по сравнению с конным чудовищем, но, к его величайшему облегчению, жуткий монстр даже не заметил его, только развернул вопреконя и начал второй заход.

Опять мечи скрестились высоко в воздухе. Но на этот раз Лютиен уже не пытался отбить удар, а лишь слегка отклонил его и пригнулся, когда тяжелый клинок Белсена Крига промелькнул рядом с его головой. Ловкий Бедвир даже позволил мечу на мгновение выпасть из руки, но тут же перехватил его, сделал колющий выпад, целясь в бедро противника, но слегка промахнулся и вогнал свой клинок в бок вопреконя.

Могучее животное отпрянуло, и Лютиену пришлось отпустить поводья и схватиться за рукоять меча обеими руками, чтобы не потерять его. Он удержал свое оружие и даже сумел его выдернуть, но в ходе этого вылетел из седла. Лютиен шлепнулся в грязь и успел вскочить на ноги как раз вовремя, чтобы увидеть, как Белсен Криг освобождает ноги из стремян упавшего вопреконя.

— Теперь ты умрешь! — пообещал циклоп, без малейших колебаний направляясь к противнику. Взметнулся его огромный меч, затем быстро пошел вниз, и Лютиен едва успел парировать удар.

Белсен Криг продолжал атаку рубящим ударом сверху и прямым выпадом. Лютиен блокировал удар и в последний момент отпрыгнул в сторону.

Циклоп яростно наседал, а юноша ограничивался в основном тем, что уклонялся от ударов и отводил их в надежде, что противник в конце концов вымотается. Он находил в обороне Белсена Крига брешь и делал длинный жалящий выпад, но тут же снова принимал защитную стойку, чтобы отразить очередную яростную атаку.

Хотя Лютиен видел тонкие струйки крови на своем противнике, он понимал, что это, в сущности, ерунда. Он казался себе разъяренной, но ничтожной осой, которая жалит великана, а не сражающимся с кем-то на равных. Лютиен попытался обуздать подступающую панику и напомнил себе, что и оса может победить.

Но только если не допустит ни единой ошибки.

Это продолжалось довольно долго, Лютиен жалил и уклонялся, но Белсен Криг, казалось, ничего не чувствовал, и его напор не ослабевал под влиянием усталости. Да, это был самый сильный противник из всех циклопов, с какими доводилось встречаться Лютиену. Юноша понимал, что нельзя пропускать ни одного удара, что, если меч циклопа коснется его хоть раз, он просто будет разрублен пополам.

А потом это произошло; Лютиен, кружа по полю, поскользнулся и упал на одно колено. Белсен Криг тут же очутился над ним, его меч пошел вниз.

«Ослепительный» взметнулся вверх, пошел горизонтально над головой Лютиена. Меч Белсена Крига ударился о него возле рукояти и остановился, но рука Лютиена не выдержала удара и выронила меч. Никаких повреждений, вроде бы, не было, однако руку пронзила жгучая боль, и она отказывалась слушаться.

Лютиен перехватил «Ослепительный» левой рукой и почти не глядя ткнул им вперед, пытаясь заставить одноглазого монстра отступить. Удар попал Белсену Кригу в живот, но недостаточно сильно, чтобы его остановить.

Лютиен попытался встать, но снова упал от внезапного толчка и почувствовал, что кто-то (или что-то?) пробежал по его спине.

Спрыгнув с плеч Лютиена, Оливер захватил Белсена Крига врасплох. Глаз циклопа расширился, являя собой замечательную мишень, но Оливер, потерявший равновесие из-за того, что Лютиен даже и не думал лежать спокойно, промахнулся, и его рапира вонзилась чуть ниже и левее глаза, в щеку Белсена Крига.

Циклоп взвыл, замахал огромными ручищами и отпрянул назад. Он выпрямился, но в тот же момент поднялись и Лютиен с Оливером.

— Ты, одноглазый урод, — издевательски сказал Оливер. — Тебе никогда не понять цену дружбы!

И словно чтобы подчеркнуть слова хафлинга (он специально подгадал момент), сверкающий белый конь, чья длинная шерсть поблескивала от влаги, гремя копытами, возник позади циклопа и толкнул его в плечо, отчего тот полетел прямо в грязь лицом.

Когда Белсен Криг поднялся, отплевываясь от грязи, то обнаружил, что вокруг него стоят Лютиен, Оливер и прекрасная Кэтрин О'Хейл, верхом на Ривердансере. Рыжие волосы девушки, потемневшие от дождя, разметались по плечам. Она широко улыбалась, ее зеленые глаза сверкали ярче, чем кристаллики льда, образовавшиеся на концах густых волос, — она явно понимала ситуацию, ощущала победу, завоеванную сегодня.

Белсен Криг оглянулся в поисках поддержки. Он увидел, как последний из его офицеров медленно свалился со своего вепреконя, открывая торжествующего всадника с мечом, покрасневшим от крови. Вокруг собралось более десятка кавалеристов Лютиена с теми несколькими, которые прискакали вместе с Кэтрин, включая изящную женщину верхом на рыжем пони с облезлым хвостом.

При виде своего любимого Тредбара Оливер расплылся в улыбке, но затем взглянул на командира циклопов и сразу стал серьезным.

— Я думаю, тебе следует сдаться, — заметил он.

Белсен Криг обвел всех долгим взглядом. Лютиен практически слышал его мысли — мысли загнанного животного, думающего о побеге. Но бежать было некуда. Лютиен не знал, что сделает Белсен Криг, куда повернется, но вдруг, совершенно неожиданно, тот бросил свой меч на землю.

Вся группа как один расслабилась, а Лютиен сделал шаг к циклопу. Его правая рука все еще болела, но не настолько, чтобы он не мог держать «Ослепительный», осторожно напрягая мышцы и морщась от боли.

Белсен Криг бросился вперед, в его руке блеснул появившийся словно ниоткуда нож.

— Лютиен! — в один голос закричали Кэтрин и Оливер. Но прежде чем это слово слетело с их губ, свободная левая рука юноши стремительно поднялась, перехватив запястье циклопа. Лютиен вряд ли мог удержать движение массивной руки Белсена Крига, но он использовал ее как опору, чтобы увернуться от ножа, а затем его собственный меч пронзил

нагрудник Белсена Крига и вошел ему в легкие.

На одну длинную минуту они застыли, а затем Белсен Криг зарычал — рты свидетелей открылись от изумления — и, медленно преодолевая сопротивление Лютиена, двинул нож к его груди.

Лютиен вздернул руку, державшую меч, вверх, и движение Белсена Крига резко остановилось. Опять оба замерли, не мигая. Их лица находились на расстоянии нескольких дюймов друг от друга.

— Один — ноль, — прорычал Лютиен, и умирающий Белсен Криг ничего не ответил, потому что в течение всей битвы юный Бедвир действительно опережал его на один шаг.

Лютиен снова вздернул меч, и тогда ноги Белсена Крига медленно подломились и он упал на колени. Юноша чувствовал, как из огромной руки циклопа уходит сила; нож упал на землю.

Лютиен освободил «Ослепительный», но даже без него Белсен Криг не упал. Мертвый генерал циклопов остался стоять в грязи на коленях.

Его быстро занесло снегом.

17. ПЛАНЫ И РАЗДУМЬЯ

Разгром закончился очень быстро, половина отряда Белсена Крига была убита, а вторая половина в беспорядке бежала в поля. Потери эриадорцев оказались относительно малы. Рыбаки из Порт-Чарлея могли сосчитать своих погибших на пальцах шести рук, однако группа Лютиена, которая бросилась в самую гущу циклопов, была несколько потрепана.

Обе армии Эриадора объединились в поле неподалеку от лагеря повстанцев. Они перевязали своих раненых, добились умирающих циклопов, а остальных построили в колонну. К счастью, пленных оказалось не слишком много, не больше сотни, и с ними, пережившими разгром гордой преторианской гвардии, проблем было немного.

Снежная буря крепчала, небо темнело, хотя было всего лишь около двенадцати. Бринд Амор организовал колонну для марша, поставив всех лучников впереди. Они вступили в небольшую схватку при переходе Феллинг Ран, но обошлось только стрельбой из луков. Циклопы отвечали, швыряя тяжелые дротики, но при этом проявили типичную для них меткость, и ни один из эриадорцев не был ранен.

В душах оставшихся солдат армии Эйвона сохранилось не слишком много боевого пыла — они сломали свои ряды и обратились в бегство еще до того, как эриадорцы подошли к реке. Весь остаток дня самой большой проблемой для армии Эриадора оставалось возвращение под защиту стен Кэр Макдональда, так как буран бушевал в полную силу.

Подъезжая на Ривердансере к городу, Лютиен уже издали услышал приветственные крики, потому что новость о разгроме врага летела впереди возвращавшейся армии. Юный Бедвир потерял сегодня нескольких друзей, женщину и двух мужчин, которые часто бывали в «Гнэльф», но его печаль утешала вера в то, что друзья погибли не напрасно. Они победили, Эриадор победил! Торжествующая армия вместе с союзниками из Порт-Чарлея вошла в город, рассыпалась по улицам, разбилась на маленькие группки, вновь и вновь припоминая славные события этого дня.

Лютиен, Кэтрин и Оливер вернулись в свой дом, расположенный в Крошечном Алькове, чтобы поделиться событиями последних недель. Юный Бедвир был счастлив вновь увидеть своих дорогих друзей, особенно Кэтрин. Он даже не осознавал, как сильно он скучал по ней. Конечно, юноша подумал о Сиобе и их разговоре накануне ночью, но он еще не успел разобраться в том, что это будет означать для него самого.

Сейчас Лютиен знал только одно — он рад, просто счастлив снова видеть Кэтрин О'Хейл. Некоторое время спустя к ним присоединились Бринд Амор, Сиоба и Шаглин, который тоже был очень занят весь день.

— Мы убили всех циклопов, разбежавшихся по улицам Кэр Макдональда, — заверил его гном. — Больше ничего гореть не будет.

Бринд Амор, погрузившись в самое удобное из трех кресел в маленькой гостиной, поднял чашу с вином, приветствуя эту новость. Сиоба и Оливер, которые тоже сидели, попивая вино, присоединились к нему, то же самое сделали остальные трое, подняв кружки с золотым медом.

Сидя у камина, Лютиен посмотрел вверх пламени на Кэтрин, и их обоих согрело нечто большее, чем пылающее между ними пламя.

— Ну, — поправился Шаглин, пододвигаясь к камину, — я имел в виду, что ничто не будет гореть без нужды!

Эта поправка вызвала легкий смешок у всех собравшихся.

— Однако несколько тысяч циклопов все еще шатаются где-то по полям, — заметил Оливер.

— Вот уж холодно им, бедным, — фыркнула Кэтрин.

— А тех, кто переживет снежную бурю, мы переловим, — мрачно пообещала Сиоба.

Лютиен кивнул. На обратном пути в Кэр Макдональд были организованы группы преследования. Циклопам никуда не уйти.

— Поблизости нет городов, кроме Феллинг Даунза, — продолжала Сиоба. — И эти скоты не найдут там себе пристанища, потому что все дома были разрушены. Скорее всего, они повернут на Порт-Чарлей.

Лютиен не столько слушал ее слова, сколько голос, каким они произносились. Тяжелое сражение было выиграно, но Сиоба не позволяла себе расслабиться. Да, для этой девушки восстание было важнее всего, оно поглощало ее всю. Она готова на все, лишь бы освободить Эриадор и своих братьев от Гринспэрроу.

На все, вплоть до того, чтобы делить постель с Алой Тенью? Лютиен попытался отбросить эту мысль, как только она появилась, укоряя себя за то, что так плохо думает о Сиобе. Между ним и полуэльфийкой проскользнуло что-то настоящее, что-то теплое и чудесное, и, хотя они оба знали, что это никогда не перейдет в нечто большее, Лютиен готов был поклясться, что он никогда не будет вспоминать свои утраченные отношения с Сиобой с сомнениями или сожалениями. Он стал лучше, узнав ее, его жизнь обрела новую радость, потому что она превратилась в ее часть. И, глядя сейчас на девушку, Лютиен верил всем сердцем, что она чувствует то же самое.

Юноша перевел взгляд с Сиобы, которая продолжала говорить о неотложных делах, на Кэтрин. Он понял, что Кэтрин все это время смотрела на него, потому что рыжеволосая воительница покраснела (что редко случалось с ее покрытым загаром лицом) и отвела зеленые глаза.

Лютиен постарался улыбнуться, чтобы скрыть боль, закрыл глаза, стараясь удержать в памяти образ женщины из Хейла, и откинул голову назад. Затем он задремал, а разговор продолжался и стал еще горячее, сосредоточившись на нем самом.

— Наш бесстрашный вождь, — сухо заметил Оливер, обратив внимание на позу юноши и его ровное дыхание.

Все пятеро рассмеялись, Кэтрин протянула руку, чтобы растолкать Лютиена.

— Пусть спит, — остановила ее Сиоба. В воздухе немедленно повисло напряжение, когда Кэтрин повернулась и посмотрела на полуэльфийку.

— Он трудился день и ночь, — продолжала Сиоба.

Кэтрин выпрямилась и опустила руку.

— Ну, разумеется, те циклопы, которым удалось сегодня бежать, не причинят больших неприятностей, — вмешался Бринд Амор громко и значительно, что заставило всех отвлечься и посмотреть на старого волшебника. — Многие погибнут в пурге, а те, кто останется в живых, вряд ли смогут сопротивляться, когда мы их догоним. Конечно, они отправятся на запад, к своему флоту, который уже не их флот!

— А сможет Порт-Чарлей справиться с ними? — серьезно спросил Оливер, потому что самые крепкие жители городка находились сейчас в Кэр Макдональде.

— Немногие циклопы доберутся туда, — пообещала Сиоба.

— И мы успеем перебросить в Порт-Чарлей достаточно воинов, прежде чем туда доберутся циклопы, — добавил Бринд Амор. — Их будут преследовать на каждом шагу, а нам известны самые короткие тропы. Нет, с ними будет немного хлопот. Армия Эйвона, которая пришла к нашим берегам, разбита.

— Но что это значит? — задал Шаглин вопрос, который вертелся у каждого на языке.

Мертвая тишина. Рассматривая далеко идущие последствия сегодняшней победы, каждый из них осознал, что, в конце концов, она, возможно, всего лишь мелочь, крохотное светлое пятнышко во тьме, называемой Гринспэрроу.

— Это значит, что сегодня мы выиграли битву, — сказал Бринд Амор после долго молчания. — И теперь у нас есть флот, чтобы затруднить любое будущее вторжение через Порт-Чарлей.

— Но теперь Гринспэрроу начнет принимать нас всерьез, — предупредил волшебник. — Снег глубок, это нам на руку и дает некоторое время, но дни сейчас станут теплее, и снег долго не пролежит. Мы можем ожидать, что, как только снег растает, к нам пожалует армия от Мальпьюсантовой стены и, возможно, еще одна армия, через перевалы Айрон Кросса, и каждая из них будет больше той, которую мы только что разгромили.

Радостное настроение пропало, полностью развеялось мрачным, но необходимым вопросом гнома и очевидной правдой ответа волшебника.

Бринд Амор внимательно разглядывал своих товарищей. Он знал, что эти пятеро были представителями Эриадора. Здесь находилась Кэтрин, гордая Кэтрин, отчаянно стремившаяся вернуть дни свободы Эриадора, дни его славы. Большинство островитян были похожи на нее — на Бедвидрине, Марвисе и Карите, — равно как и рыбаки Порт-Чарлея, и племена на север от Эрадоха, в области залива Колтуин.

Здесь была Сиоба, гневная Сиоба, уязвленная несправедливостью и лелеющая мысли о мщении. Она являлась законным представителем исконного населения Монфора — нет, Кэр Макдональда; теперь город можно называть так, подумал волшебник. Она была душой и мозгом восстания, гордая, но не настолько, чтобы отказаться от вмешательства волшебника, когда поняла, что это вмешательство пойдет на пользу ее народу.

И Шаглин, чей народ пострадал больше всего. Этим двигали не ярость и не смирение, и Бринд Амор прекрасно понимал его чувства. Те гномы, которые погибли в самоубийственной засаде около рухнувшей стены, не гневались и не ощущали печали. Они просто делали то, что считали своим долгом. Они просто надеялись, что и Эриадор, и их народ после самопожертвования небольшого отряда обретут лучшую судьбу. И вот он сидел здесь, чернобородый гном, до мозга костей воин. Бринд Амор думал, что, если бы у него была армия из десяти тысяч таких, как Шаглин, он мог бы стереть Гринспэрроу с лица земли.

И тут же сидел Оливер, олицетворение столь многочисленных в Эриадоре чужеземных бродяг. Эти дикие края притягивали к себе всех, кто не вписывался в мирную жизнь ни в Эйвоне, ни в Гаскони. В ценности Оливера на поле боя не приходилось сомневаться. К тому же он очень много значил в качестве надежного друга Лютиена. Но истинная ценность Оливера и многих, подобных ему, которые безусловно всплывут на поверхность, когда восстание распространится, — в его знании других земель и других людей. Если это восстание достигнет того уровня, когда Гасконь сочтет возможным его поддержать, знания Оливера об этой стране окажутся бесценными. Оливер — дипломат? Бринд Амор уже давно обдумывал и эту возможность.

И наконец, Лютиен. Юноша все еще дремал, прислонившись спиной к камню камина. В нем объединились они все, подумал Бринд Амор. Гордый, как островитянин, яростный, как житель Кэр Макдональда, чистый, самоотверженный воин и вождь, в котором так отчаянно нуждался Эриадор. После своих подвигов на поле битвы Лютиен стал тем краеугольным камнем, на котором Эриадор устоит — или падет. Рассказ о «рискованной игре Лютиена» уже распространился далеко за городскими стенами, смешиваясь с историями об Алой Тени, таинственном борце против того зла, которое олицетворял Гринспэрроу. Кто бы мог подумать, что молодой человек из Бедвидрина обретет такую

славу?

— Я бы мог! — ответил Бринд Амор на собственный вопрос, неожиданно для себя самого — вслух, а затем смущенно откашлялся и огляделся по сторонам.

— Что случилось? — потягиваясь, спросил проснувшийся Лютиен.

— Ничего, пустяки, — извинился волшебник. — Видимо, моим мозгам потребовалось упражнение для челюсти.

Остальные пожали плечами и не обратили на это внимания, кроме пронизательного Лютиена, который задержал свой взгляд на Бринд Аморе, словно читая его мысли.

— А знаете, — начал Оливер, привлекая всеобщее внимание, — я как-то был в диких землях Ангарота. — Видя, что это заявление не произвело особого впечатления, он пояснил:

— Это жаркий и пыльный край к югу от Гаскони.

— Ангарская война? — осведомился Бринд Амор, более сведущий, чем все остальные, несмотря на тот факт, что большую часть нескольких последних веков он провел во сне в пещере.

— Что это за война? — хмыкнул Лютиен.

— Ангарская война, — повторил Оливер с обиженным видом. — Более того, — сказал он, обращаясь уже к одному волшебнику, — я сражался под командованием самого де Буа, в четвертом Кабалезском полку.

Волшебник приподнял бровь и уважительно кивнул, хотя для всех прочих эта справка ровно ничего не значила. Оливер раздулся от гордости и огляделся по сторонам, но быстро сник, когда осознал невежество своих слушателей.

— Четвертый Кабалезский, — значительно продолжал он. — Мы забрались в самую глубину Ангарота, преследуя Красных Копейщиков, главную военную силу этой страны.

Бринд Амор встретил любопытные взгляды всех остальных и кивнул, придавая вес рассказу Оливера, хотя сам волшебник сильно сомневался в том, что тот когда-нибудь добирался до Ангарота. Немногие гасконцы, побывавшие в этих диких землях, смогли вернуться назад. Но Бринд Амор был наслышан об Ангаротской операции де Буа — одной из самых блестящих побед в истории военного дела.

— Мы не могли победить, — продолжал Оливер, — нас было двести против нескольких тысяч, и ни один из нас не надеялся выйти оттуда живым.

— И что же вы сделали? — спросил Лютиен после долгой театральной паузы, подавая приятно ожидаемую им реплику.

Оливер щелкнул пальцами и надменно присвистнул:

— Конечно, мы атаковали.

— Все так и было, — вмешался Бринд Амор, прежде чем выражение глубокого недоверия успело появиться на лицах слушателей. — Де Буа распределил своих солдат в зарослях по периметру лагеря противника, снабдив их барабанами. Они стучали палками по деревьям, изображали крики огромных слонов и других боевых животных — и все это чтобы заставить врага поверить, что их очень много, целая армия.

— У Красных Копейщиков, уже достаточно потрепанных, — добавил Оливер, — была позиция, неудобная для ведения боя. И они отступили к горам.

— Де Буа следовал за ними и обманывал их пустыми угрозами, — закончил Бринд Амор. — К тому времени, когда командиры Красных Копейщиков разобрались в его обмане, четвертый полк получил необходимые подкрепления. Красные Копейщики Ангарота спустились с гор, ожидая схватки с небольшим отрядом, но все оказалось не так. Это была единственная победа Гаскони в той войне.

Оливер кисло взглянул на старика при этом последнем утверждении, но его недовольство вскоре растаяло, так как хафлингу слишком хотелось рассказать о своей роли в этом шедевре стратегии.

— Они собирались назвать это «Блефом Оливера», — заявил он.

Бринд Амор с трудом скрыл усмешку.

— Прекрасная история, — заметил Шаглин, явно не слишком поверивший в нее.

— Ну, и какой из нее можно сделать вывод? — поинтересовалась Кэтрин.
Оливер вздохнул и покачал головой, как будто вопрос был просто смешным.
— А разве мы не похожи на Четвертый Кабалезский полк? — спросил он.
— Объясни все как следует, — потребовал Шаглин.

— Вот и нам сейчас нужно атаковать, — без колебаний откликнулся хафлинг. Глаза едва ли не всех присутствующих расширились от недоумения, но Оливер смотрел на одного волшебника, надеясь найти у него поддержку.

Бринд Амор кивнул и улыбнулся — он все время надеялся, что кто-нибудь предложит именно это и тем самым избавит его от множества проблем. Он знал, что гораздо лучше согласиться с планами соратников, чем навязывать им свои.

Кэтрин поднялась и отряхнула пыльные штаны.

— Атаковать где? — спросила она, явно считая саму идею смехотворной.

— Атаковать стену, — ответил Бринд Амор, — нанести удар по Мальпьюсантовой стене, до того как Гринспэрроу сможет привести расквартированную в Принстауне армию на север.

Внезапно план перестал казаться Лютиену нелепым.

— Взять Дун Карит и разрезать страну пополам, — сказал он. — Удерживая горы и стену, имея флот, чтобы охранять наши порты, мы навяжем Гринспэрроу сражение там, где это будет выгодно для нас.

— И наша смелость заставит его думать, что мы сильнее, чем это есть на самом деле, — хитро заметил Оливер.

Зеленые глаза Сиобы засверкали надеждой.

— А мы и станем сильнее, — сказала она уверенно, — когда до северных земель долетит весть о нашей победе здесь, когда весь Эриадор поймет размах нашего восстания. — Она оглядела всех, голос ее охрип от сдерживаемой страсти. — Когда весь Эриадор вспыхнет надеждой.

— Блеф Оливера? — предложил Бринд Амор.

Никто не возразил, и хафлинг просиял улыбкой — на секунду. До Оливера, который конечно же никогда не сражался в полку де Буа, в Ангароте, вдруг дошло, что он предложил им всем очень смелый и опасный ход. Он откашлялся, и выражение лица выдало его тревогу.

— Только я боюсь, — признался он и ощутил на себе тяжесть взглядов Лютиена, и Сиобы, и Шаглина, и Кэтрин. — У них есть эти колдуны, — продолжал он, пытаясь оправдать свое внезапное высказывание. Он чувствовал, что должен выразить какие-то сомнения, чтобы его не слишком винили, если разразится катастрофа. Но если все произойдет по плану и особенно если их ждет удача, хафлингу ужасно хотелось, чтобы этот маневр назывался «Блеф Оливера». — Я не слишком-то приветствую идею разворошить все осиное гнездо этих колдунов.

Бринд Амор отмахнулся от этого довода.

— Магия уже не та, что когда-то, мой дорогой Оливер, — уверил он хафлинга и всех остальных. — Иначе Моркней оставил бы от Лютиена только пепел на башне Собора, а тебя бы заморозил, как горгулью, на стене башни! Да и я сам смог бы сделать побольше.

В словах волшебника звучала убежденность. С тех пор как он покинул пещеру, которая так долго служила ему домом, Бринд Амор осознал, что сама суть магии изменилась. Она все еще присутствовала, висела в воздухе, но была уже отнюдь не так сильна, как раньше. И волшебник понимал причину этого. Сделка Гринспэрроу с демонами извратила искусство чародейства, сделала его чем-то злым и темным, и это, в свою очередь, ослабило саму ткань вселенной, источника магической силы. Бринд Амор глубоко сожалел об этой потере, испытывая ностальгию по прежним временам, когда искусный волшебник был так могуществен, когда лучшие из магов могли противостоять на поле боя целой армии и обратить ее в бегство. Но Бринд Амор хорошо понимал, что в этой войне с Гринспэрроу и его герцогами-чародеями, где он оказался единственным волшебником к северу от гор, явный недостаток магических сил является единственной надеждой Эриадора.

— Итак, к стене, — сказал он.

Лютиен взглянул на Кэтрин, затем на Шаглина и, наконец, на Сиобу, но в этот раз он не нуждался в подтверждении своих друзей. Кэр Макдональд наконец свободен, но он не останется таковым, если они станут ждать, пока Гринспэрроу сделает следующий шаг. Война была шахматной партией, и они играли белыми.

Наступило время сделать очередной ход.

18. В ПУТЬ

К следующему дню снегопад прекратился, оставив одеяло толщиной в двадцать дюймов на южных полях Эриадора, а сугробы могли поглотить всадника целиком.

Огромное войско уходило из Кэр Макдональда; оно в основном состояло из людей Порт-Чарлея, и именно они должны были преследовать те семь тысяч циклопов преторианской гвардии, которые бежали с поля боя. В овчинных рукавицах и плотных шерстяных накидках, надев под башмаки из оленьей кожи несколько пар чулок, с мешками сухой растопки, эриадорцы не боялись ветреной зимы, а вот бежавшие из битвы циклопы явно не были к ней готовы. Усталые и голодные, а зачастую израненные, многие из них стали легкой добычей первой же морозной ночи. Едва отойдя на две мили от ворот Кэр Макдональда, эриадорцы начали наткаться на окоченелые трупы и дрожащих, с синими губами циклопов, руки которых распухли и онемели настолько, что не могли держать оружие.

И это было только начало — вскоре колонна пленников растянулась на несколько миль назад к воротам Кэр Макдональда. К середине дня в город вошло более тысячи пленных, и вернувшиеся гонцы доложили, что на заснеженных полях валяется вдвое или втрое большее количество трупов. Однако оставалось еще немало беглецов, прямоком направившихся в Порт-Чарлей.

Бринд Амор использовал свое магическое зрение, чтобы обнаружить остатки разбитой армии Эйвона. Благодаря его заклинаниям многие циклопы были пойманы и убиты.

Преторианский офицер Длинный Рукав, израненный при столкновении у моста, с глубоко застрявшим в плече наконечником эльфийской стрелы, повел основную массу из трех тысяч солдат преторианской гвардии. Их преследовали по пятам, а у них не осталось сил для отражения нападений. Каким-то образом одноглазые еще брели вперед, питаясь своими собственными мертвецами и ежась под порывами ледяного ветра.

Скоро беглецов осталось всего две тысячи, немногим больше, чем в преследующем их отряде, но погода стала улучшаться, и снега с каждым часом становилось меньше. Длинный Рукав гнал и гнал своих подчиненных вперед, пока наконец впереди не показались высокие мачты эйвонских судов, стоявших на рейде.

В рядах циклопов это вызвало большую радость, хотя каждый из них понимал, что вблизи от города преследователи начнут атаковать их в полную силу.

Солдаты даже не догадывались, что, пока они ликовали при виде кораблей, наблюдатели из Порт-Чарлея разглядывали их самих, определяя мишени для команд, которые быстро научились управляться с катапультами захваченных кораблей.

Один за другим корабли выбрасывали сгустки пламени и корзины заостренных камней. Длинный Рукав собирался дать команду атаковать город, но судьба распорядилась иначе. Первый же снаряд катапульты, пылающий шар липкой черной смолы, попал в командира и сжег его, начиная от волос и бакенбардов и кончая рукавами.

В страхе и смятении лишившиеся командира циклопы разбежались кто куда. Некоторые бросились к городу, другие повернули назад, где и встретились со старым Дозье и его отрядом. Бойня длилась всего час, и хватило лишь одного из захваченных кораблей, чтобы отвезти пленных на север, где Даймондгейт должен был служить для них тюрьмой.

А в Кэр Макдональде готовились к походу к Мальпьюсантовой стене. Было решено

идти двумя отрядами. Шаглин и его бойцы должны отправиться к Айрон Кроссу, чтобы прикрыть перевалы, а заодно поискать там своих соплеменников, которые присоединились бы к восстанию. Основной отряд, ведомый самим Бринд Амором, должен был ударить, обойдя по периметру горы.

В процессе подготовки к походу дерзость этих планов становилась все более очевидной. Силы повстанцев заметно уменьшились из-за того, что рыбаки вернулись к себе в город. Кроме того, пленных преторианцев в таких количествах было просто опасно держать в городе, а потому их следовало повозками отправить на запад, а затем погрузить на корабль и переправить на Даймондгейт в компанию их сотоварищей, захваченных в плен на поле у Порт-Чарлея.

Поэтому Лютиену и Бринд Амору оставалось для задуманной ими операции всего несколько тысяч солдат, и было совершенно очевидно, что успех Блефа Оливера полностью зависит от того, удастся ли эриадорцам получить в ближайшие дни сколько-нибудь значительные подкрепления. Они знали, что весть об освобождении Кэр Макдональда докатилась до многих северных городов и деревень и всюду бурно приветствовалась. Но не следовало ожидать, что слишком уж многие фермеры поспешат на помощь повстанцам. Приближалось время посевов, равно как и рыболовный сезон для тех эриадорцев, которые жили морем. И даже учитывая их блестящие победы, одну — при взятии города, другую — когда его удалось удержать против преторианской гвардии, эриадорцы прожили под правлением злобного Гринспэрроу достаточно долго, чтобы понимать, что до полной победы еще очень далеко.

— Оливер и я пойдем вместе, — объявил Лютиен Бринд Амору как-то утром, когда они вдвоем шагали по городской стене, наблюдая за приготовлениями, рассматривая скопище повозок и горы припасов.

— Пойдете? — удивился волшебник. — Куда пойдете?

— Впереди армии, — объяснил Лютиен, — по дуге ближе к северу.

— Чтобы заручиться поддержкой, — закончил за него волшебник и замолчал, обдумывая этот план.

— Я не буду держать в секрете, кто я такой, — сказал Лютиен. — Я пойду открыто, как Алая Тень, враг трона.

— В этих деревушках довольно много циклопов, — напомнил Бринд Амор, — и множество купцов и рыцарей, поддерживающих Гринспэрроу.

— Только потому, что они процветают при короле-злодее, тогда как весь остальной Эриадор страдает! — скрипнул зубами Лютиен.

— Не важно почему, — откликнулся Бринд Амор.

— Я знаю эриадорцев, — заявил Лютиен, — истинный народ моей родины. Если они не убивают циклопов и купцов, то лишь потому, что у них нет надежды, ведь эти несчастные считают, что, скольких бы они ни убили, придут другие и расправятся с ними и их семьями.

— Весьма понятные опасения, — ответил Бринд Амор. Собственно говоря, сомнения волшебника были чистым притворством. Он уже пришел к выводу, что намерения Лютиена вполне разумны, дерзкое добавление к дерзкому плану. А им наверняка понадобится помощь. Мальпьюсантова стена была построена гасконцами много веков назад, чтобы отгородиться как раз от такого восстания, когда южное королевство, после завоевания Эйвона, решило, что оно не может усмирить дикий Эриадор. Стену построили для защиты от северных племен, и она была не очень серьезной преградой!

— Но теперь они обретут надежду, — настаивал Лютиен. — В этом, и только в этом, весь смысл Алой Тени. Что я делал в этой накидке много времени назад — сейчас совершенно не важно. Важно то, что, видя ее на мне, они начинают думать, будто я — тот самый герой прошлых времен, который вернулся, чтобы повести их к свободе.

Бринд Амор смотрел на Лютиена так долго и пристально, что тому стало несколько неуютно. Затем лицо волшебника смягчилось, и он стал казаться юноше похожим на отца — отца, каким Лютиен надеялся его увидеть.

Во всей сумятице нескольких последних недель Лютиен осознал, что он вряд ли вспоминал о Гахризе Бедвире с тех пор, как Кэтрин принесла ему «Ослепительный», фамильный меч Бедвиров, вместе с вестью о том, что на острове Бедвидрин разгорелось восстание. Лютиену захотелось узнать, как дела у Гахриза сейчас. Его кольнула тоска по дому, однако мысль об Этане, его брате, которого Гахриз отправил на верную смерть, и о варваре Гарте Рогаре, друге Лютиена, который был убит на арене после того, как тот победил его в бою, быстро развеяла это чувство. Лютиен покинул Бедвидрин, покинул отца, имея на то веские основания, и теперь безумный круговорот событий не оставлял ему времени на беспокойство о человеке, которого он больше не считал своим отцом.

Он увидел Бринд Амора в другом свете. Внезапно юный Бедвир ощутил необходимость в одобрении этого старого мудрого человека, необходимость увидеть его улыбку, такую же, какой улыбался Гахриз, когда Лютиен побеждал на арене.

И Бринд Амор сделал это и положил руку Лютиену на плечо.

— Отправляйтесь сегодня же, — сказал он молодому человеку.

— Я направляюсь к Бронегану и дальше, до полей Эрадоха, — пообещал Лютиен. — А когда я присоединюсь к вам на восточном краю Глен Олбин, я приведу с собой отряд не меньше того, который вскоре выступит из Кэр Макдональда.

Бринд Амор кивнул и похлопал его по спине, после чего Лютиен помчался разыскивать Оливера и их лошадей, чтобы как можно быстрее отправиться в путь.

Старый волшебник еще долго стоял на стене, глядя вслед Лютиену, а потом уже просто в пространство. Он сам вывел юношу на этот путь — в тот день в пещере дракона, когда отдал ему алый плащ. Он был ответственен, по крайней мере отчасти, за возвращение Алой Тени. И когда он смотрел на Лютиена, который так охотно взял на себя ответственность, предложенную ему, его старая, хрипящая одышкой грудь вздымалась от гордости.

Той гордости, которую испытывает отец, глядя на сына.

19. ПРИХОД ВЕСНЫ

— Он правильно поступил, — заметила Сиоба, взбираясь на стену рядом с Кэтрин. Кэтрин не обернулась на полуэльфийку, хотя и была удивлена, что та выбрала именно эту часть стены, рядом с ней.

Внизу Оливер с Лютиеном выезжали из ворот. Оливер трусил на своем желтом пони, а Лютиен гордо восседал на сверкающем белоснежном Ривердансере. Они уже попрощались со всеми, с кем могли, и теперь скакали вперед, не оглядываясь. Бок о бок, друзья пересекали внутренний двор, где все еще валялись трупы циклопов, до которых не дошли пока руки похоронной команды, — черно-серебряные пятна на подтаявшем снегу.

— Перед ними долгий путь, — заметила Сиоба.

— Перед кем? — спросила Кэтрин, подчеркнуто глядя в противоположном направлении, на восток, где только-только занималась заря.

— Перед нашими друзьями, — терпеливо объяснила Сиоба.

Теперь Кэтрин взглянула на Лютиена и Оливера, вернее — бегло скользнула по ним глазами.

— Лютиен всегда в пути, — ответила она, — то туда, то сюда, куда конь понесет.

Сиоба смотрела на свою соперницу, пытаясь понять смысл ее поведения.

— Такой уж он есть, — пожала плечами Кэтрин. — Он едет, куда хочет и когда хочет, и ни одна женщина не должна быть настолько глупа, чтобы надеяться удержать его при себе. — Кэтрин быстро отвернулась, и это выдало ее еще больше. — Лютиен Бедвир есть Лютиен Бедвир, и нужно быть последней душой, чтобы пытаться его изменить.

Эти слова были сказаны с совершеннейшим спокойствием и полным самоконтролем, но Сиоба легко услышала за ними горечь. Кэтрин страдала, ее холодное спокойствие было чисто показным, а слова были произнесены как раз таким тоном, чтобы превратить их в отравленную стрелу, направленную в сердце соперницы. Но стрела эта прошла мимо цели,

потому что Сиоба ни в коей мере не была задета отъездом Лютиена: с ее точки зрения, она и юный Бедвир уже пришли к соглашению во всем, что касалось их взаимоотношений.

Сиоба немного помолчала, сочувствуя Кэтрин и обдумывая ее слова. Словесная стрела вылетела только в целях самообороны, и Сиоба это знала, но все-таки ее удивили нападки Кэтрин, ее стремление испортить сопернице настроение из-за отъезда Лютиена.

— Перед ними лежит долгий путь, — снова сказала Сиоба. — Но ты не бойся, — добавила она, перехватывая взгляд Кэтрин. — Я-то хорошо знаю, что Лютиен легко выдерживает долгую скачку.

У Кэтрин отвалилась челюсть от неприкрытой и непривычной двусмысленности и хитрого, даже непристойного тона.

Сиоба повернулась и скользнула вниз по лестнице, оставив Кэтрин наблюдать за друзьями, скачущими к северо-востоку.

Кэтрин снова взглянула на уже далеких всадников, на Лютиена, товарища всех ее лет, проведенных в Бедвидрине, где они вместе потеряли невинность — и в том, что касалось любви, и в том, что творилось в мире. Она действительно хотела побольнее ударить Сиобу, пусть словами, а не физически. Ей нравилась полуэльфийка, она глубоко уважала ее и даже считала своим другом. Но девушка не могла справиться со своей ревностью.

Она проиграла этот словесный поединок. Кэтрин сознавала это, стоя на стене Кэр Макдональда и ежась от прохлады раннего весеннего утра, глядя, как Лютиен скачет прочь. Ее лицо сморщилось в безуспешной попытке удержать подступившие к глазам слезы.

— Ты хорошо умеешь убегать от проблем, — заметил Оливер Лютиену, когда они оказались вдалеке от стены Кэр Макдональда.

Лютиен с любопытством оглядел своего крошечного спутника, не понимая, что тот имеет в виду.

— По-моему, мы отправляемся за проблемами, — сказал он, — а вовсе не от них.

— Битва с циклопами — это вовсе не проблема, — разъяснил Оливер, — или, во всяком случае, не та проблема, чтобы ее бояться.

Лютиен подозрительно уставился на него, ожидая, что за этим последует.

— Но ты очень ловко избегаешь проблем другого рода, более тонких и болезненных, — объяснил Оливер. — Сперва ты отправляешь Кэтрин в Порт-Чарлей...

— Но она сама вызвалась, — запротестовал Лютиен, — она настаивала на этом!

— А теперь ты устроил так, что будешь отсутствовать, возможно, две недели, — продолжал без колебаний хафлинг, игнорируя его протесты.

Однако протесты не возобновились, потому что Лютиен осознал справедливость предъявленных обвинений.

— Да-да, — ворчал Оливер, — как биться на мечях — так ты герой, но в любви — увы...

Лютиен собирался спросить, что за глупости болтает хафлинг, и сурово отклонить его нападки, но тут же сообразил, что это следовало сделать раньше.

— Как ты смеешь? — резко спросил юный Бедвир, и Оливер понял, что зацепил его за больное. — Что ты знаешь об этом? — требовательно спросил Лютиен. — Что ты вообще в этом понимаешь?

— Я весьма опытен в вопросах любви, — холодно сообщил ему хафлинг.

Лютиен взглянул на своего товарища ростом в три фута, и на его лице отчетливо отразилось сомнение.

Оливер негодуяще фыркнул.

— Глупый мальчишка, — сказал он, щелкнув пальцами, — в Гаскони есть поговорка, что купца оценивают по его кошельку, воина — по его оружию, а любовника — по его...

— Оливер! — перебил Лютиен, густо краснея.

— ...сердцу, — закончил хафлинг, с любопытством глядя на шокированного юношу. — И откуда только у тебя такие грязные мысли?

— Я просто подумал... — запинаясь, начал Лютиен, но остановился и безнадежно махнул рукой. Тряхнув головой, он послал Ривердансера в легкий галоп и обогнал Тредбара.

Оливер напрягся и погнал своего пони, чтобы поравняться с могучим конем.

— Ты сам не понимаешь своего сердца, друг мой, — сказал он, снова двигаясь бок о бок с Лютиеном. — Поэтому ты бежишь, но невозможно убежать от самого себя!

— Поэт Оливер, — сухо заключил юноша.

— Ну, меня обзывали и похуже.

Лютиен промолчал, и Оливер тоже оставил эту тему, но, хотя разговор закончился, мысли Лютиена все время возвращались к нему. Его действительно мучили страсть и чувство вины, он любил и Кэтрин, и Сиобу, но по-разному. Он не сожалел о своих отношениях с полуэльфийкой — как он мог вспоминать эти прекрасные моменты с грустью? — и все-таки ему никогда не хотелось причинить боль Кэтрин. Никак, никогда, ни за что. Его просто захлестнуло возбуждение долгой дороги, большого города, зреющего мятежа. Бедвидрин и Кэтрин, казалось, отодвинулись на миллион миль и миллион лет.

Но затем она приехала к нему, чудесный друг из другого времени, его первая любовь — и, как он начал понимать, его единственная любовь.

Но как он мог сказать об этом Кэтрин сейчас, после всего, что было? Захочет ли она выслушать его? Смог бы он сам выслушать ее, если бы они поменялись ролями?

У Лютиена не находилось ответов на тревожные вопросы. Он опять пустил коня в галоп, направляясь к самой северной точке Айрон Кросса и оставляя Кэр Макдональд далеко позади.

Снег, который оставил такое множество одноглазых лежать мертвыми в поле, когда они пытались спастись бегством, стал только далеким воспоминанием, последние остатки белого покрывала поглотила размокшая весенняя земля. Прошло всего две недели после битвы, а снег повсюду, кроме гор, где упрямо держалась зима, быстро сходил, и на деревьях набухли почки, их четкие серые силуэты стали красными, коричневыми и расплывчатыми.

Лютиен и Оливер покинули Кэр Макдональд пять дней назад, и теперь, с несколькими сотнями солдат, подошедшими с запада, чтобы присоединиться к очередной военной кампании — в основном это были люди из Порт-Чарлея, — Бринд Амор начал свой поход. Они выступили длинными колоннами, было много конных, но большинство — пешех, и все они двигались под старым знаменем Эриадора — косой крест на зеленом поле.

В это же время Шаглин и его гномы, примерно две сотни бородатого народа, вышли из южных ворот Кэр Макдональда, отправляясь в горы, — их мускулистые спины согнулись под тяжестью огромных мешков.

— Лютиен прошел через Бронеган, — сказал волшебник Кэтрин, ехавшей рядом с ним.

Кэтрин кивнула, понимая, что это факт, а не просто предположение, и вовсе не удивилась тому, что волшебник может знать такие вещи.

— Сколько солдат присоединилось к нему? — спросила она.

— Обещала присоединиться сотня, — ответил волшебник, — но только в том случае, если он вернется в город, ведя за собой множество других добровольцев.

Кэтрин закрыла глаза. Она понимала, что сейчас подходит самая непредсказуемая и потенциально опасная часть восстания. Они победили при Кэр Макдональде и подняли древнее знамя Эриадора, и это дает людям некоторую надежду, однако фермеров и простых людей, живущих своей спокойной жизнью, мало заботят Гринспэрроу и вопросы политики, и эти люди присоединятся к восстанию исключительно в том случае, если поверят не только в его справедливость, но и в реальную возможность победить.

— Конечно, им надо увидеть численность армии, — продолжал Бринд Амор так, как будто эта новость не была ни неожиданной, ни неприятной. — Мы все время этого ожидали. Я ненавижу Гринспэрроу сильнее, чем кто бы то ни было, — признался старый волшебник. — И я более могуществен, чем большинство людей, но, в конце концов, я бы тоже не присоединился к армии из двух человек!

Кэтрин слабо улыбнулась, но здесь оставалась логическая задача, от которой непросто было отмахнуться. Ни один город севернее Кэр Макдональда, ни один другой город во всем Эриадоре, кроме, возможно, Порт-Чарлея, не мог сам по себе собрать значительное ополчение. Кроме того, города были независимы друг от друга, у них не имелось общего правителя. Каждый представлял собой свое собственное маленькое королевство, их ничто не объединяло, и так было даже в так называемые «славные» времена Брюса Макдональда. Эриадор был суровым краем одиночек, и именно это обстоятельство и использовал Гринспэрроу в своем первом завоевании, и это же он захочет использовать и сейчас. Кэтрин тряхнула копной рыжих волос и оглянулась на тех, кто сомкнутыми рядами двигался за ней. Это был сильный отряд — возможно, достаточно сильный, чтобы захватить стену... Но если Гринспэрроу нанесет ответный удар, то, даже укрывшись за стеной, даже с учетом защитного барьера гор, даже со вновь приобретенным флотом, который сможет воспрепятствовать усилиям короля, все равно им понадобится больше солдат, чем у них есть.

Гораздо больше.

— Куда повернет Лютиен? — спросила Кэтрин.

— К полям Эрадоха, — уверенно ответил Бринд Амор.

— И что он сможет найти в таком диком месте? — удивилась Кэтрин. — Что видит ваш глаз в горах?

Бринд Амор покачал головой, и его косматая седая грива и борода разлетелись на ветру, мотаясь из стороны в сторону.

— Я могу послать свой глаз во множество мест, — ответил он, — но только если у меня есть какие-то зацепки. Время от времени мне удается разглядеть Лютиена, потому что я могу расслышать его мысли и воспользоваться его глазами. Я могу найти Гринспэрроу и нескольких других его придворных, поскольку они мне известны. Но, как это было, когда я пытался разглядеть флот, который вышел из Эйвона на север, мое магическое зрение бессильно при отсутствии каких-либо зацепок.

— И что же ваши глаза говорят о том, что делается в горах? — наседала Кэтрин, ощущая, что слышит только полуправду.

Бринд Амор виновато усмехнулся:

— Лютиен не подведет.

Это было все, что он сказал.

20. ПОЛЯ ЭРАДОХА

Случайному наблюдателю северо-западная окраина Эриадора могла показаться не слишком отличной от остальной страны. Холмистые поля, покрытые густой зеленой травой, простирались во все стороны подобно мягкому зеленому одеялу. В ясный день на горизонте виднелись ближние горы и даже вершины Айрон Кросса.

Однако в этой северо-восточной местности, полях Эрадоха, нагорьях, все было немного иначе. Ветер здесь был чуть похолоднее, дожди более затяжными, а люди — более суровыми. Скот, который пасся на равнинах, обладал косматыми густыми шкурами, и даже лошади, как конь Лютиена Ривердансер, выводились с более длинной шерстью, для защиты от непогоды.

Этой зимой в нагорьях не выпало столько снега, сколько обычно, хотя все-таки гораздо больше, чем в южных районах Эриадора, снежный покров оказался не очень глубоким и к тому времени, когда Лютиен и Оливер оставили Просеку Макдональда позади, лежал уже отдельными пятнами. Насколько мог видеть глаз, все вокруг было серым и коричневым, с немногими вкраплениями зеленого. Печальная и мрачная картина умирающей зимы, которая через короткое время должна смениться весенним возрождением.

Этой ночью друзья заночевали в десятке миль восточнее Бронегана, на самом краю полей Эрадоха. Когда они проснулись на следующее утро, в необычайно теплом воздухе висел густой туман — это последний снег растворялся в воздухе.

— Сегодня мы будем продвигаться медленно, — заметил Оливер.

— Вовсе нет, — покачал головой Лютиен. — Здесь мы почти не встретим препятствий.

— Как далеко ты намерен забираться? — спросил хафлинг. — Ты ведь знаешь, что они уже вышли из Кэр Макдональда.

Лютиен понимал, что Оливер прав. Скорее всего, Бринд Амор, Кэтрин, Сиоба и вся армия уже вышли из городских ворот, направляясь на север, затем на запад тем же курсом, что ехали Лютиен и Оливер. До тех пор, пока они не достигнут Просеки Макдональда. Здесь они повернут на юг, в Глен Олбин, тогда как друзья свернули на север, к Бронегану, и дальше, в поля Эрадоха.

— Ну так куда же? — снова спросил Оливер.

— Если потребуется, так и до залива Колтуин.

Оливер прекрасно понимал, что это невозможно. До холодных и темных вод бухты Колтуин не меньше трех дней пути. К тому времени, как они доберутся туда и обратно, Бринд Амор будет уже у стены и битва останется позади. Но хафлинг понимал и чувства, которые вызывали такой ответ Лютиена. Их тепло встретили в Бронегане, было много дружеских похлопываний по спине и много эля. Однако обещания помощи от населения Бронегана и нескольких соседних общин, которые прислали своих представителей на встречу с Лютиеном, были в лучшем случае предположительными. Жители центральных земель соглашались пойти за Алой Тенью в открытом восстании с королем Гринспэрроу только в том случае, если Лютиен сумеет доказать участие всего Эриадора в этой войне. На обратном пути Лютиен должен был снова пройти через Бронеган или, по крайней мере, прислать гонца, и, если они с Оливером не соберут к тому времени более-менее внушительных сил, им придется отправляться к Глен Олбин одним.

И сейчас они находились в нагорьях, чтобы столкнуться с самым сложным испытанием единства Эриадора. Горцы Эрадоха всегда оставались обособленной группой, жесткой и суровой. Многие называли бы их дикими. Они жили племенами, родовыми кланами, и часто воевали друг с другом. Эти люди были охотниками, а не фермерами, и лучше обращались с мечом, чем с плугом, потому что именно сила являлась олицетворением полей Эрадоха.

Этот факт был хорошо известен юному Бедвиру, полководцу, который руководил разгромом армии Белсена Крига у Кэр Макдональда. Все горцы, даже дети, прекрасно умели ездить верхом на своих мощных косматых конях, и, если Лютиену удастся завербовать хоть небольшую часть из тех тысяч, что населяли эти нагорья, у него окажется кавалерия, превосходящая самую обученную и сильную часть преторианской гвардии короля Гринспэрроу. Но горцы были суеверным, непредсказуемым народом. Вероятно, они слышали о Лютиене — Алой Тени, и поэтому молва об их с Оливером появлении в полях Эрадоха прилетела впереди них. Так что прием, который им окажут, плохой ли, хороший ли, был уже, наверное, решен.

Двое друзей скакали большую часть дня. Лютиен старался держаться северо-восточного направления, к Меннихен Ди, единственной деревне в этом районе. Это был торговый поселок, пункт сбора, и многие из горских кланов вскоре отправятся к этому месту с лишними лошадьми и тюками меховых шкур, чтобы обменять их у приезжих купцов на соль, специи и самоцветные камни.

Туман не рассеивался весь день, и, хотя друзья старались не падать духом, сырой воздух и унылая местность (когда они ухитрились видеть хоть часть ее) сделали этот день длинным и напряженным.

— Нам скоро придется разбить лагерь, — заметил Лютиен, и это были первые слова, сказанные им за несколько часов.

— Да где же тут разжечь костер, — вздохнул Оливер, и Лютиен ничего не смог возразить. Ночь действительно будет холодной и неудобной, потому что вряд ли им удастся зажечь костер из тех тощих промокших прутьев, которые только и можно найти в нагорьях.

— Завтра мы доберемся до Меннихен Ди, — пообещал Лютиен. — Там всегда может найти укрытие любой путник, пришедший с миром.

— Да, в том-то и загвоздка, — заметил хафлинг. — Ты уверен, что мы пришли с миром?

Путешествие показалось Лютиену еще длиннее, потому что у него опять не нашлось ответа на слова его непривычно угрюмого друга.

Они ехали до тех пор, пока бледное пятнышко солнца не оказалось у них за спиной, и Лютиеном все больше овладевало неуловимое чувство тревоги. Что-то в глубине его подсознания подсказывало ему быть начеку. Он взглянул на Оливера и увидел, что тот тоже более напряженно сидит в седле, готовый натянуть поводья или выхватить оружие.

Ривердансер прядал ушами; Тредбар зафыркал.

Они появились из тумана подобно призракам, беззвучно скользя по мягкой траве. Их тела были покрыты множеством слоев меха и шкур, на головах — рогатые или крылатые шлемы, и они казались даже не людьми, а продолжением своих косматых лошадей, явлениями из ночного кошмара.

Оба товарища резко натянули поводья, но не схватились за оружие, замороженные зрелищем призрачной засады. Горцы, огромные люди, любой из которых возвышался даже над Лютиеном, приблизились со всех сторон, медленно сжимая кольцо.

— Скажи мне, что я сплю, — прошептал Оливер.

Лютиен покачал головой.

— В некоторых случаях следует говорить то, что от тебя хотят услышать, — сварливо сказал Оливер. — Даже если это ложь!

Горцы остановились достаточно далеко от них, чтобы остаться неразличимыми, и казались скорее чудовищами, чем людьми. Оливер молчаливо поаплодировал их тактике — они знали местность, они были знакомы с туманом и, безусловно, знали, как произвести впечатление.

— Они хотят, чтобы мы сделали первое движение, — прошептал Лютиен уголком рта.

— Я мог бы упасть на землю и задрожать, — саркастически предложил хафлинг.

— Трусов они убивают.

Оливер честно проверил свои ощущения, глядя на устрашающие фигуры, маячившие в каком-то десятке ярдов от него.

— Тогда мне крышка, — признал он.

Лютиен фыркнул, несмотря на весьма затруднительное положение, в котором они находились.

— Мы знали, куда направляемся, — сказал он после паузы, в основном чтобы подкрепить свою собственную решимость.

— Привет вам от Кэр Макдональда, — произнес он самым сильным и звучным голосом, на который оказался способен. — От города, который был незаконно переименован в Монфор человеком, объявившим себя королем всего Эйвона и всего Эриадора.

В течение долгого времени ответа не было. Затем один из всадников выдвинулся вперед из неподвижного ряда, проехал на своем черном коне мимо всех остальных и оказался достаточно близко от Лютиена и Оливера, чтобы они могли его рассмотреть.

Брови юного Бедвира удивленно вскинулись, потому что этот не был похож на горца. Он также отличался огромным ростом, но носил вместо шкур и мехов черные доспехи, подобных которым Лютиен Бедвир никогда не видел раньше. Их части соединялись при помощи шарниров, а металлические рукавицы надежно пристегивались к рукам. Даже ступни этого человека были в броне! Его шлем был цилиндрической формы с плоским верхом — Лютиен заметил, что в нем имелись две прорези для глаз, а не одна, так что это был не циклоп. Огромный щит, черный, как и все остальные доспехи, украшал неизвестный Лютиену герб: скелет с широко раскинутыми руками, в одной руке меч острием вверх, в другой — острием вниз. Стяг с тем же гербом свешивался с верхушки длинного копья. Даже конь был покрыт броней — голова, шея, грудь и бока.

— Монфор, — объявил человек глубоким голосом, — назван так по праву законным королем.

— Ох-хо-хо... — простонал Оливер.

— Вы не горец, — заметил Лютиен.

Человек в доспехах чуть поерзал на своей лошади, и та нервно переступила с ноги на ногу. Лютиен понял, что его слова задели незнакомца, и по вполне очевидной причине. Он не принадлежал к жителям Эрадоха, а значит, его власть над горцами была сугубо призрачной. Он получил какую-то степень власти и авторитета благодаря своей силе, возможно — победив несколько величайших воинов Эрадоха. Любой, кто, в свою очередь, возьмет верх над ним, унаследует и его положение, и у Лютиена сразу возник план.

Однако при впечатляющих размерах и бронированных доспехах этого человека юноша не слишком обрадовался появившейся возможности.

— Кто же ты такой, ты, который звякает от ударов сильного весеннего дождя? — осведомился Оливер.

— Сильного весеннего дождя? — шепотом поразился Лютиен словам хафлинга.

— Звякает, звякает, — так же шепотом подтвердил Оливер.

Человек в доспехах расправил плечи и выпрямился во весь рост.

— Я — Темный Рыцарь, — объявил он.

Друзья секунду обдумывали его заявление.

— А как же иначе, — удивился Оливер.

— Ты слышал обо мне?

— Нет.

Темный Рыцарь недоуменно хмыкнул.

— Ночь всегда темная, — наставительно сказал Оливер.¹

— Что? — раздраженно переспросил сбитый с толку рыцарь.

— Ну, разве что при полной луне, — пояснил ему Лютиен.

Оливер фыркнул, приятно удивленный.

— Да ты прямо на лету хватаешь, — сказал он своему другу.

— О чем вы там? — ворчливо поинтересовался рыцарь.

— Эх, звякальщик ты, звякальщик, — покачал головой Оливер. — Да не будь ты таким темным, ты был бы днем.

Хотя лицо рыцаря было скрыто за забралом, Лютиен и Оливер почти видели, как у него отвисла челюсть.

Двое друзей посмотрели друг на друга и пожали плечами.

— Деревня темная, — сказали они в один голос.

— Я — Темный Рыцарь! — снова заявил человек в доспехах.

— Вперед? — предложил Лютиен.

— Конечно, — ответил Оливер. Они оба громко гикнули, Лютиен выхватил «Ослепительный» и одним движением послал Ривердансера вперед, однако Тредбар не последовал за ним, Оливер остался сидеть неподвижно.

Лютиен понял, что он в нешуточной опасности, как только копье рыцаря склонилось в его сторону, понял, что длинное оружие с легкостью пробьет защиту и вонзится ему в грудь раньше, чем он подберется достаточно близко, чтобы пощекотать острием меча хотя бы нос бронированного коня. Юноша опустил меч и обеими руками схватился за уздечку Ривердансера — сейчас его могло спасти только искусство наездника, но не бойца.

Лютиен выжидал до последней секунды, затем резко направил Ривердансера влево, под углом от рыцаря, и сильный, ловкий конь чутко и точно отреагировал, резко повернувшись, так что из-под его копыт взлетели комья земли. Рыцарь, однако, явно ожидал подобного маневра, потому что он тоже повернулся, и копье зацепило плечо Лютиена. Юный Бедвир поморщился и сильно натянул уздечку Ривердансера.

И опять могучий конь послушался, глубоко зарываясь копытами в грязь. Лютиен стал

¹ Игра слов. Английские слова *knight* (рыцарь) и *night* (ночь) произносятся абсолютно одинаково.

поднимать «Ослепительный», но ощутил резкую боль в правом плече, мгновенно перехватил меч левой рукой и с силой рубанул по середине копья. Затем он размахнулся вторично и ударил острием по нагрудной пластине рыцаря.

Меч отскочил, не нанеся никакого вреда.

Всадники отскочили друг от друга на некоторое расстояние, рыцарь выбросил обрубок копья, оставшийся в его руке, а Лютиен выпрямился в седле, снова взял меч в правую руку и крепче перехватил рукоять. Разворачивая коня рядом с группой, он заметил одобрительные взгляды. Юный Бедвир понимал, что пока все идет неплохо, поскольку гордый народ оценил его мужество и, вероятно, любовался великолепным скакуном. Ривердансер был ниже, чем жеребец Темного Рыцаря, но крепче. К тому же конь Лютиена принадлежал к здешней горской породе. Гахриз Бедвир заплатил за этого сверкающего белого скакуна целое состояние, и, заметив одобрительные кивки в свой адрес, Лютиен подумал, что оно того стоило.

Противники снова стали сближаться. Темный Рыцарь потянулся за своим мечом и наполовину вытащил его из ножен, но внезапно на его лице появилось весьма кислое выражение. Секунду он смотрел на свой меч, затем убрал его и вместо этого взялся за кистень. Незнакомец поднял над головой грозное оружие, с легкостью раскручивая шипастый металлический шар на тяжелой черной цепи. Ну, это лучше, чем копьё, подумал Лютиен, теперь хотя бы можно не опасаться, что тебя проткнут, даже не дав приблизиться на расстояние удара мечом.

Лютиен вздохнул, соображая, какая от этого будет польза. В первый раз он ударил своего противника достаточно сильно, чтобы уложить нормального человека. Но Темный Рыцарь не издал ни звука, и если и чувствовал сейчас какую-нибудь боль, то никак этого не выказывал.

Противник двинулся к нему, Лютиен пожал плечами и сжал каблуками крепкие бока Ривердансера. На этот раз они проскакали друг мимо друга настолько близко, что юноша ощутил пар из ноздрей жеребца Темного Рыцаря.

Лютиен коротко ударил рыцаря под взметнувшую кистень руку, а затем едва успел отбить в сторону металлический шар, опускавшийся ему прямо на голову.

На этот раз Лютиен не стал давать себе передышки. Он знал, что его конь обладает преимуществами, а потому развернул Ривердансера, вплотную прижимаясь сзади к жеребцу Темного Рыцаря. Через секунду он снова скакал мимо своего противника и сумел нанести три быстрых удара мечом, прежде чем тот успел обернуться и поднять свой кистень. Они поскакали рядом, бок о бок, молотя друг друга. Удары Лютиена по большей части достигали цели, а «Ослепительный» каждый раз брал основную силу удара кистеня на себя, но все равно юному Бедвиру изрядно доставалось, а его меч отскакивал от стальной брони без всякого видимого эффекта.

Наконец, тяжело дыша, соперники оторвались друг от друга. Лютиен резко направил Ривердансера в сторону. Он понимал, что так ему не победить, поскольку конная схватка была слишком суматошной, чтобы найти щель в доспехах противника. Темный Рыцарь, очевидно, тоже это знал, он развернул коня, крикнул: «Съезжаемся!» — и поскакал вперед.

— Ты мне очень нужен сейчас, — шепнул Лютиен Ривердансеру. — Крепись и прости меня.

Противники сближались, направляя своих коней так, чтобы разъехаться почти впритирку друг к другу.

Лютиен низко припал к шее Ривердансера и повернул его прямо навстречу приближающемуся противнику. Темный Рыцарь удивленно выпрямился, его конь сбился с шага.

Именно этого и хотел Лютиен.

Он ничуть не замедлил движения. Ривердансер врезался в жеребца Темного Рыцаря с такой силой, что тот практически сел на землю, прежде чем успел обрести какое-то подобие равновесия. Рыцарь в доспехах едва удержался в седле.

Лютиен, у которого от столкновения закружилась голова, тоже держался из последних сил. Он сконцентрировался на своей цели, твердо зная, что ему теперь нужно делать, и направил удар не в грудную пластину рыцаря — что толку? — и даже не в прорези его шлема, которые находились вне досягаемости, потому что, защищаясь, рыцарь отклонился назад. Лютиен ударил рыцаря по пальцам, так что тот уронил поводья. Когда спотыкавшийся Ривердансер отпрянул в сторону, юноша кинул эти поводья на свой меч, сильно их дернул, и конь рыцаря встал на дыбы.

Сам Лютиен с трудом удержал равновесие и оглянулся назад как раз вовремя, чтобы увидеть, как Темный Рыцарь скатился с крупа своего коня и тяжело брякнулся о землю.

Лютиен соскользнул с Ривердансера и чуть не упал, потому что весь мир продолжал вращаться вокруг него. Спотыкаясь на каждом шагу, он подошел к лежащему навзничь противнику, который тщетно пытался встать в своих тяжелых доспехах и едва успел отклониться от удара кистенем.

Глаза Лютиена расширились от удивления, он отпрянул назад, поскользнулся и тоже плюхнулся на землю.

Рыцарь перекатился на живот и сумел встать одновременно с Лютиеном лицом к лицу.

— Ты применяешь низкие, запрещенные приемы, — заявил Темный Рыцарь. — Ты ударил мою лошадь!

— Моя лошадь ударила твою лошадь! — возмущенно поправил его Лютиен.

— Существуют правила боя!

— Существуют правила выживания! — возразил Лютиен. — Как мне прикажешь сражаться с человеком в доспехах вроде тебя? Ты ведь ничем не рискуешь.

— Таковы преимущества моего положения, — захохотал Темный Рыцарь. — Хорошо, сойдемся *sans equine*.

Сидя поблизости, Оливер удивленно вскинул брови. Это было гасконское выражение, употребляемое в основном аристократией и означавшее пеший поединок. Кем же был этот рыцарь? Оливер терялся в догадках.

Лютиен осторожно приблизился. Он мог сколько угодно долбить этого человека мечом, и все без толку, но один удачный взмах кистеня раскроил бы ему череп или переломал ребра. И его правая рука почти вышла из строя — удар копьём не прошел даром. Некоторое время они кружили, обмениваясь осторожными ударами, но затем Темный Рыцарь взревел и пошел в наступление, размахивая кистенем.

Однако он был не очень подвижен в своих неуклюжих доспехах, и Лютиен легко отскочил в сторону, ударив его сзади по плечу. Рыцарь повернулся и попытался преследовать его, но проворный Лютиен всегда был на шаг впереди, наотмашь лупя по его доспехам «Ослепительным» скорее чтобы раздражить противника, чем в надежде нанести реальный вред. Он уже слышал из-за забрала учащенное дыхание.

— Благородный человек стоял бы и на месте принял бой! — воскликнул Темный Рыцарь.

— Дурак стоял бы на месте, и ты бы его убил, — возразил Лютиен. — Ты говоришь о чести, а сам прячешься за железной стеной. Ты видишь мое лицо, а я — только темные провалы в прорезях твоего шлема!

Это произвело впечатление на рыцаря, поскольку тот резко остановился и опустил кистень.

— Верно подмечено, — признал он, и, к изумлению Лютиена, принялся отстегивать свой тяжелый шлем. Когда шлем был снят, причин для удивления стало еще больше, потому что этот человек оказался гораздо старше, чем можно было ожидать, раза в три старше самого Лютиена! Его лицо было широким и обветренным, испещренным глубокими морщинами и складками. Седые волосы коротко подстрижены, но при этом он носил огромные усы, тоже седые, целую щетку кустистых волос от середины одной щеки до середины другой. Темно-коричневые, большие, широко посаженные глаза, широкий нос; только подбородок выглядел узким и гордо выставленным вперед.

Темный Рыцарь бросил шлем на землю.

— А теперь, — сказал он, — сражайся как положено, юный выскочка.

Он снова пошел в атаку, и на этот раз Лютиен принял бой. «Ослепительный» по косо́й взметнулся в воздух, угол его движения и время были рассчитаны так, чтобы перехватить кистень как раз посередине между шаром и рукоятью. Цепь с шаром туго обмоталась вокруг меча, Лютиен резко дернул, надеясь обезоружить противника, но тот оказался невероятно силен и не уступил.

Лютиен ощутил пульсирующую боль в плече, но забыл о ней, когда рука Темного Рыцаря в железной рукавице с размаху ударила его по лицу. Из носа юноши хлынула теплая кровь, и он ощутил на губах ее солоновато-сладкий вкус.

Лютиен, шатаясь, попятился, но затем весьма разумно шагнул вперед, прежде чем противник успел нанести еще один тяжелый удар. Темный Рыцарь выбросил вверх колено, и так как Лютиен успел повернуться, чтобы защитить пах, то получил удар в бедро.

Лютиен ответил на этот выпад резким ударом открытой ладони под подбородок, а затем отпрыгнул назад, отчаянно пытаясь вырвать у противника кистень, намертво обмотавшийся вокруг его меча.

Он снова получил удар, на этот раз в грудь, и снова прямо в раненое плечо. Юноша ответил тем же и болезненно поморщился, разбив себе руку о броню Темного Рыцаря.

Удар слева обрушился Лютиену в солнечное сплетение, он отскочил в сторону и рванул на себя меч, пытаясь вывернуть рукоятку кистеня из железной рукавицы рыцаря.

В конце концов «Ослепительный» высвободился из клубка с такой скоростью, что Лютиен пролетел мимо своего противника и упал на одно колено. Темный Рыцарь повернулся к нему и раскрутил кистень над головой, желая воспользоваться удачным моментом для атаки, но лезвие «Стремительного» оказалось гораздо острее и крепче, чем он себе представлял, а цепь был старым оружием, не моложе, чем его хозяин. Железная цепь, ослабленная возрастом и ударом острейшего во всем Эриагоре меча, лопнула, шипастый шар просвистел в воздухе и попал прямо в руки Оливера, защищенные зелеными рукавицами.

Темный Рыцарь, явно не заметив потери своего оружия, взревел и бросился вперед, размахивая рукоятью с половиной цепи. Он замедлил свой бросок, только заметив ироническое выражение на лице Лютиена.

— Простите меня, благородный сэ́р рыцарь, — раздался сзади голос хафлинга. Темный Рыцарь медленно обернулся и увидел, как Оливер раскачивает шипастый шар за обрывок цепи. Он перевел недоумевающий взгляд с Оливера на свое оружие и тут же тяжело рухнул навзничь, поскольку Лютиен подсек ему ноги.

А еще через мгновение юный Бедвир стоял над ним, приставив к горлу острое «Ослепительного».

— Прошу тебя, — заговорил Темный Рыцарь, и Лютиен понял по его просительному тону, что тот потерял мужество. — Пожалуйста, благородный сэ́р, позволь мне принести прощальную молитву Богу, прежде чем ты убьешь меня, — продолжал Темный Рыцарь. — Ты честно победил, я не имею к тебе никаких претензий, но я прошу тебя, позволь мне уйти с миром.

Услышать такие слова от одного из сторонников Гринспэрроу было еще удивительнее.

— Кто ты? — спросил Лютиен.

— Конечно, конечно, мое имя, — торопливо произнес Темный Рыцарь. — И я, разумеется, должен узнать твое имя, прежде чем ты убьешь меня... — Он вздохнул и не закончил свою мысль.

— Я — Истебрук из Ньюкасла, — объявил он, — Лорд Протектор, Первый из Шести Кавалеров.

Лютиен оглянулся на Оливера, его губы беззвучно произнесли: «*Первый из Шести?* » Юный Бедвир слышал об этом отряде, в котором служили личные телохранители короля Эйвона и правителей шести крупных городов южного королевства, но всегда считал, что

отряд был распущен, когда к царствованию пришел Гринспэрроу, ведь теперь телохранителями служили циклопы из преторианской гвардии. Очевидно, он ошибся.

Лютиен медлил, понимая, что ему необходимо как следует обдумать ситуацию. Он отвел острое «Ослепительного» от горла рыцаря и стер кровь со своего лица, не переставая вглядываться в странного старика, который лежал перед ним на земле.

— Далеко же ты забрался от Ньюкасла, — сказал Лютиен.

Истебрук встал и вновь обрел часть прежнего своего величия.

— Я облечен миссией, — сообщил он. — Впервые за... — он наморщил лоб, пытаясь вспомнить, сколько времени кавалеры пребывали в полном забвении. — Ну, не важно, — вздохнул Истебрук после долгой паузы. — Я уже помолился. Теперь ты можешь сказать мне свое имя и убить меня. — Он еще раз вздохнул и твердо взглянул Лютиену в глаза.

Лютиен оглянулся. Конечно, он не убьет этого человека, но вот только хотелось бы знать, как его действия — или отсутствие таковых — будут расценены этой компанией.

— Я что-то не помню, чтобы мы договаривались сражаться до смерти, — сказал Лютиен, отступая в сторону и протягивая руку. Темный Рыцарь недоверчиво взглянул на него, затем принял его руку, и Лютиен помог ему встать на ноги.

— Я позабочусь о наших лошадях, — предложил Истебрук и пошел прочь, заметив приближение Оливера.

Лютиен тоже увидел хафлинга.

— Ты сказал, что тоже в этом поучаствуешь.

— Ничего я такого не говорил, — возмутился Оливер.

— Ты подразумевал это! — зарычал Лютиен.

Оливер глубоко вздохнул и пожал плечами:

— Я передумал.

Их разговор оборвался моментом позже, когда кольцо горцев внезапно сузилось, огромные всадники со смертоносным оружием, двусторонними пиками и непомерно огромными боевыми топорами прижали их друг к другу, лишив возможности обороняться.

Лютиен прокашлялся.

— Благородный сэръ Истебрук, — сказал он просительно. — Не мог бы ты поговорить со своими... друзьями?

21. ГЛЕН ОЛБИН

Разнообразные слухи циркулировали среди эриадорцев, когда они разбивали лагерь в широкой долине Глен Олбин, на северо-востоке от Айрон Кросса. Они почти уже ее пересекли. Дун Карит, опорный пункт Мальпьюсантовой стены, еще не был виден, но гора, укрывающая крепость, уже появилась в поле зрения. Битва начнется не позже чем через два дня, а то и завтра к вечеру.

Эриадорцы полагали, что смогут взять Дун Карит и всю стену только силами войска Кэр Макдональда, теми пятью тысячами, которые пришли в Глен Олбин. Их надежду усиливали слухи о подкреплении. Лютиен уже был на пути к ним, если верить молве, а с ним — тысяча грозных всадников Эрадоха и столько же фермеров из маленьких деревушек центрального Эриадора. Весь край восстал против Гринспэрроу — так казалось повстанцам, когда они разбивали этим вечером свой лагерь.

Слишком много тревожных мыслей роилось в голове Кэтрин, не давая ей заснуть. Эриадор восстал и будет насмерть бороться за свою свободу. Именно об этом она мечтала с самой ранней юности, и все-таки теперь, когда ее мечта начинала у нее на глазах превращаться в реальность, Кэтрин чувствовала, что ее радость омрачена.

Она потеряла Лютиена. Она слышала шепот друзей за своей спиной, и, хотя в их словах не было злобы, а только сочувствие, это уязвляло Кэтрин еще сильнее. Она знала, что Лютиен и Сиоба были любовниками, знала уже давно, но только теперь, когда восстание подходило к концу и возникли перспективы мирной жизни после войны, тяжесть этой

правды обрушилась на нее со всей силой.

Она тихо брела мимо часовых и групп солдат, собравшихся вокруг костров. Многие играли в какие-то игры, некоторые пели песни старого Эриадора. Иногда воины замечали ее и махали руками, широко улыбаясь, но по выражению лица Кэтрин тут же понимали, что девушке сегодня не до них, и предоставляли ей желанное одиночество. Кэтрин вышла за северную оконечность лагеря в темные поля, где звезды казались ближе, — и здесь она наконец осталась наедине со своими мыслями.

Война длилась около шести месяцев, маловероятно, что она продлится еще столько же, и что будет с Кэтрин О'Хейл потом? Победят они Эйвон или потерпят поражение — все равно ее жизнь без Лютиена будет неполной. Она проехала двести миль, чтобы оказаться рядом с ним, и провела в разъездах по делам восстания еще двести, включая путешествие в Порт-Чарлей и этот поход, а теперь ей казалось, что все эти усилия были напрасны.

Только здесь, в полях, Кэтрин позволила горьким рыданиям вырваться из глубины ее страдавшего сердца.

Как ни странно, девушка совсем не удивилась, когда изящная фигурка молча шагнула к ней из темноты.

Кэтрин не знала, что сказать. Она пришла помечтать о том, чего не могло случиться, примириться с горькой реальностью, и вот появляется Сиоба, которая явно идет за ней от самого лагеря.

Сиоба!

Кэтрин не нашла в себе сил взглянуть на нее, а только негромко всхлипнула, откашлялась и повернулась, чтобы вернуться в лагерь.

— Какой же глупой и упрямой нужно быть, чтобы позволить мужчине, который любит тебя и которого любишь ты, уйти прочь, — внезапно сказала Сиоба.

Кэтрин резко повернулась, недоверчиво разглядывая свою соперницу. «Как глупо будет с твоей стороны позволить мне забрать его», — подумала она про себя, но ничего не сказала, слишком смущенная тем, на что намекала полуэльфийка.

Сиоба закинула волосы за спину, взглянула на звезды, а затем снова на Кэтрин.

— Он не первый мужчина, которого я любила, — сказала она.

Кэтрин не могла скрыть болезненную гримасу, получив столь откровенное подтверждение их отношений. Она знала, что это правда, но продолжала цепляться за последние крупинки надежды.

— И он не будет последним, — продолжала Сиоба. Ее взгляд опять обратился к звездам, и в этот момент Кэтрин поняла, что уже не может ненавидеть ее с прежней силой, увидев откровенную боль, которая отразилась на прекрасном лице. — Я никогда не забуду Лютиена Бедвира, — продолжала Сиоба, и ее голос превратился почти в шепот. — И тебя не забуду, Кэтрин О'Хейл, и, когда вы оба будете лежать в могилах, я, все еще молодая по меркам моего племени, постараюсь посетить место вашего последнего упокоения или, по крайней мере, остановлюсь и вспомню о вас.

Сиоба снова посмотрела на ошарашенную Кэтрин, и та увидела в зеленых глазах соперницы слезы.

— Да. — Сиоба закрыла глаза и глубоко вздохнула, ощущая теплый ветер и первые, еще робкие ароматы наступающей весны. — Да, я запомню именно эту ночь, — объяснила она. — Запахи и краски, теплый воздух, вновь пробуждающийся мир, и, когда в грядущих веках придет такая же ночь, она напомнит мне Лютиена и Кэтрин, двух любовников, двух героев легенды.

Кэтрин уставилась на нее, не зная, как воспринимать эту неожиданную речь и неожиданную откровенность.

Та твердо выдержала ее взгляд и выставила подбородок.

— Тебе, должно быть, больно оттого, что мы с Лютиеном были любовниками, — сказала полуэльфийка, вновь повергая Кэтрин в полное замешательство. — И все же, — продолжала она, — лишь благодаря мне юный Лютиен Бедвир стал тем человеком, которого

ты теперь знаешь. Мужчиной, который умеет понять любовь и может взглянуть на Кэтрин О'Хейл глазами мужчины, а не блестящим взглядом вожделеющего мальчишки.

Кэтрин отвернулась, закусив губу.

— Попробуй возрази, если можешь, — сказала Сиоба и передвинулась так, что девушка вынуждена была посмотреть на нее. — И пусть твоя глупая гордость превратит твое сердце в лед, если ты стремишься именно к этому. Но знай, что Лютиен Бедвир любит тебя, только тебя, а я не представляю угрозы твоему счастью.

Затем Сиоба тепло улыбнулась, ставя точку в разговоре, и ушла, оставив Кэтрин наедине с ее мыслями, наедине с ночью.

Тем вечером Лютиен и Оливер разбили лагерь в поле чуть южнее Бронегана; с ними был отряд почти в половину армии повстанцев, стоявших в Глен Олбин. После победы над Истебруком тот действительно переговорил со своими «друзьями», как просил его Лютиен, и это сразу же сняло напряжение.

Благородный до мозга костей Истебрук беспрекословно уступил Лютиену свое положение вождя горцев. Юноша с тревогой смотрел, как Темный Рыцарь объясняет это тысячному отряду всадников, понимая, что такая передача власти не может пройти просто и гладко.

Кэйрин Калтуэйн, огромная и яростная женщина, лучшая наездница во всем Эрадохе, которую Истебрук победил в поединке всего несколько дней назад, немедленно заявила свои притязания на этот пост. Согласно древним порядкам, титул не мог быть передан от чужака к чужаку.

Лютиен, сыр эрла, знакомый с вопросами этикета, хорошо понимал основные традиции Эрадоха. Истебрук приобрел свое положение, победив в поединке прежнего вождя, но это положение всегда оставалось временным.

И очень ненадежным. Истебрук был чужаком, и, как только горцы решили бы, кто первым вызовет его на поединок, кто вторым и так далее, Темный Рыцарь был бы вынужден сражаться против каждого из всадников, одного за другим. Рано или поздно чужак будет побежден, и тогда пощады ему не будет.

— Является ли Кэйрин Калтуэйн законным вождем? — спросил Лютиен собравшихся.

— И по крови, и по заслугам, — ответил один из мужчин, а другие закивали в знак согласия.

— Я пришел в Эрадох не затем, чтобы стать вашим вождем, — заверил Лютиен всех собравшихся, — а чтобы просить вас о помощи, просить, чтобы вы пошли со мной и моими воинами из Кэр Макдональда против Гринспэрроу, которого мы не признаем королем.

Мужчины и женщины Эрадоха не отличались сложностью характера. Их жизненный путь был прямым и честным, они следовали простому набору правил, которые защищали их честь и гарантировали выживание. И Лютиен сказал все, что должен был сказать. Когда он вновь повернул на Бронеган, всадники Эрадоха пошли не за ним, а рядом с ним — и как Лютиену, так и Оливеру казалось, что лишь влияние Темного Рыцаря мешало им присоединиться к восстанию раньше.

Теперь оба друга, рыцарь и всадники стали лагерем южнее Бронегана вместе с сотнями фермеров, которые тоже взялись за оружие, когда узнали, что Эрадох пошел за Лютиеном.

Лютиен просидел с Оливером до поздней ночи. Хафлинг закутался в одеяла и упорно трудился, чтобы привести в порядок свой роскошный гардероб, отполировать пряжку ремня и рапиру. К несчастью, он положил свои пурпурные штаны слишком близко к огню, и Лютиен с затаенным ехидством наблюдал, как они начинают дымиться.

Оливер взвизгнул, отдернул штаны от костра и бросил сердитый взгляд на ухмыляющегося Друга.

— Я как раз собирался тебе сказать, — невинно заметил Лютиен.

— Но не сказал! — закричал Оливер.

Лютиен пожал плечами, примерно так же, как это сделал Оливер в тот же день, но

раньше, после схватки Лютиена с Темным Рыцарем.

— Я передумал, — сказал юный Бедвир, подражая гасконскому акценту своего миниатюрного друга.

Оливер швырнул в него палкой, но Лютиен вовремя поднял руку, чтобы отбить ее, — и это движение болью отразилось в раненом плече. Он засмеялся и застонал одновременно.

Словно в ответ на этот звук, Истебрук, который без своих впечатляющих доспехов стал заметно меньше, шагнул в круг света от костра с маленьким горшочком в руках.

— Бальзам, — объявил он, подходя к Лютиену. — Чтобы раны очистились и не болели. Пусть они заживут получше. — Как заботливая мать, старик склонился над Лютиеном и зачерпнул из горшочка горстью пахучую серую мазь.

Юноша наклонил голову набок, убирая с плеча свою густую гриву, чтобы Истебрук мог втереть мазь. Все это время они с Оливером пристально наблюдали за этим человеком, все еще не понимая, почему Истебрук, Первый из Шести Кавалеров, вообще оказался в это время в Эриадоре. До сего момента Лютиен не затрагивал эту тему, потому что было просто не до того. Сейчас же он не мог больше сдерживать любопытство.

— Почему ты здесь? — прямо спросил он.

Взгляд Истебрука выразил удивление. Он поджал губы так, что огромные усы полезли вверх и стали щекотать кончик его носа.

— Я — Лорд Протектор, — ответил он так, как будто этим все объяснялось.

— Но король Гринспэрроу, он же в Гаскони, — откликнулся Оливер. — С чего ему вздумалось послать тебя так далеко на север?

— Гринспэрроу? — эхом повторил Истебрук. — О нет, это не он послал меня. Меня послал сюда Парагор, герцог Принстауна и окрестностей.

— Когда? — перебил его Лютиен.

— Я был там с визитом — красивый город Принстаун. Там прекрасные зоопарки и сады!

Оливер был бы не прочь послушать про зоопарки, но Лютиена интересовало совсем другое.

— Так что там насчет герцога? — напомнил он.

Истебрук вскинул глаза, словно не понимая вопроса.

— Ах да, конечно, Парагор, такой костлявый малый, — сказал он наконец, вспомнив, по-видимому, о чем говорил раньше. — Ему бы следовало иногда отрываться от книг и переключаться на мясной пирог, вот что я вам скажу!

— Две недели назад, — быстро добавил он в ответ на хмурую гримасу Лютиена, — герцог пригласил меня на шикарный прием, затем попросил поехать на север, в Эра... Эрадой? Нет, правда, как называется это место?

— Эрадох, — откликнулся Оливер.

— Да, Эрадох, — продолжал Истебрук. — Поезжай в Эрадох, так сказал мне Парагор, разберись там с этими головорезами. Да здравствует король, разумеется, ну и все прочее в этом же духе. Я должен был повиноваться, будучи Лордом Протектором Первым из Шести, потому что Парагор — представитель законного короля Эйвона.

Теперь все стало совершенно ясно. Герцог Парагор видел, что в Эриадоре зреет смута, и находился достаточно близко от северных земель, чтобы понимать ценность армии всадников. Сам он не произвел бы никакого впечатления на суровых горцев, равно как и его обычные приспешники, волшебники и циклопы. Но затем появляется в Принстауне Истебрук, рыцарь старой закалки, воин и человек безупречной чести, — и представитель найден.

— Почему ты перешел на другую сторону? — спросил его Оливер.

— Ничего подобного! — возмутился Истебрук, как только понял, что Оливер имеет в виду. — Твой друг победил меня в честном поединке, и я обязан служить ему сто дней. — Он взглянул на Лютиена. — Конечно, ты понимаешь, что не сможешь использовать меня как оружие против моего короля. Мой меч безмолвствует.

Лютиен кивнул и улыбнулся, вполне удовлетворенный.

— За это время, добрый сэръ рыцарь, — пообещал он, — ты узнаешь правду о своем короле Гринспэрроу и о том, за что мы боремся здесь, в Эриадоре.

Теперь настал черед Сиобы оплакивать потерю Лютиена, хотя она еще с той ветреной и дождливой ночи в Кэр Макдональде знала, что их любви не суждена долгая жизнь. Теперь это было признано должным образом и произнесено вслух.

Однако боль оставалась, и Сиоба поняла, что сегодня ей тоже не уснуть. Некоторое время она бродила по лагерю, иногда задерживаясь и присоединяясь то к тем, кто пел у костров, то к игрокам. Дойдя до юго-восточного конца лагеря, она увидела довольно большую палатку Бринд Амора. Внутри горела лампа, и, судя по теням, старый волшебник не спал.

При виде Сиобы он захлопал в ладоши и широко улыбнулся. Она заметила, что маг только что накинул покрывало на круглый предмет на маленькой подставке — хрустальный шар, как догадалась девушка.

— Ты видел Лютиена, — предположила она, — и теперь знаешь, что слухи о собранном им подкреплении верны.

Бринд Амор с любопытством взглянул на нее.

— О нет, нет, — ответил он. — Там слишком много тумана. Слишком густой туман. Мне кажется, я видел мальчика раньше, но это мог быть горец. Или даже олень. Слишком много тумана.

— Значит, мы не можем быть уверены... — начала Сиоба.

— Слухи обычно несут в себе определенную долю правды, — перебил ее волшебник.

— Нам придется обдумать два возможных тактических варианта, — вздохнула Сиоба. — Два плана битвы. Один — без помощи Лютиена, а другой — если он приведет им подкрепление.

— Никакой необходимости, — коротко сказал Бринд Амор.

Сиоба молчала. У нее не было настроения разгадывать загадки.

Бринд Амор понял это и на секунду задумался о том, что может так сильно беспокоить полуэльфийку.

— Весть о нашей победе в Кэр Макдональде летит, опережая нас, — объяснил он, стараясь вернуть улыбку на лицо полуэльфийки. — Над Дун Каритом развевается флаг с косым крестом на зеленом поле!

Это было слишком неожиданно, и Сиоба наморщила лоб, пытаясь понять, о чем говорит Бринд Амор. Постепенно она начала понимать. Бринд Амор только что сообщил ей, что крепость, являющаяся опорным пунктом Мальпьюсантовой стены, подняла флаг старого Эриадора!

— Стена взята? — выпалила она.

— Стена наша! — подтвердил волшебник.

Сиоба не могла произнести ни слова. Каким образом они получили в подарок столь значительную победу?

— Большинство тех, кто живет в Дун Карите и охраняет сторожевые башни, — это не циклопы и даже не жители Эйвона, а эриадорцы, — объяснил старый волшебник. — В основном они прислуживали воинам, занимались ремеслами и разводили скот, но все имели доступ к оружию.

— И они услышали об Алой Тени, — предположила Сиоба.

Бринд Амор закинул руки за голову и удобно откинулся на центральный кол палатки.

— Похоже на то, — согласился он.

22. ВЗГЛЯД ИЗДАЛЕКА

Он был настолько худ, что казался тяжело больным, кожа болталась у него на костях,

вокруг глаз темнели круги. Когда-то густые, темные волосы поредели и сильно поседели, макушка облысела. Остаток волос он зачесывал назад, и казалось, что за ушами у него маленькие крылья.

Однако хрупкая внешность бывает обманчивой. Герцог Принстаунский Парагор являлся вторым после Гринспэрроу и самым могущественным из оставшихся семи герцогов. Только Крезис, вождь циклопов и единственный герцог, который не был волшебником, занимал более высокое положение и стоял ближе в порядке престолонаследия — решение чисто политическое, и Парагор не сомневался, что он сумеет его изменить, если с королем случится что-то плохое.

Однако сейчас Парагор не думал о наследовании престола. События в Эриадоре становились все более тревожными. Принстаун был ближайшим из всех эйвонских городов и наиболее тесно связанным с суровым северным краем, так что Парагора больше всех волновало разгоравшееся в Эриадоре восстание. Поэтому волшебник, искусный в ясновидении, наблюдал за ним с самым живым интересом. Он знал о разгроме армии Белсена Крига под Монфором; он знал, что флот Эйвона захвачен и ушел на север. И герцог знал о собственной неудаче, Истебруке, которого он отправил на север с наказом удерживать Эрадох от мятежа.

В это самое утро угрюмый герцог Парагор наблюдал, как тысяча всадников отправлялась за Алой Тенью к постоянно увеличивавшемуся лагерю мятежников в Глен Олбин.

— И именно сейчас Гринспэрроу отдыхает в Гаскони! — рывкнул герцог, обращаясь к Товаттлу, низкому, мускулистому циклопу с кривыми ногами, кривыми руками и только одной кистью — вторую вместе с половиной предплечья он потерял тогда, когда скармливал одного из собственных детей льву в знаменитом зоопарке Принстауна. Одноглазый попытался заменить утраченные пальцы металлической чашечкой с шипом, однако культя была слишком чувствительной для такого приспособления, и он не мог его носить. Однако даже с одной рукой Товаттл был самым опасным циклопом в Принстауне, необычайно сообразительным и необычайно жестоким даже для представителя своего племени.

— Они же просто эриадорцы, — ответил Товаттл, презрительно выплевывая это слово.

Парагор покачал головой и запустил руки в волосы, отчего они еще сильнее встали дыбом.

— Не повторяй ошибку нашего короля, — предупредил герцог циклопа. — Он недооценил врага на севере, равно как и размах восстания.

— Мы сильнее, — настаивал Товаттл.

Парагор был согласен с ним. Даже если весь Эриадор объединится против Гринспэрроу, армия Эйвона все равно гораздо сильнее, а что касается украденных кораблей, оставшийся у Эйвона флот более многочислен и укомплектован командами, которые умеют вести бой с крупных судов куда лучше, чем какие-то рыбаки. Но сейчас, когда множество солдат Эйвона находились в южной Гаскони, сражаясь против королевства Дюрей, война обошлась бы слишком дорого. А поход через горы или Мальпьюсантову стену, а затем сражение на родной земле Эриадора могли уравновесить силы.

— Достань мою чашу, — распорядился Парагор.

— Из красного железа? — переспросил Товаттл.

— Разумеется, — рывкнул Парагор и ухмыльнулся, когда лицо Товаттла выразило сомнение. Однако циклоп вышел и вернулся минуту спустя, неся требуемый предмет.

— Вы слишком часто ею пользуетесь, — осмелился предупредить Товаттл.

Глаза Парагора сузились. Только представить себе, что какой-то циклоп ворчит на него по поводу использования магии!

— Вы сами говорили мне, что ясновидение — дело тонкое и опасное, — возразил циклоп.

Взгляд Парагора не изменился, циклоп пожал широченными плечами и умолк. Парагор не стал наказывать наглеца, потому что знал, что в его словах была правда. Ясновидение,

пересылка собственного зрения и слуха на расстояние во много миль, действительно являлось сложным и тонким процессом. Можно многое услышать и узнать, но часто это оказывалось только полуправдой. Парагор мог посетить конкретно знакомое ему место или конкретно известного ему человека — в данном случае, как и в нескольких последних, это был Истебрук, но такой магический шпионаж имел свои пределы. Настоящий шпион или разведчик собирал информацию еще до того, как он добирался до цели, и затем мог использовать то, что узнал от объекта, в правильном контексте. Однако взгляд чародея обычно был направлен прямо на объект, слепой ко всем деталям и мелким событиям, часто очень важным, которые происходили вокруг намеченной личности или места.

Процесс ясновидения имел свои ограничения, свою цену и свои опасности. В нем тратилась колоссальная магическая энергия, и, как наркотик, это действие могло стать затягивающим. Часто во время этого процесса возникало больше вопросов, чем ответов, и поэтому волшебник вновь и вновь возвращался к своему хрустальному шару или заколдованной чаше и снова и снова отправлял вдаль свой слух и зрение. Парагор знал о чародеях, которых находили мертвыми, обвисшими в креслах перед устройствами для ясновидения.

Но герцогу надо было еще раз посетить Эриадор. Он видел поражение у Порт-Чарлея, разгром на полях у Монфора, передвижение всадников Эрадоха, и все эти силы направлялись к Мальпьюсантовой стене, которая находилась в его владениях.

Товаттл поставил чашу на маленький круглый стол в рабочем кабинете герцога — скупой обставленной комнате, в которой имелись только этот столик, большой, без всяких украшений письменный стол, кресло, маленький шкаф и стеллаж с несколькими сотнями отделений. Затем циклоп подошел к шкафу и вынул кувшин с приготовленной водой. Он начал наливать воду в чашу, но она слегка расплескалась; разгневанный Парагор вырвал кувшин из единственной руки приспешника и отпихнул его в сторону.

Товаттл только скептически покачал безобразной головой: он никогда не видел герцога таким возбужденным.

Парагор закончил наполнять чашу, затем извлек из складок своей желто-коричневой мантии узкий нож и начал тихо творить заклинание, помахивая одной рукой над чашей, а затем воткнул нож в собственную ладонь, чтобы кровь закапала в воду.

Заклинание длилось много времени, Парагор медленно склонял лицо все ниже и ниже над чашей, пристально вглядываясь в возникший алый водоворот.

В чаше стал вырисовываться расплывчатый образ...

— Легкая победа, — говорил молодой человек. Парагор понял, что это Алая Тень, по накидке, которую он носил. Он находился в большой палатке, окруженный очень странной компанией: пышно разряженный хафлинг, старик, которого Парагор не знал, и три женщины очень разной наружности. Одна была высокой и сильной, с волосами цвета яркого заката, другая, гораздо меньше — наверняка в ней текла кровь эльфов, — с изящными чертами лица и длинными, пшеничного цвета локонами, и третья, мускулистая, с обветренным лицом, одетая в меха, на манер горцев. Парагор знал ее, это была Кэйрин Калтуэйн, которую победил в поединке Истебрук, чтобы получить главенствующую роль среди людей Эрадоха.

— Но эта армия была настроена на сражение, — ответил разодетый хафлинг с сильным гасконским акцентом. — А с кем им теперь сражаться!

Парагор не совсем понял, о чем шла речь, но не стал отвлекаться на мелочи. Он обвел взглядом чашу, ища опорный объект своего ясновидения, и наконец увидел Истебрука, который спокойно сидел у стены палатки на табуретке. «Что произошло с несгибаемым рыцарем, что заставило его так затихнуть?» — недоумевал герцог-волшебник. Смирение на лице Истебрука было, пожалуй, самым тревожным признаком!

Постепенно Парагор осознал, что сбился с курса. Он уже ощущал тяжесть магии, его время заканчивалось. Около центра палатки, в самой середине чаши, Алая Тень заговорил снова.

— Люди Эриадора собрались, как пальцы руки, — говорил он, используя поэтический

образ и поднимая вверх руку. — Собрались в кулак.

— Кулак, который врезал королю Гринспэрроу прямо в нос, — сказал старик. — Удар крепкий, но нанесли ли мы ему реальный вред?

— Эриадор — наш, — заявила рыжеволосая женщина.

— Надолго ли? — скептически спросил старик.

От этого замечания вся компания несколько смолкла.

— Гринспэрроу в Гаскони, — продолжал старик. — Это все, что мы знаем. И Гринспэрроу вернется.

— Напоминаю тебе, что это был твой план, — возразил хафлинг.

— Однако все пошло не по плану.

— Цель была достигнута гораздо легче, — заявил хафлинг.

— Но не с тем же эффектом, как Блеф Оливера, — отрезал старик. — Боюсь, что мы не закончили дело. Еще не закончили.

— Что же осталось? — спросил хафлинг.

— Сорок пять миль — не такой уж длинный поход по такой погоде, — многозначительно заметил старик.

Изображение в колдовской чаше предсказаний дрогнуло, сосредоточенность Парагора разрушилась от внезапной пугающей догадки, он побледнел и отпрянул от чаши. Принстаун — наглые глупцы говорили о походе на Принстаун!

Парагор осознавал серьезность происходящего. Войско у повстанцев немалое, а Гринспэрроу не предпринял достаточно быстрых шагов. Армии Эйвона не готовы к походу и находятся далеко от Принстауна. И о какой еще победе говорили эти люди?

Мальпьюсантова стена?

Костлявый герцог опять запустил руки в волосы. Ему необходимо подумать. Нужно посидеть в темноте и сосредоточиться. Кое-что прояснилось, но далеко не все, а он устал.

Таковы были ограничения и цена ясновидения.

— Принстаун, — догадалась Сиоба. — Жемчужина Эйвона.

— Ставки для Блефа Оливера поднимаются все выше, — подтвердил Бринд Амор.

— Подобное ни за что не придет в голову Гринспэрроу, он просто никогда не поверит в это, — сказал Оливер и тихо, для одного Лютиена добавил: — Потому что даже я, стоя здесь, не верю в это.

— Принстаун изолирован, — объяснял Бринд Амор. — Никаких военных сил в радиусе двухсот миль.

На лице у Сиобы появилось сомнение, смешанное с явным интересом.

— Они могут выслать другой флот, — сказала она. — Обойти стену и отрезать нас от родных земель.

— Могут, — согласился Бринд Амор. — Но не стоит недооценивать мнение тех эриадорцев, которые еще не присоединились к нам. Население Чамберса, довольно крупного города, тоже не останется слепым к событиям в предгорьях и вдоль стены. Кроме того, — добавил он, потирая сморщенные пальцы, — мы ударим быстро, не позже чем через неделю.

Оливер понял, что это может стать его шансом войти в историю, дать свое имя дерзкому нападению. Он также понимал, что и он, и все остальные могут погибнуть в замышляемом походе. Огромный риск, особенно если учесть тот факт, что основная цель восстания (которое и началось-то по чистой случайности!) уже достигнута.

— Принстаун? — громко спросил он, привлекая всеобщее внимание. — А зачем?

— Чтобы заставить его заключить перемирие, — без колебаний ответил Бринд Амор. От старого волшебника не ускользнуло то, что по лицу Лютиена пробежало облачко.

— А ты что, думал драться до ухода? — обрушился Бринд Амор на юного Бедвира. — Думал пройти с победами весь Эйвон и захватить Карлайл? Тогда придется воевать всему Эриадору — и все равно нас будет в три раза меньше!

Лютиен не знал, как реагировать, не мог разобраться в своих мыслях и чувствах.

Завершение произошло легко — стена принадлежала им, Эриадор был освобожден от власти короля Гринспэрроу. Просто, как щелчок пальцев Оливера.

Но вот надолго ли? Это был вопрос Бринд Амора. И тогда Лютиену показалось, что битва далеко не закончена, что Гринспэрроу будет нападать на них снова и снова. Смогут ли они победить по-настоящему? Может быть, им и следует дойти до Карлайла, подумалось Лютиену, и положить конец темному правлению Гринспэрроу раз и навсегда?

— Простой народ Эйвона присоединится к нам, — сказал он дрогнувшим голосом. — Как это сделали эриадорцы.

Бринд Амор хотел было возразить, но Оливер остановил его, подняв руку.

— Вот в этом я кое-что понимаю, — сказал он волшебнику и начал сам убеждать Лютиена: — Они будут смотреть на нас как на захватчиков, защищать от нас свои дома.

— Тогда почему поход на Принстаун — это нечто иное? — резко спросил Лютиен, которому явно неприятно было слышать очевидную правду.

— Потому что это всего лишь Блеф Оливера, — ответил хафлинг и, как и следовало ожидать, прищелкнул пальцами. — Кроме того, я хочу посмотреть зоопарк.

— А вот тогда мы предложим королю Эйвона перемирие, — объяснял Бринд Амор. — Захватив Принстаун, мы сможем торговаться.

На лице Лютиена читалось явное сомнение, и Бринд Амор понял, в чем тут дело. Этот юноша вырос на острове, вдали от интриг королей и властителей. Лютиен считал, что, если уж Гринспэрроу настолько могуществен, он может просто двинуть армию из Карлайла и забрать Принстаун силой, но этот юноша не понимал, что такое престиж, что такое потеря лица. Единственным шансом Эриадора было стать таким шипом в боку Гринспэрроу, такой помехой в его делах с южными королевствами, особенно с Гасконью, чтобы он просто не захотел больше связываться с этим государством. Завоевав Принстаун, этого можно добиться. Но, конечно же, можно и не добиться.

— Так что в этом весь смысл, — сказал Бринд Амор. — Мы возьмем Принстаун, а затем предложим вернуть его.

— Но не раньше чем мы отпустим зверей на свободу, — добавил Оливер, вызвав улыбки у всех присутствующих.

Все это звучало очень просто и логично. Но ни один из них, ни Лютиен, ни Оливер, ни Кэтрин, ни Сиоба, ни Кэйрин Калтуэйн, ни даже сам Бринд Амор не думали, что это будет просто.

Армия подошла к Мальпьюсантовой стене, одному из самых впечатляющих сооружений во всем Эйвоне, на следующий день. Эта стена имела высоту в пятьдесят футов и толщину в двадцать, и она протянулась почти на тридцать миль от восточных отрогов Айрон Кросса до Дорсальского моря. Сторожевые башни возвышались через каждые пятьсот ярдов, самой могучей из них являлась крепость Дун Карит. Она лепилась к отвесному обрыву, сочетая натуральную скалу с каменной кладкой стены. Половина Дун Карита находилась под землей, высокие башни и стены с плоским верхом были оснащены катапультами и баллистами, а подземные туннели наполнены оружием и припасами.

Разглядывая крепость, Лютиен оценил, как важна была эта бескровная победа. Если бы его армии пришлось сражаться с преторианской гвардией, охранявшей Дун Карит, она могла понести ужасные потери, и никакая осада не была бы достаточно долгой, чтобы выкурить циклопов из крепости. Однако восстание произошло внутри стен крепости, и теперь Дун Карит, как и вся Мальпьюсантова стена, принадлежал повстанцам.

Их встретили тепло и радостно, эриадорцы чувствовали себя неуязвимыми, словно имя Гринспэрроу стало самым заурядным ругательством.

Бринд Амор знал, что это не так, но даже его захватила волна всеобщего ликования, когда победившие армии объединились. Престарелый маг, неожиданно для себя превратившийся в стратега, понимал, что это празднование еще больше скрепляло их союз, — момент очень важный, если учесть непредсказуемость некоторых отрядов, да хоть

бы тех же самых всадников Эрадоха.

Они провели прекрасный день у стены, обменивались рассказами о трудно добытых победах и о друзьях, отдавших жизнь за свободу. В ту ночь армия из Кэр Макдональда и северных земель расположилась лагерем на равнине к северу от Дун Карита.

Они чувствовали себя непобедимыми.

В Принстауне герцог Парагор мерил шагами покрытый ковром пол своей спальни. Усталый, почти истощивший свои магические силы, он все равно хотел переговорить с Гринспэрроу.

Парагор покачал головой, понимая, что получится из этого общения на расстоянии. Гринспэрроу отмахнется от него, будет говорить, что выскочки из Эриадора — всего лишь жалкая чернь, и ничего больше.

Парагор обдумывал свои возможности. Ближайшие герцоги, сотоварищи по магии, находились в Эвенсхорне, далеко к югу, и в Уорчестере, за южными отрогами Айрон Кросса, на берегах тихого Спейтенфергюса. Им потребуется несколько недель, чтобы собрать свои армии, а затем еще несколько недель, чтобы добраться по раскисшим дорогам в Принстаун. Конечно же, герцоги-чародеи могли прибыть к Парагору, используя магию, — возможно, они даже могли бы захватить с собой некоторую часть преторианской гвардии. Но выстоят ли они против той армии, которая идет на него из Эриадора? И как он будет выглядеть, если обратится к ним с мольбой о помощи, а потом непредсказуемые эриадорцы не придут?

— Но у меня есть и другие союзники! — внезапно рывкнул Парагор, заставив вздрогнуть Товаттла, который сидел на коврике в углу роскошной комнаты.

Товаттл внимательно оглядел своего господина и узнал особое, дьявольское выражение на его лице. Парагор собирался призвать на помощь демона, понял циклоп, и, возможно, даже не одного.

— Ну-ка посмотрим, нельзя ли поуменьшить их воинственность, — продолжал злобный герцог. — Если, скажем, прикончить Алую Тень...

— Это лишь укрепит легенду, — предупредил осторожный циклоп. — Ты сделаешь из него мученика, и он только станет еще могущественнее!

Парагор хотел было поспорить, но не нашел никаких доводов. Чрезмерно проницательный одноглазый опять оказался прав. Но, с другой стороны, существуют же способы убить дух человека, не убивая его самого.

— А что, если мне удастся сломить волю Алой Тени, — сказал Парагор, и его голос прозвучал чуть громче шепота.

Возможно, ему удастся разбить сердце этого человека.

23. УЖАСНЫЕ СОЮЗНИКИ

Комната была совершенно пустой, без какой бы то ни было мебели, если не считать жаровни, установленной на прочном треножнике в юго-восточном углу. На каждой из стен виднелся кронштейн с горящим факелом. Стены были такими же гладкими и серыми, как и потолок. Пол, однако, казался гораздо более примечательным. Разноцветные кусочки смальты образовывали круглую мозаику, средняя часть которой изображала пентаграмму. Мозаику обрамляли две окружности, между ними были начертаны руны власти и защиты.

Сейчас Парагор стоял в центре круга, а Товаттл — у жаровни. На массивной шее циклопа висел небольшой ящик со множеством отделений. Герцог сам составлял мозаику много лет назад, сам прилаживал каждый крошечный кусочек — весьма трудоемкий процесс. Очень часто Парагор, закончив какую-то часть, после тщательного изучения обнаруживал, что она несовершенна. Тогда он снова разбирал мозаику и начинал все сначала, потому что Магический Круг, защита чародея против любого злого демона, которого он призывал, должен быть совершенным. Данный магический круг выдерживал испытание уже несколько лет, устоял против многих демонов.

Стоя абсолютно неподвижно, Парагор творил длинное и сложное заклинание — сам призыв к демону перемежался тысячами защитных заклятий. Время от времени он протягивал левую руку к Товаттлу и называл номер, а циклоп запускал руку в соответствующее отделение ящичка, вынимал требуемую траву или порошок и бросал в огонь жаровни.

Иногда от брошенного в огонь компонента поднимался удушливый дым, иногда взвивались языки пламени. Через несколько часов огни жаровни стали подниматься вверх. Сперва там виднелся только язычок пламени. Но теперь в центре жаровни разгорелся изрядного размера костер, и от его жара и без того вонючий циклоп начал обильно потеть.

Парагор, казалось, не замечал этого, хотя на самом деле истинными источниками огня жаровни были он и его магия. Существовали два типа колдовства: одалживание и настоящий вызов. Первый тип, одалживание, был гораздо легче, при нем волшебник позволял демону завладеть на время его телом. Настоящий вызов, который сейчас и пытался осуществить Парагор, был гораздо сложнее и опаснее. Парагор собирался вызвать демона во всем его адском могуществе в эту комнату, а затем послать во внешний мир с целым набором инструкций, данных ему самим чародеем.

Демоны ненавидели рабство, а еще больше — тех, кто заставил их повиноваться, но Парагор был уверен в крепости своих заклинаний. Он призовет Кознекалена, малого демона, с которым он уже несколько раз успешно имел дело.

Огни жаровни из оранжевых превратились в желтые, а затем — в сверкающие белые, их интенсивность и ярость нарастали, когда Парагор начал свой танец. Чародей крутился в защитном круге, никогда не переступая его границу, он вкладывал в заклинание всю свою душу; его голос взмывал все выше, взламывая ворота ада.

Внезапно он остановился, выбросив левую руку по направлению к Товаттлу, выкрикивая цифру шесть трижды, и циклоп, отнюдь не новичок в этих ужасных экспериментах, полез в шестое отделение в шестом ряду и извлек оттуда коричневое липкое вещество.

Оно полетело в жаровню, и огонь разгорелся еще жарче, так что циклопу пришлось отступить на несколько шагов. В центре круга Парагор упал на колени, вытянул левую руку, слезы мешались на его бледном лице с потом.

— Кознекален! — воззвал он, когда вокруг белого пламени заплясали черные молнии.

Товаттл бросился в северо-западный угол комнаты и в ужасе съежился на полу, зажмурив глаз.

Из пламени мелькнул раздвоенный язык, затем появилась огромная голова с тяжелыми изогнутыми рогами. Сбоку от пламени показалась чудовищная мускулистая рука, а за ней — огромное кожистое крыло!

На лице Парагора появилось удивление. Кознекален был изящным демоном размером с человека, с крохотными острыми рожками, этот же демон оказался гораздо больше и, как сразу ощутил чародей, гораздо могущественнее.

Когтистые пальцы заскребли в воздухе, появилась вторая рука, а затем из пламени возник и весь демон, гигантское, двенадцати футов в высоту чудовище с дымящейся черной плотью, защищенной чешуей. Его морда напоминала змеиную, над нижней челюстью нависали длинные хищные клыки, с них сбегала слюна и шипела, как кислота, падая на каменный пол. Ступни с тремя когтями нетерпеливо скребли по полу, оставляя на камне глубокие царапины.

— Кознекален? — спросил Парагор почти шепотом.

— Нет.

— Но я звал Козне... — начал чародей.

— Вместо Кознекалена явился я! — зарычал демон, и его ужасный голос, одновременно визгливый и хриплый, эхом отразился от голых стен.

Парагор изо всех сил старался собраться с мыслями. Нужно было проявить власть, иначе демон вырвется из комнаты и разбушует, круша все на своем пути.

— Мне нужна только одна услуга, — начал герцог, — и она может быть вполне приятной...

— Я знаю, что тебе нужно, Парагор, — зарычал демон. — Я знаю.

Парагор выпрямился.

— Кто ты? — требовательно спросил он, потому что ему надо было знать имя демона, прежде чем требовать от него службы. Опытный чародей понимал, что это может оказаться сложным и опасным моментом, но, к его удивлению и облегчению, демон охотно ответил.

— Я — Преотек, — гордо сообщило чудовище. — Который был с Моркнеем, когда тот погиб.

Парагор кивнул, — он уже слышал этот рассказ от Кознекалена. Кознекален был счастлив, рассказывая всю историю с массой подробностей, и Парагор чувствовал, что между демонами существует яростное соперничество.

— Тогда мне было отказано в удовольствии, — продолжал Преотек, с трудом подавляя кипящую ярость. — Но в этот раз я не откажусь от него.

— Ты ненавидишь Алую Тень, — заключил Парагор.

— Я съем сердце Алой Тени, — прорычал Преотек.

Парагор злобно улыбнулся. Он знал, как сделать это сердце беззащитным перед демоном.

Видение Парагора было узко сконцентрировано на событиях, происшедших к северу от Принстауна, в Глен Олбин и севернее, в Бронегане и полях Эрадоха. Но эта сосредоточенность, эти добровольные шоры, которые он сам на себя наложил и которые были необходимы для ясновидения, не позволяли ему бросить взгляд на северо-запад, в горы Айрон Кросса.

А в этих горах стоял Шаглин, глядя на восток, в сторону стены и Принстауна. Он и его бородатые соплеменники, около трехсот гномов, покинули Кэр Макдональд вместе со всей армией, но повернули на юг, в самое сердце высоких гор, где толстым слоем лежал снег, где зима еще не разжала своей ледяной хватки. Шаглин отправился охранять перевалы в горах, хотя и он сам, и пославший его Бринд Амор знали, что эти перевалы будут блокированы снегом еще как минимум месяц, а может, и дольше.

Бринд Амор был единственным, кроме гномов, кто знал настоящую цель опасного похода Шаглина и возлагал на этот поход большие надежды. Эти надежды осуществились меньше чем через неделю после выхода из Кэр Макдональда, в глубокой пещере высоко над городом. В течение многих лет поработанные и бесправные гномы Монфора жили слухами о своих соплеменниках, сохранивших свободу среди горных вершин Айрон Кросса. Большинство соплеменников Шаглина были достаточно старыми, чтобы помнить горных гномов, которые приходили в город торговать еще до царствования Гринспэрроу. А один из них, седой старик, который трудился в шахтах с первых дней правления короля-чародея, сам принадлежал к этому племени, потомкам Бурсо Айронхаммера. Он пережил двадцать лет каторжных работ в шахте, затем яростные сражения в Монфоре. Именно он, а не Шаглин вел отряд к заснеженным снегом перевалам, через тайные туннели, и, в конце концов, в глубокую пещеру, прибежище племени Бурсо.

То, что Шаглин и другие городские гномы увидели в этой пещере, наполнило их сердца ликованием, заставило их понять, может быть, в первый раз, что это значит — быть гномом. Далеко под покрытой снегом поверхностью, в дымных туннелях, где было больше тени, чем света, гномы встретились со своим народом, своими соплеменниками. Место называлось Дун Дарроу, Хранилище Слитков, целый лабиринт туннелей и огромных подземных пещер, растянувшийся на много миль. Пять тысяч гномов жили и работали здесь, в полной гармонии с камнем, который являлся основой самого их существования. Шаглин увидел вокруг такие сокровища, которые он и вообразить себе не мог: горы золотых и серебряных изделий, блестящее оружие и прекрасные доспехи, которые могли соперничать с самыми прочными и прекрасными доспехами рыцарей на всех Островах Эйвонси.

Хотя они были городскими гномами, их с распростертыми объятиями принял король шахт, Беллик дан Бурсо, и сотни горных гномов собирались каждую ночь в нескольких огромных пещерах, чтобы послушать рассказы о битвах, об Алой Тени и победе в Монфоре. Теперь, закутанный в меха, Шаглин стоял на высоком перевале, ожидая короля Беллика. Повелитель гномов, моложе Шаглина, с ярко-рыжей бородой и такими кустистыми бровями, что они наполовину скрывали его голубые глаза, не заставил себя ждать, и стремительность его шагов вселила в Шаглина надежду.

Городской гном знал, что он просит многого у короля и его клана. Шаглина радовало то, что повелитель был молод, полон огня и ненависти к Гринспэрроу.

Беллик остановился на гребне горы рядом с чернобородым гномом и кивнул ему в знак приветствия.

— Мы не рисковали торговать с Монфором с тех пор, как на трон сел этот король-чародей, — сказал Беллик. Шаглин уже много раз слышал это за те два дня, что он гостил в Дун Дарроу.

Беллик фыркнул.

— Многие из нас не выходили десятки лет, — продолжал король гномов. — Но мы любим наши горы изнутри, а потому довольны жизнью.

Шаглин взглянул на него, не вполне поверив этому заявлению.

— Довольны, — повторил Беллик, но его голос не соответствовал значению слова. — Но не счастливы. Многие не испытывают ни малейшего желания выходить наружу, но даже тем, кто вполне доволен своей долей, не нравится факт, что мы не можем безопасно спуститься с гор, если захотим.

— Пленники в своем собственном доме, — заметил Шаглин.

Беллик кивнул.

— И нам не нравится то, как обращаются с нашими соплеменниками. — Произнося эти слова, он положил руку на крепкое плечо Шаглина.

— Значит, вы пойдете со мной, — заключил чернобородый гном. — На восток.

Беллик снова кивнул.

— Над горами опять собирается буря, — заметил он. — Зима не хочет отступать. Но у нас есть свои, особые пути — подземные проходы, которые выведут нас в восточную часть Дун Дарроу.

Шаглин улыбнулся, но постарался сдержать свои эмоции. При всей важности этой миссии он страдал, что его друзья сейчас сражаются, а он, в полной безопасности, занимается переговорами. А так, может, и удастся еще повоевать. Он вернется к Лютиену и Сиобе вместе с пятью тысячами вооруженных воинов-гномов в крепких доспехах.

Лютиен сидел один на пеньке, позволив грустному дню просочиться в его мысли. Он понимал, что Оливер прав. Все последние недели юноша бежал от своих чувств. Сперва он отослал Кэтрин в Порт-Чарлей, затем сам отправился вместе с Оливером в путешествие и прибыл в Глен Олбин кружным путем. Он мог бы и дальше оправдывать свою трусость в любви, компенсируя ее храбростью в бою.

Мог бы — но не сейчас. В лагере Эриадора царило большое возбуждение, ходили слухи, что скоро они пересекут Мальпьюсантову стену и пойдут на юг, но для Лютиена битва внезапно отодвинулась на второй план. Он верил, что они могут победить, могут захватить Принстаун и заставить Гринспэрроу заключить перемирие, гарантирующее их независимость, но что дальше? Станет ли он королем Эриадора?

А если так, будет ли Кэтрин его королевой?

И все мысли неизменно возвращались к единственному вопросу, волновавшему его в последнее время. Сидя здесь на пеньке, глядя на неприступный Дун Карит, темнеющий на фоне серого неба, Лютиен разрывался между ответственностью перед своей страной и ответственностью перед самим собой. Он хотел быть Алой Тенью, вождем восстания, но также хотел и оставаться Лютиеном Бедвиром, сыном эрла с далекого северного острова,

который вел только бескровные спортивные бои на арене и бродил по лесам с Кэтрин О'Хейл.

Он ушел так далеко, так быстро, но путь не стоил своей цены, если в нее входила потеря его любви.

— Трус, — обругал он сам себя, вставая и потягиваясь.

Лютиен повернулся и почти побежал к лагерю. Он знал, где искать Кэтрин, — в маленькой палатке ближе к северному краю. И он знал, что должен посмотреть ей в лицо и положить конец своему страху.

К тому времени, как юноша добрался до палатки Кэтрин, солнце зашло. В палатке горела единственная лампа, и он видел силуэт девушки, которая стаскивала кожаную куртку. Он долго наблюдал за ее движущейся, изгибающейся тенью, полный восхищения и страсти. Лютиен знал, что Сиоба права, — она очень ему дорога, но истинной любовью остается Кэтрин. Когда схлынет бешеная сумятица мятежа, даже полная победа не доставит Лютиену Бедвиру радости, если с ним не будет Кэтрин.

Он знал, что должен войти прямо в палатку и сказать ей об этом, но не мог. Он снова отошел в темноту, проклиная себя, ища логические аргументы, которые помогут преодолеть страх.

Ему потребовалось два часа, чтобы собраться с мужеством и вернуться. Теперь он нес свой фонарь, одежда его отсырела от вечернего тумана, а сам он продрог до костей.

— Кэтрин, — негромко окликнул Лютиен, подходя к входу в палатку. Он откинул брезентовую дверку, сунул голову внутрь и замер от ужаса.

Кэтрин косо лежала на койке, плечи ее свисали с края, голова и одна рука доставали земли. Лютиену только через несколько секунд удалось оторвать взгляд, перевести его хоть чуть-чуть в сторону.

И увидеть гигантского демона, скорчившегося в ногах койки Кэтрин. Огромное туловище чудовища заполняло весь угол палатки.

— Помнишь меня, глупец? — прорычал Преотек и сделал шаг вперед.

Одним молниеносным движением Лютиен поставил лампу на пол и, выхватив «Ослепительный», с воплем бросился вперед. Его нападение удивило демона, который больше привык к тому, что один его вид обращает людей в бегство.

Лютиен попал мечом по одной из поднятых рук Преотека, и струя шипящей, брызжущей серо-зеленой крови ударила в пол и задымилась.

Ярость Лютиена нарастала. Он не боялся своего противника, не боялся собственной смерти. Он думал только о том, что Кэтрин, дорогая ему Кэтрин, лежит на полу, возможно мертвая, убитая злобным чудовищем.

Нападение длилось несколько секунд, Лютиен успел нанести с десятков ударов, прежде чем выдохнутый Преотеком шар огня швырнул его на землю, ударив спиной об опорный столб палатки. Юноша мгновенно вскочил, волосы его стояли дыбом, карие глаза сузились.

— Я сожгу шкуру на твоих костях, — заорал Преотек резким скрипучим голосом, — я...

Лютиен закричал во всю силу своих легких и бросился вперед. Демон взметнул огромным крылом, отклонив удар, так что меч лишь слегка оцарапал его.

Лютиена отбросило в сторону, он перекатился вбок и вскочил, яростно размахивая мечом, понимая, что демон последует за ним.

Однако Преотек находился на прежнем месте. Он издевательски ухмылялся, но затем внезапно вздрогнул, выпрямился, и его огромные плечи заполнили всю палатку.

Лютиен заметил блестящее острие рапиры, проткнувшее брезент прямо над койкой Кэтрин и точно нацеленное в заднюю часть Преотека.

— Ага! — раздался торжествующий вопль из-за стенки палатки.

Преотек взмахнул когтистой ручищей, и струя огня уничтожила ткань палатки в этом месте, открывая крайне удивленного Оливера де Берроуза.

— Возможно, я был не прав, — признал хафлинг.

Стрела просвистела над плечом Оливера, ударив прямо в безобразное, змееподобное лицо демона.

Преотек дико взревел, и волосы на затылке Лютиена зашевелились. Юный Бедвир бросился вперед, потому что мысль о Кэтрин была сильнее страха.

Он успел нанести только один удар «Ослепительным», а затем его отшвырнуло прочь, и весь мир вокруг него закружился. Лежа ничком в углу, Лютиен потряс головой и заставил себя подняться на колени. Демон угрожающе приближался, из его клыкастой пасти капала ядовитая слюна.

Еще одна стрела, затем еще одна, свистнув, попали в демона, но Преотек не обращал на них внимания. Оливер насккивал на него и отпрыгивал, вонзая свою рапиру, но демон даже не реагировал.

Парагор велел чудовищу не убивать Лютиена, но могущественный Преотек не терпел приказаний от тщедушных людишек.

Лютиен, уверенный в своей гибели, собрался, однако, с силами, пытаясь нашарить оброненный меч. Не найдя меча, он встал на колени и сжал кулаки, но тут его ослепил внезапный яркий свет. Лютиен упал на спину, уверенный, что демон опять пустил в ход свою магию.

Он ошибался.

В палатку влетел Бринд Амор, и Преотек, получив еще один удар молнией и раздраженный непрерывным потоком стрел, понял, что игра подходит к концу. Он прыгнул вперед и схватил бесчувственную Кэтрин.

— Хорошенько подумай о последствиях похода на Принстаун! — проревело чудовище.

Бринд Амор задержался со следующим ударом, потому что мог попасть в Кэтрин. Сиоба выпустила в спину Преотека еще одну стрелу, но тот уже выпрямился, поднял свободную руку высоко вверх и сорвал легкую палатку. Яростно забили по воздуху огромные складчатые крылья, и демон начал подниматься в ночное небо.

— Кэтрин! — закричал Лютиен, пытаясь найти свой меч и заставить чудовище спуститься. Безоружный, он бросился вперед и высоко подпрыгнул, вцепившись в одну из когтистых ступней Преотека.

Другая нога отшвырнула его прочь. Лютиен упал на землю и потерял сознание.

Бринд Амор швырнул в демона сияющее копьё; достигнув цели, оно взорвалось с оглушительным грохотом. Еще две стрелы, выпущенные Сиобой, больно ударили демона по ногам.

Но Преотек оказался слишком силен, чтобы его можно было сбить на землю такими ударами. Чудовище улетало прочь, унося Кэтрин, под беспомощные крики друзей и всех прочих обитателей лагеря, которые прибежали узнать о причинах шума.

Крики протеста и боли. Музыка для дьявольского слуха.

24. ЭТО ЕГО ДОЛГ

— Он унес ее! — кричал Лютиен, приходя все в большее отчаяние по мере разговора в палатке Бринд Амора. Они все — волшебник, Оливер, Сиоба и Кэйрин — обсуждали последствия набега демона. Речь шла о том, идти им теперь на Принстаун, или похищение Кэтрин означает призыв к перемирию.

Истебрук тоже находился в палатке. Рыцарь сидел на табуретке в стороне и казался очень подавленным.

— Не надо забывать, что демон ее не убил, — ответил Бринд Амор Лютиену. Волшебник изо всех сил старался сохранять спокойствие. — Она — пленница, и будет еще более ценной для...

— Для кого? — пожелал знать Оливер.

Бринд Амор не был уверен в ответе. Возможно, король Гринспэрроу узнал об их успехах и дотянулся до них из Гаскони. Однако, скорее всего, кошмарный посланник прибыл

с гораздо более близкого расстояния, от Парагора, герцога Принстаунского.

— Мы не можем долго засиживаться на этом поле, — сказала Сиоба, и Кэйрин поддержала ее тем, что подошла и встала рядом. — Это не армия наемников, а мужчины и женщины, которым надо работать на своих фермах. Если мы будем сидеть здесь и ждать у моря погоды, мы растеряем многих союзников.

— Ее похитил герцог Принстаунский Парагор, — решил Бринд Амор. — Он знает, что мы идем на него и что ему не продержаться против нашей армии.

— Нам придется несколько изменить наши планы, — заметила Сиоба. — Может быть, стоит выслать вперед разведчиков или предложить герцогу перемирие, когда мы встанем у его стен.

Все эти разумные рассуждения начинали приводить Лютиена в бешенство. Парагор украл Кэтрин, а его друзья обсуждают какие-то там планы и дела. Но для Лютиена Бедвира во всем мире не было ничего более важного, даже включая свободу Эриадора, чем благополучное возвращение Кэтрин. Бринд Амор и Сиоба, конечно, принимают это в расчет, делая все, что они могут, чтобы обеспечить безопасность пленнице, но для них на первом месте — восстание, а уж потом — Кэтрин.

Лютиен понимал умом, что так и должно быть, но сам так не мог. Только не сейчас. Юноша взмахнул руками, признавая свое поражение, взглянул на подавленного Истебрука и вылетел из палатки — все остальные на несколько секунд замолкли, чувствуя себя неловко.

— Именно на это и надеялся герцог Парагор, — заметил Бринд Амор. Он не осуждал Лютиена, а просто констатировал факт.

— Вы знаете, куда он собирался идти? — спросила Сиоба.

— Уже идет, — ответил Оливер, слишком хорошо зная своего друга. Никто из присутствующих не усомнился в его словах.

Бринд Амор не знал, как реагировать. Попытаться разубедить Лютиена? Или предложить ему поддержку, согласиться с мнением юноши о том, что безопасность Кэтрин самая важная вещь? Старого волшебника раздирали сомнения. Однако он знал, что не может броситься преследовать демона ни ради Кэтрин, ни ради кого-то еще. Он отвечал не за одного человека, но за весь Эриадор.

— Он должен идти, — неожиданно сказала Сиоба, привлекая всеобщее внимание. При этих словах она взглянула на дверь палатки, словно видела, как Лютиен скачет прочь. — Его место — там.

Вновь переведя взгляд на собравшихся, она заметила, что Оливер подозрительно ее разглядывает.

— Это только укрепит легенду об Алой Тени, — настаивала Сиоба.

— А может, это отвергнутая женщина хочет видеть своего любовника мертвым? — резко спросил Оливер.

Бринд Амор страдальчески поморщился — только и не хватало, чтобы они начали ссориться!

— Справедливый вопрос, — спокойно ответила полуэльфийка, сразу снимая напряжение. — Только ведь я не принадлежу к людскому роду, я не простая женщина, — напомнила она хафлингу. — Кэтрин в смертельной опасности, и Лютиен должен ее спасти. Если он этого не сделает, то весь остаток своих дней будет считать себя трусом.

— Справедливо, — признал Бринд Амор.

— А мы не пойдем за трусом, — холодно добавила Кэйрин из Эрадоха.

Оливер, такой же подавленный, как Лютиен, посмотрел на соратников, обвел их взглядом одного за другим. Он знал, что все сказанное здесь — правда, но это мало утешало. Он был рядом с Лютиеном с самого начала, еще до того, как Бринд Амор дал тому алую накидку, до того, как по улицам Монфора поползли слухи об Алой Тени. Теперь Лютиен поступил как должно, он отправился спасать любимую женщину, а значит, Оливер тоже должен следовать велению своего сердца и находиться рядом с другом.

Он коротко поклонился всем присутствующим и вышел из палатки.

Истебрук, благородный человек, рыцарь, вся жизнь которого была основана на строжайших принципах, молча приветствовал Оливера и того храбреца, который покинул их еще до хафлинга.

Лютиен ехал легкой рысью вдоль тени, отбрасываемой Мальпьюсантовой стеной. Солнце стояло низко, появившись из-за горизонта на востоке и отбрасывая косую, узкую тень на Эриадор. Однако тень все же была не такой черной, как та, что накрыла сердце юного Бедвира. Ему казалось, что прошлой ночью весь мир остановился, что восстание, планируемый поход — все это куда-то исчезло, и так оно и будет, пока ему не удастся освободить Кэтрин из рук демона и его злобного господина.

Он хотел поспешить, пустить Ривердансера мощным галопом, но боялся привлечь к себе внимание друзей, которые могут попытаться остановить его, или шпионов, которые могут предупредить герцога Принстаунского.

Лютиен и его конь были привычным зрелищем для стражников в сторожевой башне, ближайшей к Дун Кариту, и они позволили ему беспрепятственно миновать ворота и попасть в Эйвон.

К удивлению юноши, по ту сторону стены его встретил пышно разодетый хафлинг на рыжем пони.

— Хорошо хоть, ты дождался утра, — пробурчал Оливер и чихнул — вид у него был несчастный, а нос побагровел. Он еще раз чихнул, так что содрогнулось все его маленькое тело, затем вынул красно-желтый клетчатый платок и высморкался.

— Ты что, всю ночь здесь ждешь? — спросил Лютиен.

— С того момента, как ты ушел из палатки, — ответил Оливер, — я боялся, что ты отправишься немедленно.

Лютиен не нашел в себе сил для улыбки, хотя его тронула такая преданность. Однако в этот раз он не хотел, чтобы Оливер или кто бы то ни было другой ехал с ним.

— Это мое дело, — сказал он твердо, а когда хафлинг не ответил, Лютиен негромко цокнул, прищипорил Ривердансера, и белоснежный жеребец рысью снялся с места.

Оливер на Тредбаре тут же его догнал. Маленькому пони приходилось очень стараться, чтобы не отставать от могучего товарища.

Лютиен нахмурился и пустил Ривердансера побыстрее, Тредбар тоже увеличил скорость. Наконец Лютиен резко осадил коня и устался на хафлинга. Оливер с интересом взглянул на него и снова чихнул.

— Это мое дело, — повторил Лютиен.

— Не спорю, — согласился Оливер.

— Только мое, — уточнил Лютиен.

— Ты можешь ошибаться.

Лютиен вздохнул и огляделся, словно пытаясь найти какой-то выход. Он знал, каким упрямым может быть Оливер, и знал, как быстро эта обманчиво мелкая тварь, Тредбар, может скакать.

— А ты знаешь еще кого-нибудь такого маленького, чтобы спрятаться под твоей накидкой? — спросил Оливер.

Лютиен долго смотрел на друга, затем вскинул руки в знак поражения. По правде сказать, юный Бедвир чувствовал огромное облегчение. Он был решительно настроен отправляться за Кэтрин, и ему не хотелось брать кого-то в это опасное, возможно самоубийственное, путешествие. Однако юноша понимал, что на самом деле место Оливера рядом с ним, как и он должен был находиться рядом с другом, если бы ночью украли его любимую. Итак, теперь у него имелся спутник для предстоящей поездки, и не просто спутник, а верный друг, который выручал его во многих переделках.

Прежде чем друзья снова двинулись в путь, они услышали за спиной цокот копыт, оглянулись и увидели двух всадников: одного крупного, в рогатом шлеме горца, и другого — гораздо более хрупкого и изящного.

— Сиоба, — догадался Оливер; когда пара приблизилась, Лютиен убедился в его правоте. Теперь юный Бедвир ощутил раздражение. Он и вправду обрадовался Оливеру, но это было уж чересчур!

Сиоба и ее спутник остановились рядом с друзьями.

— Ты не поедешь, — заявил Лютиен, заранее отметая все возможные доводы.

Сиоба окинула его насмешливым взглядом, как будто не понимая смысла произнесенных слов.

— Конечно нет, — сказала она спокойно, — я должна думать не о Лютиене или Кэтрин, а об Эриадоре.

По не совсем понятной для Лютиена причине эти слова его сильно укололи.

— Но я понимаю тебя, — продолжала Сиоба, — и желаю тебе победы. Я надеюсь увидеть тебя, и тебя, — добавила она, поворачиваясь к Оливеру, — и Кэтрин, ожидающих нас, когда мы возьмем ворота Принстауна.

Лютиен почувствовал себя лучше.

— Я принесла тебе вот это. — На ладони Сиобы лежал янтарного цвета камень размером с куриное яйцо. — Это от Бринд Амора, — объяснила она юноше. — Когда твоя цель будет достигнута или когда возникнет самая отчаянная необходимость, волшебник просит тебя бросить этот камень о стенку и три раза произнести его имя.

Лютиен некоторое время подержал камень, удивляясь его легкости. Он не знал, что это за штука, но видел уже достаточно проявлений магии Бринд Амора, чтобы осознать ценность подобного дара.

— А как насчет него? — спросил юный Бедвир, глядя на горца.

— Ты ведь собираешься ехать в Принстаун? — спросила Сиоба.

Лютиен начал понимать, в чем дело.

— Маламус поскачет с вами до восточного края долины Глен Дуррич, оттуда уже виден Принстаун, — продолжала Сиоба. — И там же он будет ждать с вашими лошадьми. — Неожиданно полуэльфийка соскользнула с седла и передала поводья Маламусу. — Для Кэтрин, — объяснила она. — Я могу вернуться к стене пешком, это совсем рядом.

Она кивнула Лютиену, затем Оливеру, похлопала своего коня по спине и отправилась назад к своим обязанностям, которые не позволяли ей сопровождать друзей.

Лютиен смотрел на нее с откровенным восхищением. Он понял, что Сиобе хотелось поехать с ними. Они с Кэтрин были соперницами, но все равно питали глубокое уважение друг к другу.

Юный Бедвир перевел взгляд со спины Сиобы на ее дар, или, скорее, на дар Бринд Амора, а затем на Оливера, который терпеливо ждал, когда они отправятся в путь.

Прошлая ночь была темной, но занимающийся день обещал быть светлым и ясным.

Стоя на верхней площадке сторожевой башни, Истебрук, Первый из Шести Кавалеров, смотрел на маленькие фигурки к югу от стены, на эриадорцев в Эйвоне, мятежников, злоумышлявших против его родной страны. В глазах Истебрука все еще стоял образ адского демона, Преотека. Двадцать лет благородный рыцарь жил под темной властью короля Гринспэрроу, слушая рассказы о зверствах и жестокости, о союзе с дьяволом. Некоторые говорили, что ужасная эпидемия чумы, которая сломила боевой дух Эриадора двадцать лет тому назад, была наслана королем Эйвона, но Истебрук не верил этим рассказам, считая их деревенскими глупостями.

Некоторые говорили, что Гринспэрроу был чернокнижником, другом демонов, говорили даже, что и сам он — демон.

Но Истебрук не желал слушать сплетни и слухи.

А теперь он увидел все собственными глазами. Слухи оказались правдой и привели в смятение бедного Истебрука. Они материализовались в фигуру злобного демона, и благородный воин не мог об этом забыть.

Он смотрел, как уезжают Лютиен и Оливер. Тайно и вопреки всему, чему он посвятил

свою жизнь, Истебрук надеялся, что им повезет, что они благополучно вернутся вместе с Кэтрин и оставят герцога Парагора, того самого герцога, который послал рыцаря в Эриадор, мертвым в луже его собственной крови.

25. ПРИВИДЕНИЯ

Горец Маламус не произнес ни слова за все время путешествия — друзьям понадобилось два дня, чтобы попасть в Глен Дуррич, широкую, неглубокую ложину на юго-востоке от Принстауна. Здесь уже не было деревьев, чтобы укрыться под ними, и проходила единственная дорога, коричневой змеей извиваясь по густой зеленой траве.

Лютиен, опять ощутивший себя полководцем, изучал местность как поле возможного будущего сражения. Справа и слева края ложины переходили в пологие холмы, заросшие деревьями. Прекрасные укрытия и возвышения. Эльфийские лучники могли бы держать под обстрелом дорогу, укрывшись за деревьями, соображал он, а здесь, внизу, некуда спрятаться от их смертоносных стрел.

Юный Бедвир настолько погрузился в эти мысли, что вздрогнул от неожиданности, когда Оливер постучал по его плечу рапирой. Он натянул поводья и, оглянувшись, увидел, что хафлинг спешивается.

— Западный конец Глен Дуррич, — объяснил Маламус.

Оливер указал подбородком на запад, и Лютиен сощурился, глядя против заходящего солнца. На заднем плане высились горы, темные и холодные, а перед ними...

— Что это? — изумился Лютиен, заметив россыпь белого и розового.

— Осталось пять миль, — сказал подошедший Оливер. — И мне не хочется идти в темноте!

Лютиен соскочил с Ривердансера и отдал поводья Маламусу.

— Да хранит тебя Сол-Юнда, Алая Тень, — внезапно сказал горец, разворачивая трех коней без всадников. — Я жду вашего возвращения.

Лютиен нечленораздельно хмыкнул, не в силах придумать подходящий ответ. Сол-Юнда являлся богом горцев, их собственным богом, который заботился только об их народе, не обращая ни малейшего внимания на кого-нибудь еще, будь это друг или враг. Горцы охраняли Сол-Юнду, как дракон охраняет золото, и то, что Маламус произнес эти простые слова, служило для Лютиена самым вдохновляющим напутствием, которое он когда-либо слышал.

Несколько мгновений юноша стоял и смотрел вслед Маламусу, затем повернулся и устремился вдогонку хафлингу, который уже шел вперед, к бело-розовой россыпи у линии горизонта.

Меньше чем через час, когда солнце было уже совсем низко, друзья подошли достаточно близко, чтобы увидеть истинный блеск Принстауна и понять, почему этот город называют Жемчужиной Эйвона.

Он был примерно того же размера, что и Кэр Макдональд, но если Кэр Макдональд строился как крепость, был окружен кольцом высоких каменных стен, то Принстауну следовало в первую очередь радовать глаз. Он располагался на слегка холмистой равнине, как раз у подножия гор, и был не скученным, как Кэр Макдональд, а просторным и полным воздуха, и окружала его низкая, не более восьми футов в высоту стена из светлого гранита. Нигде не было видно сторожевых башен или вообще каких-либо оборонительных строений. Большинство домов казались достаточно большими. Деревянные здания были побелены, а более роскошные дома, явно принадлежащие дворянам и купцам, строили из белого с розовыми прожилками мрамора.

А самым большим и великолепным зданием был не Собор, как в большинстве крупных городов Эйвонси. Собор был, конечно, весьма внушительный, ничуть не меньше, чем в Кэр Макдональде, но даже он бледнел на фоне роскошного дворца. Дворец находился на западе Принстауна, на самом высоком участке, ближайшем к горам, и представлял собой четыре

этажа сияющего мрамора и листового золота, с разукрашенными колоннами по всему фасаду и с огромными крыльями на северо-восток и на юго-восток, подобными невероятных размеров рукам, которые протянулись, чтобы обнять весь город. Над центральной частью ослепительно сверкал огромный золотой купол.

— Этот герцог, он, небось, там? — спросил Оливер, и Лютиену не понадобилось следовать за его взглядом, чтобы понять, о каком здании идет речь. — Нам бы следовало захватить с собой лошадей, — продолжал Оливер, — чтобы кататься из одного конца дворца в другой.

Лютиен фыркнул, было не совсем ясно, шутит Оливер или нет. Это ж сколько здесь комнат? Сто? Триста? Если пустить Ривердансера галопом, так и то быстрее чем за полчаса этот дворец не объедешь! Ни один из друзей не сказал этого вслух, но оба подумали об одном и том же: как в таком мрачном королевстве могла появиться такая красота? В этом городе было величие и совершенство, дух здесь воспарял в небеса, и на сердце становилось легче. Возможно, в Эйвоне крылось нечто большее, чем думал Лютиен, который никогда не забирался так далеко на юг. Вид Принстауна совершенно не вязался со всем, что он знал о злобном Гринспэрроу. Этот сказочный город словно смеялся над восстанием и даже, более того, над гневом незваного гостя. Разумеется, Лютиен знал, что Принстаун построили задолго до Гринспэрроу, но все равно он не ожидал увидеть ничего подобного.

— Мой народ, это он построил этот дворец, — объявил Оливер, выводя Лютиена из транса. Юноша взглянул на хафлинга, который кивал своим мыслям, словно тоже пытался понять происхождение Принстауна.

— Здесь ощущается гасконское влияние, — объяснил Оливер, — влияние юга и запада Гаскони, где производят самые сладкие вина. Там тоже есть такие здания.

«Такие, да не совсем», — подумал Лютиен. Возможно, гасконцы построили или расширили Принстаун во времена своего владычества, но, даже если Оливер говорит правду и архитектура зданий была аналогична той, что встречалась на юго-западе Гаскони, изумленный взгляд хафлинга ясно говорил, что Принстаун гораздо величественнее.

Потрясенный неожиданной красотой, но не забывая, что Кэтрин находится во власти демона, Лютиен повернул к северу и быстро зашагал вперед. Оливер последовал за ним, с трудом оторвав взгляд от прекрасной картины. Откуда-то из города, кажется неподалеку от дворца, донесся низкий, рокошущий звук. Львиный рев.

— Тебе нравятся кошки? — спросил Оливер, подумав о зоопарке и жалея, что не посетил Принстаун при более благоприятных обстоятельствах.

К тому времени, когда друзья вышли на противоположную сторону города, небо стало совсем темным, и на нем появились черные облака. Они завернули еще за один поворот стены, и Лютиен остановился, пораженный. Ему раскрылся грязный секрет Принстауна.

С востока город казался чистым и привлекательным, истинной жемчужиной, но здесь, на западе, друзья увидели истинное положение вещей. Земля за дворцом спускалась вниз, и восьмифутовая стена, ограждавшая город, огибала здесь неглубокую впадину, застроенную убогими хижинами. Лютиен и Оливер не сумели много разглядеть в темноте, потому что район был почти не освещен, но они слышали стоны бедняков, крики тех несчастных, которые называли эту грязную трущобу своим домом.

Станным образом это зрелище подняло дух Лютиена, послужив подтверждением его мыслей о самом Гринспэрроу и его незаконном и злобном правлении. Он сочувствовал людям, которые жили в этом спрятанном от глаз котле к западу от городского великолепия, но само их существование являлось оправданием всех его действий.

Оливер дернул юношу за плащ и остановил.

— Мы уже почти пришли, — прошептал хафлинг, указывая на стену дворца. Темная и высокая, она находилась уже довольно близко.

— Эй, там! — раздался со стены утробный голос циклопа, и оба друга пригнулись, Лютиен накинул на голову капюшон плаща, а Оливер спрятался под широкими алыми складками.

На стене вспыхнуло несколько фонарей, затененных с трех сторон, чтобы направить луч света на четвертую. Лютиен затаил дыхание, напоминая себе, что накидка надежно их скрывает. Пятно света упало на землю перед ним и, не задерживаясь, поползло дальше.

— Возвращайтесь по своим норам! — заревел циклоп, и со стены начали стрелять из арбалетов.

— Я бы предпочел, чтоб одноглазые нас увидели, — заметил Оливер.

После нескольких залпов со стены раздался громкий гогот.

— Грязные нищие! — презрительно фыркнул один из циклопов, вызвав у своих дружков новый приступ смеха.

Оливер вылез из-под алой накидки, поправил свою великолепную широкополую шляпу и пурпурный плащ. Он показал на юг, на возвышавшуюся над ними стену дворца, и друзья продвинулись вперед еще на несколько десятков ярдов.

Оливер подошел к стене вплотную, напряженно замер и удовлетворительно кивнул, услышав доносящийся сверху храп. Он распахнул плащ и полез в плечевое отделение своего «взломщика», кожаной перевязи, которую ему когда-то подарил Бринд Амор. Оливер носил ее всегда, хотя это было практически незаметно из-за пышных рукавов и ярких просторных одежд. Казалось, что это простая, ничем не приметная перевязь, но, как и у самого Бринд Амора, ее внешний вид был обманчив. Перевязь была заколдованной, как и многочисленные предметы, которые хранились в ее отделениях, — инструменты квалифицированного взломщика. Из крошечного мешочка на плече Оливер извлек волшебную липучку — пупырчатый шар с тонкой веревкой. Но прежде чем он успел изготовить свое оружие к действию, подошедший Лютиен закинул его наверх.

Оливер понял: стена была всего в восемь футов вышиной, и Лютиен мог без труда поднять его на ее гребень. Хафлинг подвесил липучку к поясу так, чтобы можно было легко достать, и ухватился за верхний край стены, заглядывая на противоположную сторону.

Парапет шел по всей длине стены, всего в четырех футах ниже ее края. Оливер, ухмыляясь, оглянулся на Лютиена, прижал палец к губам, а затем поднял его вверх, показывая, что юноше следует чуть подождать. Еще раз оглянувшись по сторонам, хафлинг соскользнул со стены бесшумно, как кошка — маленькая кошка, а не та, чей рев они слышали час назад.

Минутой позже, когда Лютиен уже забеспокоился и собирался лезть через стену, Оливер снова появился наверху и протянул ему руку. Лютиен подпрыгнул, ухватившись одной рукой за гребень стены, другой — за руку Оливера. Он низко пригнулся и беззвучно скатился на парапет.

Глаза Лютиена чуть не вылезли из орбит, потому что они с Оливером находились прямо между двух сидящих циклопов! Однако он быстро взял себя в руки, сообразив, что Оливер уже был здесь и знает обстановку. При ближайшем рассмотрении оказалось, что ни один из циклопов больше не храпит. Лютиен взглянул на Оливера и увидел, как тот вытирает кровь со своей рапиры о меховую куртку одного из стражников.

Примерно в тридцати футах от них другая группа циклопов, те, кто стрелял в друзей со стены, продолжала увлеченно играть в кости и так и не заметила их вторжения.

Оливер скользнул под накидку Лютиена, и они стали медленно отходить от азартных игроков, направляясь к темневшему впереди дворцу.

Друзьям предстояло соскользнуть со стены и пересечь маленький внутренний двор, но, так как вокруг двора тянулась аккуратно подстриженная ограда, а на крайний случай у них был Лютиенов плащ, они достигли дворца без особых сложностей. Прямо перед ними был вертикальный ряд из четырех окон. Свет ярко горел в первом и втором, третье было гораздо более тусклым, а четвертое — совершенно темным.

Хафлинг поднял вверх три пальца, оглянулся вокруг, желая убедиться, что поблизости нет циклопов, и бросил вверх липучку, прикрепив ее к мраморной стене рядом с окном третьего этажа.

Мрамор был гладким, как стекло, но пупырчатый шар прилип намертво; Оливер

подергал для верности веревку и полез вверх. Лютиен наблюдал снизу, как хафлинг снова залез в свою перевязь и достал длинный стержень, на одном конце которого был закреплен стеклорез, а на другом — большая присоска. Осторожно прислушавшись, он прилепил присоску к стеклу и медленно, но твердо описал стеклорезом полный круг.

Секундой позже Оливер спустился вниз, держа в руках вырезанное стекло.

— Комната пус... — начал он, но остановился и замер, услышав приближение стражников в доспехах.

Лютиен шагнул вперед, накинул на Оливера плащ, а затем отступил и прижался к стене.

Из-за угла появилась группа циклопов в серебряно-черной форме преторианской гвардии; тот, что шел дальше всех от стены, нес горящий факел. Лютиен низко нагнулся, чтобы капюшон полностью скрыл его лицо. Он полностью доверял магической накидке, но ведь эти скоты могли заметить тонкую веревку, свисавшую с дворцовой стены, а то и попросту на него наткнуться!

Стражники прошли мимо Лютиена и Оливера не более чем в четырех футах, так, словно их тут и вовсе не было. Впрочем, для циклопов их и на самом деле не было, так как накидка делала друзей абсолютно невидимыми.

Как только патруль скрылся из виду, Оливер подпрыгнул и стал быстро взбираться по веревке. Лютиен подождал, пока Оливер доберется до второго этажа, а затем тоже полез вверх, желая убраться с земли как можно быстрее.

Казалось, что прошло много минут, но на самом деле друзья оказались во дворце буквально через несколько секунд. Оливер вернулся к продырявленному окну и три раза коротко дернул за веревку, отцепляя липучку и втаскивая ее за собой. Они не оставили никаких следов, кроме стеклянного круга, лежащего внизу в траве, и алой тени, несмываемо въевшейся в белую стену дворца.

Лютиен стоял и ждал, пока его глаза привыкнут к темноте. Они были во дворце, но куда теперь идти? Сколько десятков комнат им удастся обыскать?

— Он где-нибудь в середине, — решил Оливер, который хорошо знал образ жизни дворянства. — В комнатах по ту или другую сторону от купола. Купол находится над часовней; комнаты герцога должны быть где-то поблизости.

— Я думал, что они ходят молиться в Собор, — сказал Лютиен.

— Все эти герцоги да князья страшно ленивы, — объяснил Оливер. — Они обычно заводят часовню прямо в своем дворце.

Лютиен кивнул, принимая этот довод.

— Но темницы находятся внизу, — продолжал Оливер. Он увидел выражение ужаса на лице друга и поспешно добавил: — Правда, я не думаю, что герцог Парагор поместил такую ценную пленницу, как Кэтрин, в темницу. Скорее уж, она с ним или где-то поблизости.

Лютиен не ответил, стараясь выровнять дыхание, и Оливер принял это за знак согласия.

— Стало быть, к герцогу, — сказал он и собрался было идти, но Лютиен придержал его за плечо.

— Герцоги Гринспэрроу не следуют божьим законам, — напомнил юный Бедвир, внезапно усомнившись в доводах друга. — Им плевать на любую церковь.

— Да, но дворец-то был построен до Гринспэрроу, — ответил Оливер без малейшего колебания. — А прежние властители, они верили в Бога. И поэтому самые роскошные комнаты расположены возле купола. Так ты что, собираешься сидеть здесь в темноте и обсуждать планировку дворца, или мы все-таки отправимся и проверим, кто прав?

У Лютиена не было ни вопросов, ни ответов, так что он пожал плечами и подошел вслед за Оливером к закрытой двери комнаты, различимой только потому, что через замочную скважину пробивался снаружи свет.

Скважина находилась на уровне глаз хафлинга. Он заглянул в нее, а затем смело открыл дверь.

При свете Лютиен увидел, что дворец Принстауна изнутри такой же роскошный, как и

снаружи. На стенах висели огромные, искусно вытканые гобелены, а вдоль всего коридора стояли деревянные резные постаменты, на каждом из которых виднелось какое-нибудь произведение искусства: бюсты королей, героев, или просто скульптуры, или даже драгоценные камни и украшения в стеклянных футлярах.

Не один раз Лютиену пришлось силой оттащить Оливера прочь — хафлинг был просто загипнотизирован видом таких сокровищ на расстоянии протянутой руки.

Но для Лютиена Бедвира существовало только одно сокровище, которое он хотел забрать из дворца.

Постепенно друзья приблизились к центру здания. Переходы становились все более роскошными и разукрашенными, сокровища все дороже и все ближе друг к другу, что вроде бы подтверждало рассуждения Оливера о местоположении герцога. Но одновременно с этим становилось все светлее, через каждые двадцать шагов с потолка свисали хрустальные канделябры, в которых горели сотни свечей. Многие двери были распахнуты, и все боковые комнаты освещены. Время подходило к полуночи, но дворец отнюдь не спал. Этот шум и оживление застали обоих, и особенно Лютиена, врасплох, он даже подумывал повернуть обратно и дожждаться более позднего времени, но Оливер и слышать об этом не хотел. Теперь они находились внутри, и любое промедление было смертельно опасно и для них, и для Кэтрин.

— Кроме того, — спокойно добавил Оливер, — мы ведь даже не знаем, когда это сборище закончится. В Гаскони господа иногда не ложатся спать до утра, и так каждую ночь.

Лютиен не стал спорить; он просто последовал за своим крошечным другом в бальный зал. Купцы и их разряженные дамы танцевали в боковых комнатах, часто выходя в коридор, чтобы тут же присоединиться к веселью в соседней комнате. И, что было еще хуже для Лютиена с Оливером, здесь было полно преторианских гвардейцев.

Хафлинг предложил двигаться в открытую, притворяясь участниками бала. Лютиен понимал, что даже его волшебная накидка не поможет им в густой толпе, а потому неохотно согласился. В конце концов, он был хорошо одет, особенно если учесть свисавший с плеч мерцающий алый плащ, а уж Оливер всегда был одет с достаточной пышностью. Они смешались с толпой и продолжили свой путь по коридорам. Оливер небрежным движением прихватил два кубка вина с подноса первого же встретившегося слуги-циклопа.

Атмосфера была еще более опьяняющей, чем вино, с музыкой и возбужденными разговорами, обещаниями любви от похотливых купцов чрезмерно податливым дамам. Оливер чувствовал себя как дома, и это беспокоило Лютиена, который всегда предпочитал открытый бой. Однако вскоре стало окончательно ясно, что их маскировка, или, вернее, отсутствие оной, срывается, и тогда Лютиен почувствовал себя настолько лучше, что даже сумел выдавить улыбку, когда в его объятия упала молодая особа, которая, пьяно спотыкаясь, вышла из боковой комнаты.

Улыбка Лютиена быстро растаяла; накрашенная и надушенная женщина очень напоминала ему леди Элению, даму из свиты виконта Обри, который приезжал в Дун Варну, его родной город на далеком острове Бедвидрин. С этих двух дам, Элени и Авонезы, сопровождавших виконта, все и началось; их поведение повлекло за собой смерть Гарта Рогара, друга детства Лютиена.

Лютиен поставил женщину на ноги и твердо отстранил ее, хотя она тут же опять на нем повисла.

— О-о-о, какой сильный! — Красотка прошла пальцами по мускулам руки Лютиена; в ее глазах зажглась похоть.

— Сильный и вполне доступный, — пообещал Оливер, сразу поняв, что это может закончиться неприятностью. Он встал между ними. — Но сперва нам с моим сильным другом нужно увидеть герцога, а мы, — хафлинг беспомощно оглянулся, — никак не можем его найти!

Женщина, казалось, вовсе не заметила болтовни Оливера. Она снова потянулась, чтобы погладить руку Лютиена, не обращая внимания на откровенную неприязнь, светящуюся в

его глазах.

— Да, да. — Оливер потянул любвеобильную даму за руку так сильно, что она вынуждена была наклониться и взглянуть на него. — Вы сможете погладить все его сильное тело, но только после того, как мы встретимся с герцогом. Вы знаете, где он?

— О, Парри ушел давным-давно, — сказала дама, и друзья нахмурились. Тысяча вопросов обгоняли один другого в мыслях Лютиена. Куда мог уйти герцог? И где тогда Кэтрин?

— В свою спальню, — добавила леди, и Лютиен чуть не вздохнул вслух от облегчения. Значит, Парагор все-таки во дворце!

— Говорят, он там с дамой! — заговорщицки шепнула леди.

Оливер расслышал нотку ревности в ее голосе и, хорошо зная нравы придворных, которые заводили романы только в своем узком кругу, что нередко приводило к кровосмешению, ничуть не удивился, услышав продолжение.

— Иностранка, — сообщила леди с крайним презрением.

— Значит, мы должны найти его раньше, чем... ну, до того... — хафлинг подыскивал наиболее деликатный способ для выражения своей мысли. — В общем, раньше, — просто сказал он и подмигнул, желая показать, что он имел в виду.

— Куда-то туда, — ответила леди, тыкая пальцем вдоль коридора, в том же направлении, куда друзья двигались ранее.

Оливер улыбнулся и приподнял шляпу, затем повернул женщину и подтолкнул ее назад в ту комнату, из которой она вышла.

— Эти люди мне отвратительны, — сказал Лютиен, когда они пошли дальше.

— Конечно, — поддержал его хафлинг. Но он хорошо помнил не столь давнее время, когда ему тоже случалось принимать участие в подобных забавах, всегда подставляя сочувствующее плечо тем дамам, которым не удавалось заарканить самых богатых, или самых могущественных, или самых шикарных джентльменов (впрочем, Оливер всегда считал самым эффектным себя). Конечно, эти люди отвратительны, как сказал Лютиен, а их страстишки мелочны и недолговечны. Немногие из дворян Гаскони или Эйвона, которых сейчас наблюдал Оливер, делали что-нибудь существенное. Чаще всего они проводили время в подобных пьяных увеселениях, с роскошной едой и десятками раскрашенных молодых женщин. Эти ежедневные сборища являлись оргиями похоти, жадности и обжорства.

Но, с точки зрения Оливера, иногда это было очень даже приятно.

Друзья стали проявлять большую осторожность, по мере того как они подходили к центру дворца, потому что там встречалось все меньше пьяных гуляк и все больше циклопов, особенно стражников из преторианской гвардии. Музыка становилась тише, свет — мягче, и наконец Лютиен решил, что им следует прекратить передвигаться в открытую и пора прибегнуть к защите магического плаща.

— Но как тогда мы получим информацию, которая приведет нас к этому человеку? — запротестовал Оливер.

Это было резонным возражением, поскольку они по-прежнему не имели понятия, в какой комнате может находиться герцог Парагор, и даже не были уверены, что «иностранка», о которой говорила дама, — это действительно Кэтрин. Но Лютиен не переменял своего решения.

— Слишком много циклопов, — сказал он. — И мы тут явно неуместны, даже в качестве приглашенных во дворец гостей.

Оливер пожал плечами и спрятался под накидку. Лютиен двигался вдоль стены коридора, осторожно переходя из одной тени в другую. Вскоре они подошли к лестничной площадке. Вот теперь друзья действительно оказались перед дилеммой, потому что понятия не имели, куда идти. На четвертый этаж или на второй? Или стоит оставаться на этом же уровне, потому что коридор тянулся дальше?

Теперь им явно нужна была хоть капля удачи, и удача, как обычно, вовремя вспомнила о своих любимцах. Пара служанок, женщин, а не циклопов, поднималась по лестнице,

сплетничая о герцоге. На них были простые белые одежды, и Оливер решил, что они либо кухарки, либо горничные.

— Сегодня у него такая хорошенькая! — говорила старуха, чей единственный зуб, кривой и желтый, под странным углом нависал над нижней губой. — Рыжая-рыжая, ну прямо огонь!

— Вот же старый паскудник! — сказала другая, не намного моложе и привлекательней первой. — Он старше в два, если не в три раза!

— Ш-ш-ш! — зашипела первая. — Нельзя так о герцоге!

— Ба! — фыркнула другая. — Ты прекрасно знаешь, что он делает. Не сомневайся, он нарочно отослал нас прочь!

— А я рада, что на эту ночь мы свободны, — сказала первая старуха. — И я иду наверх, спать!

— А герцог с девушкой будут спать внизу! — взвизгнула вторая, и обе захихикали. Они миновали друзей, не обратив на них внимания.

Лютиену пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы дожидаться, пока служанки поднимутся наверх, а затем он бросился к лестнице. Оливер пытался удержать его, но Лютиен уже летел вниз, перепрыгивая через три ступеньки.

Хафлинг вздохнул и отправился за ним, но задержался ровно настолько, чтобы успеть полюбоваться еще одним очертанием алой тени на стене.

Когда друзья спустились на второй этаж, перед ними оказался не столь широкий выбор. На площадку выходили три двери, каждая примерно в десяти футах от них. Две по бокам были ничем не примечательными и, судя по всему, вели в коридоры. Лютиен подошел к третьей, борясь с желанием ворваться внутрь, но вместо этого попробовал осторожно повернуть ручку. Дверь была заперта.

Лютиен отступил назад и оскалился, собираясь выломать дверь, но Оливер сдержал его и вытащил из очередного кармашка своей замечательной перевязи тонкую стальную отмычку. Минуту спустя он снова перевел взгляд с двери на Лютиена и злорадно ухмыльнулся — замок сдался. Молодой человек отодвинул друга в сторону и открыл дверь — перед ним находился еще один коридор, гораздо короче, сказочно разукрашенный разноцветной мозаикой. Вдоль каждой стены располагалось еще по три двери.

Перед одной из них, средней слева, стояла пара здоровенных циклопов преторианских гвардейцев.

— Эй, сюда нельзя! — зарычал один из циклопов, приближаясь к ним и поднося руку к тяжелой дубине, которая торчала у него из-за пояса.

— Моему другу нужно срочно найти место, где бы облегчиться, — экспромтом выдал Оливер, толкая Лютиена в бок.

Юноша качнулся вперед, как пьяный, делая вид, что его сейчас стошнит, и циклоп в ужасе шарахнулся в сторону. Он повернулся было к Оливеру, чтобы тот утихомирил своего дружка, но тут же упал с маленькой, аккуратной дыркой в горле.

Второй стражник, который не видел, что происходит за спиной Лютиена, повернулся, намереваясь оттолкнуть распоясавшегося гуляку. Юноша схватил его за руку и рванул на себя. Стражник поднялся на цыпочки, продолжая сохранять изумление на лице, когда «Ослепительный» вошел ему в брюхо наискосок вверх, разрубая легкие и сердце.

Оливер закрыл дверь, ведущую на лестницу.

— Будем надеяться, что мы попали в нужное место, — прошептал он, но Лютиен уже не слушал его и не ждал, пока приятель пустит в ход отмычку. Юный Бедвир разбежался, затем резко ударил в левую дверь, и та послушно распахнулась — это была личная спальня герцога Парагора.

Парагор сидел в правом углу комнаты, спиной к письменному столу, лицом к кровати, на которой сидела Кэтрин, — ее кисти и лодыжки были крепко связаны, а по бокам девушки стояло по стражнику.

В комнате имелось и нечто еще, темнее и больше, со складчатыми крыльями и

красными огнями в темных глазах.

26. ДЕМОН И ПАЛАДИН

Первым побуждением Лютиена было броситься к девушке, но он сумел сохранить самообладание и сообразить, что их с Кэтрин единственный шанс — это быстро избавиться от герцога, в надежде, что демон исчезнет вместе с ними. Юный Бедвир стремительно прыгнул к кровати и резко повернулся направо, обеими руками сжимая «Ослепительный».

Парагор подпрыгнул и взвизгнул, выбрасывая перед собой костлявые руки в жалкой попытке защититься. Лютиен испустил победный клич, меч полетел по дуге как раз под взметнувшимися руками, ударил волшебника в бок, разрубая его дряхлое тело; было видно, как одеяния чародея, желто-коричневые, весьма подходящие по цвету болезненно выглядящему человеку, сложились под силой удара и потянулись за мечом.

«Ослепительный» проделал весь путь слева направо, волоча за собой какие-то коричневые тряпки, прежде чем Лютиен понял, что Парагора в них нет, что волшебник каким-то образом выскользнул из своей одежды. Юный Бедвир качнулся вперед, поскольку его меч не встретил никакой существенной преграды. Он восстановил равновесие и резко развернулся; коричнево-желтое одеяние свисало с клинка.

У противоположной стены, за изножьем кровати, воздух призрачно мерцал; еще мгновение — и там возник Парагор, одетый точно так же, как и прежде. А затем Лютиен увидел Преотека, с горящими глазами, сосредоточившего всю свою ярость на давнем враге. Демон перепрыгнул кровать, едва не зацепив сидевшую на ней Кэтрин и сбив по дороге одного из циклопов; его огромные крылья хлестнули по девушке и второму одноглазому стражу.

Лютиен понял, что он погиб.

Как и его друг, Оливер знал, что главным в этой битве было уничтожение волшебника. И подобно своему другу Оливер понимал, что это задача не из легких. Сперва он двинулся направо, вслед за Лютиеном, затем, видя, что первый же удар «Ослепительного» достиг цели, он бросился на середину комнаты, к Кэтрин. Глаза хафлинга выпучились, когда он заметил волшебное исчезновение Парагора, а затем чуть не вылезли из орбит при виде Преотека, огромного и ужасного Преотека, перемахивающего через кровать!

Пискнув, Оливер нырнул ласточкой, проскочил под падающим циклопом и скользнул под кровать. Ловкий хафлинг быстро пришел в себя, развернулся на животе, выскочил наружу и вонзил в упавшего одноглазого рапиру. Он вонзил ее раз, другой, третий, но живучий циклоп поднялся на колени и с диким ревом развернулся.

Оливер еще раз вонзил в него рапиру, еще раз пискнул и снова спрятался под кровать, преследуемый разъяренным циклопом.

С самого начала Кэтрин трудно было назвать покорной пленницей, и сейчас она поддержала свою репутацию. Девушка стремилась быть рядом с Лютиеном в его безнадежной борьбе с адским демоном, умереть рядом с ним. Но напоследок ей хотелось принести как можно больше вреда проклятому Парагору; падая, когда Преотек походя ударил ее крылом, Кэтрин постаралась напрячь свои мышцы так, чтобы пружинящая кровать отбросила ее снова в сидячее положение. Второй циклоп, всем телом рухнувший на кровать и полуоглушенный крылом Преотека, был более занят своим напарником, который охотился за Оливером, чем пленницей.

Одноглазый почувствовал, как руки девушки скользнули по его широким плечам к шее; цепь, сковывавшая ее запястья, оцарапала ему лицо. Мгновение спустя Кэтрин уперлась ему в спину ногами, изо всех сил затягивая цепь на его шее.

Ускользнув от могучего удара меча Лютиена, Парагор подумал, что нужно было давно

отпустить Преотека. Еще до того, как волшебник снова принял свою телесную форму, он понял, что демон захочет убить Лютиена, разорвать его на части в наказание за свою неудачу на главной башне Собора.

Парагор помнил рекомендацию Товаттла не превращать этого мальчишку в святого мученика, а потому его первый выпад, луч раскаленной белой энергии, был нацелен не в Лютиена, не в его товарищей, но в Преотека.

К тому времени демон находился уже настолько близко от юноши, что удар волшебника оказался не совсем точным. Белая молния ударила Преотека в крыло, не нанеся чудовищу реального вреда, а только отбросив к дальней стене комнаты.

Собрав все свое мужество, Лютиен рванулся вперед и изо всех сил сделал выпад «Ослепительным». Могучий меч выковали гномы Айрон Кросса в давние века, его клинок был сделан из стали, которую тысячекратно расковывали в тонкую пластину, складывали пополам и снова расковывали. Теперь, после многих сотен битв, он стал даже лучше, чем сначала, потому что лезвие постепенно снашивалось, а каждый следующий его слой был тверже предыдущего. Меч глубоко вонзился в плоть демона. Не обращая внимания на горячую зеленую жижу, хлынувшую из широкой рваной раны, Лютиен нажал на меч всем своим весом; «Ослепительный» вошел в тело демона по инкрустированную драгоценными камнями позолоченную рукоять в форме дракона.

Лицо юноши исказил яростный оскал, он взглянул в огненные глаза демона, считая, что победил, что ни одно существо, пусть даже чудовище из преисподней, не может выжить после такого удара.

Преотек, казалось, бился в агонии, из раны сочилась зеленая жидкость, но постепенно злобная ухмылка на змеином лице монстра становилась все шире. Дрожащая когтистая лапа потянулась к Лютиену, который мог отступить только на длину вытянутой руки, не решаясь выдернуть меч. Из пасти демона вырвалось низкое болезненное рычание. Когти Преотека вцепились в кожаную куртку юноши, отталкивая его прочь. Двенадцатифутовый монстр все вытягивал свою лапу, заставляя Лютиена отступать шаг за шагом, а так как тот не осмеливался отпустить рукоять меча, «Ослепительный» следовал за ним, выскальзывая из раны.

Когда Преотек вытянул лапу во всю ее длину и в его груди осталось всего несколько дюймов клинка, Лютиен выдернул меч и направил вверх, достав до нижней челюсти демона. Однако прежде чем юноша успел сделать что-нибудь еще, демон мощным рывком отшвырнул его к двери. Лютиен перекатился, встал на ноги, а затем, увидев, что устремленные на него глаза Парагора разгораются ослепительным огнем, нырнул в открытую дверь и захлопнул ее за собой.

И тут же в дверь ударила посланная Парагором молния, проломив ее прямо посередине и засыпав коридор щепками. Лютиен вскочил на ноги, чтобы вернуться в комнату, но ему пришлось отскочить, так как дверь разлетелась от чудовищного удара, и в коридор вырвался Преотек.

Лютиен метнулся за спину демона и оказался перед дверью. Он увидел, что Кэтрин на кровати изо всех сил затягивает цепь на шее задыхающегося циклопа. Он увидел, что второй одноглазый тщетно пытается забраться под кровать, а рапира Оливера наносит ему удар за ударом.

— Уходи! — крикнул Лютиен Оливеру, а затем выхватил янтарный камень из кармана и бросил под кровать, надеясь, что хафлинг увидит его и найдет способ увести Кэтрин с собой, если этот камень действительно что-то может.

Парагор приближался, его темные глаза были устремлены на Лютиена, как будто никто и ничто в этом мире больше не имело для него значения. Волосы герцога развевались как крылья летучей мыши, в нем уже было не больше человеческого, чем в демоне Преотеке.

Лютиен понимал безнадежность своего положения, но ничуть этим не тревожился. Главное — это предоставить Оливеру и Кэтрин возможность выбраться отсюда. Он развернулся, скалясь от ярости, и рубанул Преотека по спине, прямо между крыльев.

Демон взвыл и обернулся, протягивая когтистую лапу. Но Лютиена уже не было на месте, он перекатился вбок, и когти Преотека хлестнули по дверному косяку и обломкам двери, швырнув Парагору в лицо град щепок.

— Глупец! — завопил герцог, поднимая руки к окровавленному лицу. — Не убивай его!

Парагор не успел еще закончить фразу, когда «Ослепительный» нанес сокрушительный удар по голове низко пригнувшегося демона. Преотек взвыл, и теперь уже его не могли сдержать никакие приказания волшебника, никакие резоны. Он резко развернулся, заполнив собой весь коридор, так что теперь Лютиен не мог зайти ему в спину.

Они стояли лицом к лицу, демон все в том же согнутом положении, с прижатыми к спине крыльями, так чтобы не задевать стен. Коридор был узкий и довольно низкий, Преотек не мог выпрямиться здесь во весь рост, однако это не доставляло ему особых неудобств.

Лютиен тоже согнулся, пятась по коридору от надвигающегося Преотека. Когтистые лапы тянулись вперед, а юный Бедвир только и мог, что отмахиваться от них мечом. Он споткнулся об одного из мертвых циклопов и чуть не упал, с ужасом подумав, что это был бы верный конец.

Обретя равновесие и взглянув на своего врага, Лютиен изумлением увидел, как из сверкающих глаз Преотека возникли два красных, длиной с кинжал, луча. Жутко ухмыльнувшись, демон скосил глаза, чтобы направить лучи под углом. Как только они соприкоснулись, возник третий луч, красная линия, ударившая Лютиена в грудь, как струя расплавленного металла.

Лютиен пытался отдышаться, ощущал ожог, сгусток острой боли, и видел, что ухмыляющееся чудовище приближается. Он пытался отступить, все его существо приказывало немедленно спастись бегством, но дверь позади была достаточно прочной и открывалась только в коридор.

Если бы Лютиен сохранил ясность мыслей, он мог отступить в сторону и распахнуть дверь, чтобы выскочить наружу и затеряться в коридорах дворца. Но он не мог остановиться и подумать, ему мешали боль и Преотек, который снова тянулся к нему своими огромными лапами. А затем эта возможность вообще оказалась потерянной, так как Преотек с помощью заклинания намертво заклинил дверь.

— Ты собираешься, наконец, упасть и сдохнуть, ты, безобразный ублюдок камбалы и свиньи? — орал Оливер, снова и снова тыча рапирой. Он проткнул эту скотину не меньше двадцати раз. По лицу, груди и вытянутым рукам циклопа текли струйки крови, но он не орал, не жаловался и не отступал.

Что-то упало рядом с Оливером, и он услышал, как Лютиен кричит ему, чтобы он уходил. Хафлинг почти не глядя подобрал брошенный предмет, а затем сменил тактику. Оливер колот циклопа и тут же чуть отползал, завлекая его все глубже под кровать. Когда циклоп втиснулся почти целиком, Оливер, гораздо более подвижный в этом узком пространстве, еще раз ткнул его рапирой в лоб, выбрался из-под кровати с другой стороны и вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы заметить, что Кэтрин все еще продолжает душить явно задущенного циклопа.

— Я думаю, ты теперь можешь остановиться, — сухо заметил хафлинг, выводя Кэтрин из транса. — Но если тебе так уж хочется подраться, — продолжал он, оттаскивая девушку от кровати, из-под которой уже вновь показался разъяренный циклоп, — то подожди секунду.

Оливер отскочил в сторону. Кэтрин поднялась на ноги. Она посмотрела на дверь, и то же самое сделал Оливер. Оба они увидели Парагору, который почему-то держался за лицо.

Затем внимание Кэтрин переключилось на сиюминутную проблему: циклопа, вылезающего из-под кровати. Она нагнулась, подождала, пока одноглазый встанет, и окликнула его. Как только тупой охранник повернулся, девушка прыгнула, поддела своей кандалной цепью его подбородок и перекатилась ему за спину.

Кэтрин упала, сильно ударившись коленями об пол, и изо всех сил потащила циклопа на себя, выгибая назад его шею и спину. Она считала этот маневр очень удачным, однако противник оказался крепче, чем можно было подумать, а ее собственный вес был невелик. Окровавленные руки циклопа потянулись назад, схватили Кэтрин за локти и сдавили так сильно, что она, при всем своем мужестве, вскрикнула.

Оливер, разглядывавший тем временем янтарный камень, небрежно шагнул и оказался прямо перед одноглазым, но тот, за своими попытками повернуться к Кэтрин, даже его не заметил.

— Эй, — сказал хафлинг и постучал рапирой по макушке циклопа.

Тот ослабил хватку на локтях Кэтрин, медленно повернул голову и уставился на острие рапиры Оливера.

— Будет больно, — пообещал Оливер, и его клинок метнулся вперед. Циклоп отпустил девушку и яростно замахал руками, пытаясь перехватить удар, но хафлинг двигался слишком стремительно, и рапира вонзилась прямо в глаз циклопа, сделав его безглазым.

Оливер снова отступил, рассматривая волшебный камень и пытаясь припомнить все, что говорила Сиоба, передавая его Лютиену. Пользуясь тем, что ослепленный циклоп воет и бестолково машет руками, Кэтрин повернулась к нему лицом и туго сдавила цепь на его шее.

Если бы циклопу удалось снова схватить девушку, он мог бы разжать удушающую хватку, но одноглазый уже ничего не соображал, обезумев от боли. Он дергался и бился, крутясь то туда, то сюда. Кэтрин продолжала давить, заканчивая свою смертельную работу.

Оливер на них не смотрел. Он подошел к кровати, бросил камень о стену и трижды произнес имя Бринд Амора. Ударившись о стену, камень раскололся, но прежде, чем осколки упали на пол, они превратились во что-то нематериальное, взвихрились туманом, проникая в стену, преобразуя ее.

Оливер узнал волшебный туннель и понял, что они с Кэтрин могут уйти по нему.

— Ах, Бринд Амор, Бринд Амор, — вздохнул хафлинг, переводя взгляд со спасительного прохода на выломанную дверь. Никого из троих — ни Лютиена, ни демона, ни волшебника — не было видно.

— Ну и паскудное же дело быть другом, — пробормотал Оливер, направляясь к двери.

Но прежде чем он успел сделать три шага, сквозь янтарный туман в комнату ворвались два человека. У Оливера отвисла челюсть. В сердце Кэтрин, душившей очередного циклопа, вновь затеплилась надежда.

Бринд Амор и Истебрук.

Яростные удары следовали один за другим, «Ослепительный» взлетал и опускался, двигался влево и вправо, неизменно перехватывая лапу демона раньше, чем она успевала дотянуться до Лютиена, или чуть позже, но до того, как чудовище успевало крепко его схватить или запустить свои ужасные когти слишком глубоко. Лютиен знал, что долго ему не продержаться и что у него нет ни малейшего шанса перейти от глухой обороны к наступлению.

Из сверкающих глаз Преотека вновь потянулись лучи красного света.

Лютиен закричал, оттолкнулся ногой от двери и бросился на чудовище, проскочив между протянутыми когтистыми лапами. Он прыгал вверх, но мгновенно пригнулся, когда Преотек скосил глаза, объединяя лучи. Красная молния сверкнула над головой Лютиена и проделала в массивной двери дыру размером с кулак.

Лютиен нанес Преотеку колющий удар в брюхо, а затем рубанул мечом направо, по огромному крылу чудовища, и сам нырнул в том же направлении, чтобы проскочить между ним и стеной в более длинную часть коридора.

Огромный Преотек не смог среагировать достаточно быстро, чтобы остановить проشمывнувшего у самых его ног Лютиена, но все же успел болезненно ударить его коленом и отшвырнуть к стене.

Лютиен выпрыгнул с другой стороны, все еще на четвереньках, обдирая костяшки

пальцев и хватая воздух ртом; он хотел вернуться к дверям комнаты волшебника, хотя и ощущал такую боль, что не мог даже поднять голову.

Перед его глазами мелькнул край коричнево-желтой мантии — тошнотворный цвет, вполне подходящий для этого тошнотворного чернокнижника.

Лютиен заставил себя подняться на колени, прислонился спиной к стене и начал вставать. Но прежде чем он успел выпрямиться, прежде чем смог взглянуть Парагору в глаза, раздался громкий прерывистый треск. Между пальцами Парагора плясали голубые раскаленные линии, и, когда тот протянул руки к Лютиену, эти линии вытянулись, окутав юношу трескучим подвижным покровом.

Лютиен судорожно задрожал, его волосы встали дыбом, а зубы застучали так, что он несколько раз прикусил язык и почувствовал во рту вкус крови. Юноша пытался взглянуть на своего противника, он хотел собрать всю свою волю для сопротивления, но мышцы его не слушались. Судороги не утихали. Лютиен так сильно ударился затылком о стену, что едва не потерял сознание.

Он даже не заметил, как Преотек наконец повернулся и начал угрожающе надвигаться.

С торжествующим ревом чудовище потянулось к Лютиену, собираясь разmozжить ему голову, однако энергетический колпак, окружавший юного Бедвира, затрещал и заискрился, отбросив лапу демона в сторону. Преотек взглянул на Парагора, его змеиное лицо исказилось от ярости.

— Ты не убьешь его, — твердо сказал герцог. — Он мой. Иди лучше к его возлюбленной и делай с ней все, что хочешь.

Лютиен услышал это. Несмотря на треск и боль, на звук собственных дергающихся костей и связок, он услышал. Парагор послал Преотека к Кэтрин. Он позволил демону убить Кэтрин... или еще хуже.

— Нет, — закричал Лютиен, с трудом произнося это слово. Он выпрямился, используя стену в качестве опоры, и непостижимым образом, одной только силой воли, сумел взглянуть злобному герцогу в глаза.

И Парагор, и Преотек смотрели на юного Бедвира даже с некоторой долей уважения. И тут Лютиен увидел за спиной герцога волшебника в голубом одеянии. Руки Бринд Амора двигались кругами, он творил заклинание. Старый маг набрал воздуха, закинул руки за голову, а затем выбросил их вперед и одновременно дунул изо всех сил.

Лютиен неожиданно представил себе волшебника, как мальчишку, задувающего свечи на именинном пироге.

Вспыхнул яростный взрыв, и резкий порыв ветра прижал Лютиена к стене и одновременно освободил его, уничтожив энергию, исходившую от рук Парагора. Парагор вздрогнул, обернулся к новому противнику и узнал того старика, которого видел в магической чаше. Теперь, когда этот человек явил свое могущество, Парагор связал все известное ему воедино.

— Это ты! — яростно зарычал он, и Бринд Амор понял, что герцог, который слышал рассказы о старинном братстве магов и был, несомненно, предупрежден о нем самим Гринспэрроу, узнал своего противника. С диким звериным воплем Парагор поднял руки, и они засияли болезненным коричнево-желтым свечением. Герцог-чародей бросился вперед, пытаясь вцепиться в горло старика.

К тому времени, когда Лютиен пришел в себя настолько, чтобы открыть глаза, он лежал на полу, а в воздухе над ним висел золотой сияющий покров. Сквозь него юноша увидел гигантскую туманную фигуру Преотека, увидел, как над ним поднялась огромная ступня демона.

Лютиен закрыл глаза, попытался схватиться за меч, но не успел и закричал, думая, что вот-вот будет раздавлен.

Но тут Преотек отчаянно завопил. Как только его нога коснулась золотого покрова, она была смята и отброшена в сторону.

Руки Бринд Амора, сияющие ярким голубым светом под стать его одеянию, взметнулись вверх, встречая нападение герцога. Старый волшебник схватил Парагора за руки и ощутил, как они излучают болезнь, распространяют гниение. Бринд Амор защитился единственным известным ему способом — целительным ледяным заклинанием, которое могло парализовать невидимые болезнетворные эманации Парагора.

Парагор рычал и изгибался, давил изо всех сил. И Бринд Амор не уступал ему, он гнулся и изворачивался, следуя за каждым движением герцога. Затем Парагор внезапным рывком выдернул одну руку и ударил Бринд Амора по лицу.

Старый волшебник принял удар рукой, его предплечье тут же сморщилось, пошло трещинами и превратилось в открытую язву. Бринд Амор ответил ударом ладони по носу и щеке Парагора; яркое голубое сияние коснулось кожи герцога, мгновенно превратив нос и щеку в лед.

Глотая ртом воздух, Парагор вновь схватился за руку Бринд Амора, и борьба продолжилась.

Парагор пытался отбросить Бринд Амора в сторону; к его удивлению, старый волшебник легко поддался, даже бросился вперед всем весом, и оба они полетели через холл, прочь от Лютиена и Преотека.

Юноша потрясенно наблюдал, как Преотек, не в силах остановиться, увязал в золотом свете ступней, а затем и лодыжкой.

Нет, понял Лютиен, не в свете. Это не был однородный слой света, как сперва ему показалось, но кипящая масса крошечных огоньков, похожих на маленькие алмазы с острыми кромками, которые вращались так быстро, что производили впечатление единого светового поля.

И как же они вгрызались в плоть демона, разрезая ее, поглощая и превращая в ничто!

Внезапно все вокруг стало красным — глаза Преотека метнули молнию, — а мгновение спустя Лютиен ощутил, что на него хлынула кровь демона. Он сжался от отвращения и, взглянув вверх, обнаружил, что защитный слой, сотворенный Бринд Амором, исчез вместе с половиной ноги Преотека. Едкая жижа хлынула потоком, забрызгивая стену, пол и самого Лютиена.

Юноша поднял меч и выкатился из-под раненого демона, поднявшись на колени как раз в тот момент, когда мимо него проскользнул Оливер вместе с Истебруком; огромный меч Темного Рыцаря полыхал яростным белым свечением.

Лютиен попытался встать и присоединиться к ним, но обнаружил, что у него не осталось сил, а затем рядом с ним оказалась Кэтрин, которая обхватила возлюбленного за плечи и крепко обняла. Она поцеловала его в щеку, и он заметил, что девушка взяла у одного из мертвых циклопов дубинку.

— Я должна идти, — шепнула она и побежала, но не к Оливеру, Истебруку и демону, а в противоположную сторону.

Лютиен оглянулся и увидел, что Бринд Амор и Парагор сцепились и катаются по полу, по очереди вскрикивая. Это зрелище вывело юного Бедвира из ступора: теперь он мог управлять своими мышцами, но как же они болели! Однако Лютиен не мог сидеть здесь без дела; он знал, что битва еще не выиграна.

— Тьфу! — сказал Оливер, резко останавливаясь, чтобы не попасть в лужу крови демона.

Преотек, прислонившись к стене, казалось, даже не заметил хафлинга. Он смотрел прямо поверх его головы на сверкающий меч и человека в доспехах, на этого рыцаря, благородного воина, осколок прошлого, более достойного века. Демон понял, кем был этот человек, самый ненавистный для него из всех людей.

— Паладин, — прорычал Преотек, забрызгивая все вокруг слюной. Он распахнул

огромные крылья и распрямился, насколько позволял коридор.

Вид демона поверг Оливера в некоторый трепет, но Истебрук, громко и нараспев обращаясь к Богу, бросился в атаку и с размаху ударил мечом сверху вниз. Брошенное Преотеком слово объяснило хафлингу, кем на самом деле был человек, которого они встретили на полях Эрадоха, а его мужество было лишним тому подтверждением.

Истебрук отрубил поднятую руку Преотека.

Преотек передернулся всем своим чудовищным телом, глаза демона вспыхнули, прожигая броню рыцаря, нацеливаясь ему в сердце. Превратив обрубок лапы в оружие, Преотек принялся размахивать им, посылая в прорези шлема Истебрука струи ядовитой крови.

Однако, несмотря на ослепление и боль, Истебрук не прервал свою песнь, рыцарский меч пробил крыло демона и глубоко вошел ему в грудь.

Преотек, стоявший на одной ноге, качнулся в сторону и чуть не упал, но тут же оправился и нанес сокрушительный удар по шлему Истебрука. Рыцарь отлетел к разломанной двери и рухнул на пол.

Наконец волшебники расцепились и встали на ноги. На коже Бринд Амора виднелось несколько язв, а рукава его голубой мантии были изодраны в клочья. Парагор выглядел не лучше: одна его нога заледенела и не сгибалась, лицо и руки были в потеках льда. Герцога била крупная дрожь, но Бринд Амор не мог определить, от холода или от ярости.

Оба творили заклинания, собирая всю свою мощь. Бринд Амор позволил Парагору ударить первым, и, когда герцог испустил энергию в виде ярко-желтой молнии, престарелый маг ответил ударом ярко-синей.

Ни одна из молний не остановила и даже не ослабила другую, мощные заряды энергии жестоко встряхнули обоих противников, уйдя затем в землю возле их ног.

— Будь ты проклят! — прорычал Парагор. Казалось, он сейчас упадет. То же самое ощущал Бринд Амор, старый волшебник был поражен тем, насколько силен оказался герцог.

Но Парагор к тому времени почти истощил свои возможности, как, впрочем, и Бринд Амор. Их схватку закончила не магия и даже не магическое оружие.

Кэтрин О'Хейл пробралась за спину герцога-волшебника и из всех сил опустила дубинку прямо ему на макушку, между торчащими «крыльями» редких волос. Парагор дернул шеей, череп его раскололся. Он слегка подпрыгнул, но в этот раз смог удержаться на ногах только долю секунды и упал мертвым.

Для Преотека не было ни секунды покоя. Прежде чем демон успел обернуться, рапира Оливера сделала аккуратное отверстие между ребер в его неповрежденном боку, но еще более сокрушительной оказалась ярость Лютиена Бедвира.

Лютиен никогда еще не слышал слова «паладин», но успел уже хорошо познакомиться с Истебруком и понимал, что этот человек не просто воин, но святой воитель, несокрушимый в своих принципах и вере в Бога. Лютиена глубоко потряс вид поверженного тела рыцаря. Это послужило напоминанием о зле, которое распространилось по всей земле, о святотатстве, творимом в великих соборах, где теперь собирали налоги, о рабстве гномов и эльфов. Теперь весь его гнев выплеснулся наружу, подавляя любые мысли о страхе. Лютиен безжалостно рубил мечом, наносил демону удары по плечам и шее, заставляя его опираться на обрубленную ногу, которая не могла выдержать вес огромного туловища.

Преотек грудой свалился на землю, но Лютиен ничуть не ослабил напора, выплескивая все, что у него накопилось на сердце. А затем, к его изумлению, Истебрук оказался рядом с ним, и его сияющий меч тоже обрушился на демона, нанося чудовищу ужасные раны.

И опять ярость Преотека устремилась на рыцаря. Демон ударил его здоровой ногой и одновременно широко открыл пасть, затопив Истебрука потоком огня.

Рыцарь упал и уже не поднялся.

Следующий удар Лютиена, как только пламя перестало извергаться, пришелся по

открытой пасти демона, меч прошел через заднюю стенку его змеиного рта и проник в мозг. Преотек передернулся всем своим чудовищным телом, отбросив Лютиена прочь, а затем растаял, оставив на полу массу клейкой, отвратительной зеленой жижи.

Лютиен бросился к Истебруку и осторожно поднял забрало его шлема. Невидящие глаза рыцаря были устремлены вверх, кожа вокруг них обожжена едкой кровью демона. Лютиен слышал удары по двери, вопли циклопов, зовущих герцога Парагора, но не мог отойти от смертельно раненного человека.

Внезапно Истебрук улыбнулся.

— Прошу вас, — сказал он, извергая при каждом слове сгусток крови, — похороните меня в Кэр Макдональде.

Лютиен оценил, как велико значение этой просьбы. Истебрук, этот благородный воин, освятил революцию, пожелав, чтобы его похоронили вдали от родины, в той земле, которая, как он понял, более справедлива, а значит, более угодна Богу.

Лютиен кивнул, не в силах говорить из-за комка в горле. Ему хотелось сказать что-нибудь утешительное, уверить Истебрука, что он не умрет, но юноша видел страшные раны и понимал, что любые его слова будут ложью.

— Свободу Эриадору! — громко сказал Истебрук, все еще улыбаясь, и умер.

— Паладин? — прошептал Оливер, склонившись вместе с Лютиеном над покойным. — Святой человек.

Удары о дверь все усиливались.

— Пойдем, Лютиен, — тихо сказал Оливер, — больше мы ничего тут не можем сделать. Пойдем.

— Ложитесь и притворяйтесь мертвыми, — внезапно сказал Бринд Амор, оттаскивая друзей от тела рыцаря. Они взглянули друг на друга, а затем, с любопытством, на волшебника.

— Быстрее! — резким шепотом приказал Бринд Амор. — И ты тоже, — обернулся он к Кэтрин, которая, как и те, ничего не понимала.

Все трое подчинились волшебнику, и ни один из них не почувствовал себя уютнее, когда их кожа побледнела, а на Кэтрин и Оливере, которые, в отличие от Лютиена, не были ни изранены ни избиты, появились кровавые пятна.

Их недоумение перешло в полное изумление, когда они увидели, как знакомая фигура волшебника расплывается, его белоснежные волосы редют и становятся пегими, поднимаясь странными крыльями под ушами, а борода вообще исчезает. Когда же его голубая мантия превратилась в коричнево-желтую, все трое поняли, в чем дело, и как один оглянулись туда, где тело мертвого герцога приняло вид Бринд Амора.

Волшебник хлопнул в ладоши, и дверь, разбухшая от магии Преотека, съежилась и распахнулась под ударами циклопов, которых привел лакей герцога Товаттл. Одноглазые резко остановились, потрясенные ужасной сценой — два мертвых циклопа, трое убитых людей и один хафлинг и лужа пузырящейся зелено-серой слизи.

— Господин? — обратился Товаттл к Бринд Амору.

— Все закончено, — ответил Бринд Амор скрипучим голосом Парагора.

— Я сейчас же приберу здесь, мой господин! — пообещал Товаттл, поворачиваясь к выходу.

— Некогда! — отрезал Бринд Амор, резко останавливая однорукого слугу. — Собирай ополчение! Немедленно! Эти шпионы развязали языки, прежде чем я прикончил их, и рассказали мне, что их армия действительно стоит у Мальпьюсантовой стены.

Трое друзей, неподвижно лежа на полу, не могли взять в толк, что это делает волшебник.

— Будет сделано, — кивнул Товаттл. — Я пришлю слуг убрать...

— Они останутся со мной! — взревел Бринд Амор и, размахивая пальцами в сторону трех распростертых на полу друзей, начал тихо творить заклинание. Лютиен, Оливер и Кэтрин вскоре почувствовали сокращение мышц, а в их мыслях зазвучал телепатический

призыв волшебника с просьбой довериться ему и делать все, что он говорит. Они поднялись один за другим, по виду ничем не отличаясь от зомби.

— Есть ли худшая пытка для этих обреченных эриадорцев, чем увидеть своих героев не мертвыми, но рабами их врага? — спросил поддельный герцог, и Товаттл, большой любитель кошмаров, злобно ухмыльнулся. Верный слуга коротко поклонился, и циклопы сделали то же самое. Когда они ушли, Бринд Амор взмахом руки закрыл за ними дверь и снова наложил заклинание.

— К чему это все? — недоверчиво спросил Оливер, который на секунду даже усомнился, действительно ли это Бринд Амор, а не Парагор стоит в коридоре.

— Глен Дуррич, — объявил Бринд Амор. — Пока мы сидим здесь и прохлаждаемся, наша армия под предводительством Сиобы уже наверняка заняла высоты у Глен Дуррич. Этот одноглазый олух прикажет солдатам нестись, высунув язык, к Мальпыюсантовой стене, чтобы встретиться там с эриадорцами.

— И гарнизон Принстауна будет разбит в долине, — заключил Лютиен.

— Все лучше, чем выковыривать их из-за городских стен, — добавил хитроумный волшебник и оглянулся на Оливера. — Мы с тобой как-то говорили о том, какую пользу ты можешь принести Эриадору не на поле боя.

Оливер кивнул, хотя ни Лютиен, ни Кэтрин не знали, о чем толкуют эти двое.

— Это время пришло, — продолжил Бринд Амор. — Хотя мне понадобится остаток ночи, чтобы восстановить силы и вновь обрести магическую энергию.

Затем Бринд Амор пристально посмотрел на Истебрука и тяжело вздохнул, болезненно воспринимая потерю. В течение последних двух дней он много беседовал с рыцарем и совсем не удивился, когда тот пожелал остаться рядом с магом и ждать на случай, если волшебный туннель откроется. Бринд Амор без малейших колебаний позволил рыцарю сопровождать его, полностью доверяя этому человеку, понимая, что всеми действиями того руководит благородство. Смерть Истебрука явилась громадной потерей для Эриадора и для мира вообще, но Бринд Амора поддерживала мысль о том, что этот человек искупил свои действия под началом злобного Парагора, узнал правду и выступил на ее защиту.

— Пошли, — сказал Бринд Амор после долгого молчания, — посмотрим, какие удобства может предложить дворец Парагора четырем усталым путешественникам.

27. ДИПЛОМАТИЯ

Лютиен не знал, как подойти к ней. Она тихо сидела на кровати в своей — на это время — комнате, через коридор от спальни Парагора. Она впустила его, не споря, но и без особой радости.

И сейчас юный Бедвир стоял спиной к прикрытой двери, глядя на Кэтрин О'Хейл, девушку, которую он знал с детства и все-таки никогда по-настоящему раньше не видел. Она уже помылась после сражения, и теперь на ней была только легкая атласная сорочка, черная с кружевами, которая нашлась в шкафу. Сорочка была с большим вырезом и несколько ей маловата.

Весьма соблазнительный наряд для такой красавицы, как Кэтрин, однако весь ее вид сразу отгонял любые игривые мысли — спина прямая, руки сложены на коленях, лицо вялое, апатичное.

Она не получила серьезных ран во время схватки и не пострадала от рук герцога Парагора. Конечно, похищение нанесло тяжелую душевную рану, но, безусловно, Кэтрин могла пережить вещи и похуже. Однако после победы, после нескольких первых секунд ликования она почти сразу стала тихой и задумчивой. Только один момент она вела себя с Лютиеном как со спасителем, затем отстранилась от него и продолжала держаться на расстоянии.

Лютиен понимал, что она в равной степени боялась того, что он придет к ней этой ночью, и того, что не придет. До этой минуты Лютиен еще не осознавал полностью

последствий своей связи с Сиобой. Ревность Кэтрин, ее внезапный взрыв той ночью в «Гнэльфе» возбуждали Лютиена и лстили ему. Но теперь это бешенство прошло, сменилось в ней смирением, упадком духа, и Лютиен не мог этого видеть.

— Я привязан к Сиобе, — начал он, ища, с чего бы начать.

Кэтрин смотрела в сторону.

— Но люблю я только тебя, — добавил он и шагнул вперед.

Кэтрин не повернулась к нему.

— Ты это понимаешь? — спросил Лютиен.

Никакого ответа.

— Я должен заставить тебя понять, — настаивал он. — Когда я попал в Монфор... Мне было нужно...

Он замолчал, потому что Кэтрин повернулась к нему: зеленые глаза полны слез, зубы стиснуты.

— Сиоба мне друг, и ничего больше, — сказал Лютиен.

На лице девушки появилось что-то вроде скуки.

— Она была для меня больше чем другом, — признал Лютиен. — И я не жалею... — Он снова замолк, понимая, что говорит что-то не то. — Мне жаль, что я сделал тебе больно, — мягко сказал он. — И если я нанес неисправимый вред нашей любви, то я буду вечно скорбеть об этом, и тогда все остальное, слава и победы, станет пустым для меня.

— Ты — Алая Тень, — бесстрастно сказала Кэтрин.

— Я — Лютиен Бедвир, — поправил ее молодой человек, — который любит Кэтрин О'Хейл, только Кэтрин О'Хейл.

Девушка не моргнула, не ответила ни словами, ни жестом. После долгого неловкого молчания Лютиен, подавленный, повернулся к двери.

— Прости, — прошептал он и вышел в коридор.

Лютиен был уже в противоположном конце коридора, подходил к своей комнате, когда услышал, что Кэтрин его зовет. Он повернулся и увидел, что она стоит у своей двери, высокая и прекрасная, и на ее удивительном лице — отблеск улыбки.

Юноша медленно, осторожно вернулся к ней, не желая подталкивать ее, не желая спугнуть, что бы она ни собиралась сделать.

— Не уходи, — сказала Кэтрин, взяла его за руку и притянула к себе. — Никогда не уходи.

Через щелку приоткрытой двери на другой стороне коридора Оливер наблюдал за этой сценой со слезами на глазах.

— Ах, что может быть лучше, чем молодость весной в Принстауне, — пробормотал сентиментальный хафлинг, закрывая дверь, когда Кэтрин и Лютиен скрылись.

Он выждал еще минуту, затем вновь открыл дверь и вышел из комнаты, облаченный в свой лучший костюм для путешествий, с туго набитой сумкой за плечом, потому что этой ночью его ждала встреча с Бринд Амором, а затем длинный, но невероятно быстрый путь.

На следующее утро отважный гарнизон Принстауна под звуки фанфар вышел из города. Длинная колонна быстро двигалась на юго-восток, собираясь пройти по удобным дорогам Глен Дуррич и затем свернуть на север, к Мальпьюсантовой стене, чтобы разгромить там мятежников.

Но мятежники находились вовсе не у стены. Они ждали, окопавшись на высотах вокруг долины, и гарнизону Принстауна так и не удалось ее пройти.

Колонна циклопов была встречена плотным обстрелом, каждый лучник успевал выпускать по три стрелы, пока первая достигала цели. После нескольких ужасных мгновений вначале, циклопы попытались перестроиться для обороны, но на них вихрем налетели всадники Эрадоха, прорубая огромные бреши в их рядах и увеличивая смятение.

Не было ни обороны, ни организованной контратаки, сражение превратилось фактически в бойню. Некоторые циклопы пытались бежать к восточному концу долины, но

клещи яростной эриадорской армии сомкнулись вокруг них. Другие, находившиеся ближе к концу колонны, вырвались из долины без особого труда, но затем этих счастливицов ожидал неприятный сюрприз, поскольку за время их отсутствия армия гномов окружила Принстаун.

В это роковое утро ни один циклоп не вернулся к городским воротам.

Гринспэрроу ерзал на своем месте, стараясь сохранить улыбку на лице и казаться спокойным и беспечным, хотя стильное гасконское кресло с высокой спинкой было каким угодно, но только не удобным. Однако королю Эйвона приходилось держаться соответственно. Он находился в Касприоле, в юго-западной Гаскони, на встрече с Альбером де Бек Фиделем, важным сановником, одним из самых крупных феодалов во всей Гаскони.

По какой-то не совсем понятной для Гринспэрроу причине де Бек Фидель затронул тему событий в Эриадоре, о которых Гринспэрроу знал не слишком много. Король Эйвона желал насладиться отдыхом. Насколько ему было известно, Белсен Криг находился в Монфоре, хотя последнее сообщение от одной из его помощниц, герцогини-волшебницы Дианы Велворт из Мэннингтона, содержало намеки на какие-то новые неприятности.

— Что вы собираетесь делать? — спросил де Бек Фидель со своим сильным акцентом, и этот прямой вопрос застал Гринспэрроу врасплох. Обычно де Бек Фидель производил впечатление весьма тонкого дипломата, настоящего гасконского аристократа.

— С мятежниками? — удивленно спросил король Эйвона, как будто этот мелкий вопрос даже не требовал ответа.

— С Эриадором, — уточнил де Бек Фидель.

— Эриадор — герцогство Эйвона, — подчеркнул Гринспэрроу.

— Герцогство без герцога.

Гринспэрроу достаточно держал себя в руках, чтобы не вздрогнуть. И откуда только де Бек Фидель узнал об этом? Интересно...

— Герцог Моргней подвел меня, — признался он. — И поэтому он довольно скоро будет заменен.

— После того, как вы найдете замену герцогу Принстауна? — осведомился де Бек Фидель.

Гринспэрроу ничего не ответил, но выражение его лица явно показывало, что он не имел понятия, о чем идет речь.

— Герцог Парагор мертв, — объяснил де Бек Фидель, — а Принстаун — ах, это мой любимый город, он так прекрасен весной — находится в руках северной армии.

Гринспэрроу хотел спросить, что это еще за чушь, но понял, что де Бек Фидель не стал бы делиться этой информацией, если бы не получил ее из надежных источников. А собственное положение Гринспэрроу могло показаться весьма ненадежным, если он не притворится, что прекрасно осведомлен о столь важных событиях.

— Говорят, весь гарнизон Принстауна уничтожен, — продолжал де Бек Фидель. — Полная победа, самая разгромная из всех, о которых я слышал.

От Гринспэрроу не ускользнула нотка злорадства и угрозы в голосе де Бека Фиделя, словно он был чрезвычайно доволен этими новостями. Король-чародей понял, что сюда уже прибыл гонец из Эриадора с обещанием выгодных условий торговли и свободных портов для солидного рыболовецкого флота Касприоля. Союз между Эйвоном и Гасконью был временным явлением, коротким перемирием после нескольких веков бесконечных стычек и даже войн. Хотя в данный момент большая армия Гринспэрроу находилась в землях южнее Гаскони, сражаясь на стороне гасконцев, король ничуть не сомневался, что, если эриадорцы предложат более выгодную сделку относительно богатых рыбой вод Дорсальского моря, двуличные гасконцы перекинутся на их сторону.

То, что началось как бунт в Монфоре, быстро превратилось в крупную политическую проблему.

За одной из дверей этой же комнаты, прижав ухо к замочной скважине, Оливер де Берроуз радостно слушал, как де Бек Фидель продолжал рассказывать Гринспэрроу о всех преимуществах заключения мира с мятежниками, о том, что Эриадор надо предоставить самому себе.

— Они приносят слишком много беспокойства, — настаивал сановник. — Так было, когда Гасконь правила в Эйвоне. Вот почему мы построили стену — пусть эти дикари остаются на своем диком севере! Так лучше для всех, — завершил де Бек Фидель.

Улыбка Оливера стала еще шире. В качестве посла гасконского происхождения, который прекрасно знал нравы и образ жизни дворян южного королевства, хафлинг выполнил свою работу превосходно. Взятие Принстауна могло чуть подтолкнуть Гринспэрроу к перемирию, но весьма откровенный намек на то, что могущественная Гасконь может в этом вопросе встать на сторону мятежников, а то и прямо послать им помощь, безусловно заставит короля-волшебника всерьез задуматься.

— Приказать приготовить для вас покой? — услышал Оливер вопрос де Бека Фиделя после длинной и весьма неудобной паузы.

— Нет, — резко ответил Гринспэрроу, — я должен отправляться в путь сегодня же.

— Назад в Карлайл, — ухмыльнулся Оливер. Хафлинг вынул из кармана янтарного цвета камень — в чем-то Гринспэрроу прав, ему тоже пора отправляться в обратный путь.

28. СЛОВО

Лютиен и Кэтрин, сидя верхом на конях, любовались с холма сверкающим белорозовым мрамором Принстауна. Солнце на востоке стояло низко, отбрасывая лучи из-за их спин и зажигая отсветы на стенах прекрасного города. В прославленном зоопарке Принстауна проснулись экзотические животные, приветствуя восход солнца ревом и рычанием.

За исключением этих звуков, город казался тихим и спокойным, и паника, которая началась после сообщения о том, что герцог Парагор убит, а гарнизон уничтожен, уже улеглась.

— Бринд Амор пообещал жителям Принстауна, что ни эриадорцы, ни армия гномов не войдут в город, — заметил Лютиен. — Они доверяют старому волшебнику.

— Им ничего не остается, кроме как поверить ему, — ответила Кэтрин. — Мы могли бы войти в город и прикончить всех за день.

— Но они знают, что мы этого не сделаем, — твердо сказал Лютиен. — Они знают, почему мы пришли.

— Они нам не союзники, напомнила Кэтрин, — и если бы у них было достаточно сил, чтобы прогнать нас отсюда, они бы так и сделали, ты уж не сомневайся.

Лютиен не ответил. Он с самого начала знал о намерении Бринд Амора отступить назад в Эриадор и все равно втайне надеялся, что после разгрома в Глен Дуррич жители Принстауна присоединятся к восстанию. Тогда эриадорцы могли бы продолжить войну и даже дойти до Карлайла. Но все случилось так, как предсказывал Оливер в тот день, когда они составляли свой план. Жители Принстауна успокоились, радуясь, что их безопасности ничто уже не угрожает, но ничуть не рвались заключить союз с Эриадором.

— И знай также, — хмуро добавила Кэтрин, желая довести до конца свою мысль, — что, если только Гринспэрроу пошлет свои войска на север, против нас, наша армия войдет в город и уничтожит любого, кто будет им мешать.

Лютиен почти не слышал ее слова, отчасти потому, что не хотел их слышать, а отчасти потому, что увидел Оливера на Тредбаре, скакавшего к ним вверх по склону холма. Кроме того, он заметил вдали, на юге, ожидаемую процессию, которая приближалась к захваченному городу. Несколько экипажей двигались один за другим, развевались флаги, спереди и по бокам скакали на вепрекнях циклопы в парадной форме преторианской гвардии. Лютиен не знал этих флагов, но он заметил среди них знамя Эйвона и заключил,

что остальные принадлежат к лучшим родам южного королевства и, вероятно, шести главным городам. Наиболее заметным был голубой стяг, на котором огромные руки протянулись друг к другу через пролив.

— Наверное, Мэннингтон, — заметила Кэтрин, тоже обратив на него внимание.

— Еще один герцог? — спросил Лютиен. — На переговоры или чтобы заняться темной магией?

— Герцогиня, — последовала поправка снизу от подъехавшего Оливера. — Герцогиня Диана Велворт из Мэннингтона. Она будет представлять Гринспэрроу, который все еще в Гаскони.

— Где ты был? — хором спросили Лютиен и Кэтрин, потому что за последние пять дней, с тех пор как погиб герцог Парагор, ни один из них не видел хафлинга.

Оливер негромко хмыкнул, думая о том, поверят ли ему друзья. Он воспользовался магическим туннелем Бринд Амора, чтобы перенестись на расстояние в тысячу миль, а затем вернуться. Хафлинг встречался с важными людьми, самыми значительными сановниками Гаскони и даже, проходя по залу, чуть приподнял шляпу перед самим королем Гринспэрроу.

— Мне было нужно навеститься домой, — сдержанно сообщил он и больше ничего не добавил, а Лютиен и Кэтрин, слишком занятые обсуждением предстоящей встречи, не стали настаивать на подробном рассказе.

Лютиен хотел присутствовать на переговорах, но Бринд Амор наотрез ему отказал, напомнив, что прибывающий посредник будет, вероятно, волшебником и может узнать его или как минимум сообщить о нем своему королю на юг. Там, где дело касалось Гринспэрроу и его сообщников, Бринд Амор полагал, что для Эриадора будет лучше, если Алая Тень останется таинственной и интригующей фигурой.

Поэтому Лютиен согласился остаться вне города и не показываться на переговорах. Но теперь, глядя на экипажи, исчезающие за серой гранитной стеной, он пожалел, что не смог переубедить Бринд Амора.

По всем меркам герцогиня Диана Велворт могла считаться красивой женщиной, ее длинные золотые волосы были зачесаны на один бок и скреплены заколкой с бриллиантами. Хотя она была молода — безусловно, не старше тридцати — и безукоризненно элегантна, Бринд Амор ощущал в этой женщине силу и какую-то неукротимость. Он знал, что она была волшебницей, и довольно могущественной, а к тому же, вероятно, использовала для достижения своих целей не одну только магию.

— Флот? — резко спросила она. С того момента, как герцогиня уселась за длинный дубовый стол, она сразу же дала понять, что хочет завершить переговоры как можно скорее.

— Позорно бежал, — не моргнув глазом ответил Бринд Амор. Прекрасные черты Дианы Велворт, подчеркнутые самой дорогой косметикой, но не размалеванные в типичной эйвонской манере, исказила недоверчивая гримаса.

— Вы обещали, что будете честно вести переговоры, — ровным голосом заметила она.

— Флот стоит на якоре около Даймондгейта, — признал Бринд Амор. Старый волшебник выпрямился, расправил плечи и поднял подбородок. — Под флагом свободного Эриадора.

Его тон безошибочно подтвердил герцогине, что Гринспэрроу не получит обратно своего флота. В общем-то, она и не ожидала, что Эриадор вернет корабли.

— Преторианская гвардия, которая находится в плену на этом острове? — спросила она.

— Нет, — коротко ответил Бринд Амор.

— Но у вас около трех тысяч пленных, — запротестовала Велворт.

— Это наша проблема, — ответил волшебник.

Диана Велворт хлопнула ладонью по полированному столу и поднялась, сделав знак преторианским стражникам по бокам от нее. Но в этот момент еще один участник переговоров, гном с иссиня-черной бородой, громко откашлялся, и это прозвучало как

весьма откровенный намек на дополнительное войско, стоявшее лагерем в горах неподалеку отсюда. Принстаун потерян, противник хорошо укрепился, и, если соглашение не будет достигнуто, в нарушение инструкций Гринспэрроу, Эйвон окажется втянутым в дорогостоящую войну.

Диана Велворт снова села.

— Как насчет пленных циклопов, захваченных в Глен Дуррич? — спросила она с ноткой отчаяния в голосе. — Я должна привезти моему королю хоть какие-то уступки!

— Вы получите назад город, — ответил Бринд Амор.

— Это было известно еще до того, как меня послали на север, — запротестовала Диана. — Так что же с пленными?

Бринд Амор взглянул на Шаглина и слегка кашлянул в знак согласия, а затем объяснил с широкой и искренней улыбкой:

— У нас нет ни малейшего желания тащить тысячу одноглазых к себе в Эриадор!

На это Диана Велворт чуть не засмеялась вслух, и выражение ее лица удивило Бринд Амора. Это не было облегчением, внезапно понял волшебник, но скорее согласием. Только тогда старый волшебник начал понимать подоплеку происходящего. Мэннингтон всегда был вторым городом Эйвона после Карлайла и резиденцией наследников престола.

— Велворт? — спросил Бринд Амор. — А не Велворт ли сидел на троне — до короля Гринспэрроу, конечно?

Намек на улыбку исчез с красивого лица Дианы.

— Какой-то там дядя, — быстро сказала она. — Дальний родственник.

Ее тон подсказал проницательному волшебнику, что за этим скрывалось нечто гораздо большее. Без сомнения, Диана являлась наследницей престола — до того, как его захватил Гринспэрроу. Каковы могли быть чувства этой женщины по отношению к чернокнижнику, который стал теперь ее королем? Бринд Амор отбросил эти мысли. У него сейчас имелись другие дела, более неотложные и важные для Эриадора.

— Теперь у вас есть что преподнести вашему королю, — сказал он, завершая таким образом встречу.

— Конечно, — ответила Диана, к которой после разговора о ее королевской родословной вернулась прежняя немногословность.

Лютиен и Кэтрин, Оливер и Сиоба и вся армия Эриадора и гномов Айрон Кросса наблюдали, как Бринд Амор, Шаглин и герцогиня Диана Велворт поднимаются на самую высокую башню Принстауна, огромный шпиль Собора. Взойдя наверх, волшебник обратился ко всем жителям этого края, эриадорцам и эйвонцам. Его голос, усиленный магией, отдавался эхом во всех уголках Принстауна.

— Пришло время жителям Эриадора вернуться на север, — объявил Бринд Амор, — а гномам Айрон Кросса отправиться домой.

А затем он произнес те слова, которые так давно стремились услышать Лютиен Бедвир и Кэтрин О'Хейл:

— Эриадор свободен!

ЭПИЛОГ

— Монархия? Демократия? — с отвращением говорил Оливер. — Правительство — тьфу! — Они находились в дороге целую неделю, и, хотя весна была уже в полном разгаре, погода стояла довольно скверная — не такой они ожидали для триумфального возвращения в Кэр Макдональд.

Теперь, когда на горизонте появились наконец стены города и огромный Собор, их разговор коснулся коронации короля свободного Эриадора.

Лютиен ни на минуту не сомневался в том, кто им должен стать. Некоторые считали, что бразды правления должен взять в свои руки их вождь, Алая Тень, но Лютиен хорошо

знал свои возможности — как таланты, так и недостатки. Королем будет Бринд Амор, к вящему благу Эриадора!

— Тьфу? — удивилась Кэтрин.

— Правительство, — опять сказал Оливер. — Вы знаете разницу между монархией и демократией?

Кэтрин пожала плечами — она даже не была уверена в том, что понимает идею демократии, о которой заговорил Бринд Амор вскоре после того, как они оказались на земле Эриадора.

— При монархии, — объяснил хафлинг, — один человек использует свою власть, чтобы эксплуатировать другого. А при демократии — все наоборот.

Лютиену и Кэтрин понадобилось некоторое время, чтобы понять смысл его слов.

— Значит, тебе кажется, что Эриадору было бы лучше вообще без короля? — спросил Лютиен. — Мы можем просто дать городам возможность самим разбираться со своими делами...

— Они так и так будут это делать, — перебил его Оливер, и Кэтрин вынуждена была согласиться. Немногие из гордого люда Эриадора согласились бы подчиниться кому-то, кто не принадлежит к их городу или деревне.

— И все равно нам нужен король, — решительно заявил Лютиен. — Необходим тот, кто будет выступать от лица всей страны в отношениях с другими странами. Так было всегда, задолго до того, как люди услышали имя Гринспэрроу.

— И Бринд Амор сумеет объединить народ Эриадора, — согласился Оливер. — Он будет справедлив и к гномам, и к эльфам — в этом нет сомнений. Но все равно правительство...

— Тьфу! — хором сплюнули Лютиен и Кэтрин, и все трое весело захохотали.

Коронация Бринд Амора прошла превосходно, в яркий и солнечный день, меньше чем через неделю после того, как армия вернулась в Кэр Макдональд. Если кто-то и был не согласен с этим выбором, он не подал голоса, и даже суровые горцы остались довольны церемонией и празднованием.

Теперь роль вождя перешла к Бринд Амору, потому что битвы на мечях, очевидно, закончились, а дипломатические дуэли только начинались, и Лютиен был рад отдыху, рад, что может снять со своих плеч груз ответственности.

Временно. Юноша не питал иллюзий, что все его обязанности выполнены и война закончена. Он долго обсуждал это с Бринд Амором, и оба они пришли к выводу, что Гринспэрроу так легко пошел на перемирие, только желая выиграть столь необходимое ему время. Оба они знали, что впереди их ждут новые, более серьезные битвы.

Потом Лютиен подумал об Истебруке, который отдал столько лет служению королю Эйвона. Он подумал об Истебруке, который был похоронен в Кэр Макдональде. Этот благородный рыцарь всю жизнь служил Эйвону, но похоронить себя он завещал в Эриадоре. Лютиену придется как следует обдумать эту иронию судьбы.

Но все эти трудные мысли можно было отложить на другое время, напомнил себе юноша, когда изукрашенный экипаж достиг помоста, установленного на широкой площади около Собора. Бринд Амор, который выглядел очень по-королевски, в длинной пурпурной мантии, с аккуратно расчесанными волосами и бородой, вышел из экипажа и поднялся по ступеням под ликующие крики тысяч собравшихся.

Собравшихся, чтобы отпраздновать этот день, напомнил себе Лютиен, заставив себя отбросить все мысли о Гринспэрроу.

Этот день. Эриадор свободен.